

Из архивов Государственного музея Л. Н. Толстого

Л. Н. Толстой
и

Ф. А. Желтов

Переписка

А. А. Донсков, редактор

СРГ
ГМЛНТ

Tolstoy Series

• 2 •

На переплете: Центр села Богородского

И-1. Федор Алексеевич Желтов

Л. Н. Толстой
И
Ф. А. Желтов
Переписка

Редактор
А. А. Донсков

Составитель
Л. В. Гладкова

SRG
Slavic Research Group
at the University of Ottawa
Славянская исследовательская группа
при Оттавском университете
и
Государственный музей Л. Н. Толстого
State L.N. Tolstoy Museum, Moscow
1999

© 1999 Slavic Research Group at the University of Ottawa

No part of this book may be reproduced in any form, by print, photoprint, microfilm, microfiche, or any other means, without written permission from the publisher.

Canadian Cataloguing in Publication Data

Tolstoy, Leo, 1828–1910.

L. N. Tolstoi i F. A. Zheltov : perepiska

(Tolstoy series ; 2)

Includes bibliographical references.

ISBN 0-88927-043-0

1. Tolstoy, Leo, 1828–1910—Correspondence. 2. Zheltov, F. A. (Fedor A.)—Correspondence. 3. Authors, Russian—19th century—Correspondence.

I. Donskov, Andrew, 1939–. II. Zheltov, F. A. (Fedor A.). III. Gladkova, Liudmila, 1955–. IV. University of Ottawa. Slavic Research Group. V. Title. VI. Series.

PG3379.Z44 1999

891.73'3

C99-900874-9

Slavic Research Group
University of Ottawa
Ottawa, Canada K1N 6N5

Facsimile: (613) 562-5160

E-mail: SLAVICRE@uottawa.ca

Printed in Canada

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	ix
Л. Н. Толстой и крестьянский писатель Ф. А. Желтов	
А. А. Донсков	1

ПИСЬМА 1887-1909

1. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 18 апреля 1887 г.	29
2. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 21 апреля? 1887 г.	32
3. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 6 июля 1887 г.	34
4. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 20 июля 1887 г.	35
5. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 27 января 1888 г.	36
6. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 1-2 февраля 1888 г.	37
7. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 2 мая 1888 г.	40
8. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 12 мая 1888 г.	41
Ф. А. Желтов, «О жизни как вере во Христа»	43
9. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 16 июня 1888 г.	50
10. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 4 июля 1888 г.	51
11. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 31 января 1889 г.	52
12. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 7 февраля 1889 г.	55
13. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 12 июня 1889 г.	57
14. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, нач. октября 1889 г.	59
15. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 15 октября 1889 г.	60
16. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 16 октября 1889 г.	70
17. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 23 ноября 1889 г.	71
18. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 11 февраля 1890 г.	73
19. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 16 марта 1890 г.	74
20. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 8 апреля 1890 г.	80
21. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 12 апреля 1890 г.	81

22. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 29 апреля 1890 г.	83
23. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 21 мая 1890 г.	85
Ф. А. Желтов, «Искреннее посвящение Л. Н. Толстому»	87
24. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 30 ноября 1891 г.	88
25. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 23 июля 1892 г.	93
26. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 4 марта 1893 г.	95
27. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 25 февраля 1894 г.	100
28. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 21 апреля 1894 г.	101
29. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 28 апреля 1894 г.	104
30. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 5 мая 1894 г.	106
31. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 12 мая 1894 г.	108
32. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 15 мая 1894 г.	112
33. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 23 мая 1894 г.	113
34. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, после 23 мая 1894 г.	114
35. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 23 июня 1894 г.	116
36. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 7 или 8 июля 1894 г.	118
37. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 6 августа 1895 г.	119
38. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 19 августа 1895 г.	120
39. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 19 октября 1895 г.	122
40. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 27 октября 1895 г.	125
41. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 18 декабря 1895 г.	126
42. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 29 декабря 1895 г.	128
43. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 18 января 1896 г.	130
44. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 7 апреля 1897 г.	133
45. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 10 апреля 1897 г.	135
46. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 21 апреля 1897 г.	138
47. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 27 декабря 1900 г.	140
48. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 27 декабря 1900 г.	141

49. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 30 декабря 1900 г.	143
50. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому, 17 сентября 1909 г.	144
51. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову, 12 октября 1909 г.	148

Приложение:

В. Башкиров, «Он встречался с Толстым»

151

Список иллюстраций

И-1. Федор Алексеевич Желтов (портрет)	ii
И-2. Кожевенный завод Ф. А. Желтова	viii
И-3. Здание заводоуправления АО «Бокоз»	viii
И-4. Собор Рождества Богородицы (г. Богородск)	x
И-5. Копия анкеты при письмах Л. Н. Толстого	18
И-6. Ф.А. Желтов, «Искреннее посвящение Л. Н. Толстому»	25
И-7. Третья стр. статьи Ф. А. Ж. «Хорошо ли пить вина...»	56
И-8. Письмо Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому, 16.III.1890 г.	79
И-9. Конверт письма Ф. А. Желтова к Л. Н. Т., 4.III.1893 г.	103
И-10. Первая страница статьи Ф. А. Желтова «О жизни...»	105
И-11. Конверт письма Ф. А. Желтова к Л. Н. Т., 15.V.1894 г.	115
И-12. Конверт письма Л. Н. Т. к Ф. А. Ж., 19.VIII.1895 г.	120
И-13. Письмо Л. Н. Толстого к Ф.А.Желтову, 19.VIII.1895 г.	121
И-14. Письмо Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому, 27.X.1895 г.	127
И-15. Конверт письма Л.Н. Т. к Ф. А. Желтову, 10.IV.1897 г.	136
И-16. Первая стр-ца письма Л. Н. Т. к Ф. А. Ж., 10.IV.1897 г.	137
И-17. Конверт письма Ф. А. Желтова к Л. Н. Т., 17.IX.1909 г.	147
И-18. Первая страница статьи «Он встречался с Толстым»	150
И-19. Титульный лист брошюры Ф. А. Желтова «Два пути»	155

На задней стороне переплета: Федор Алексеевич Желтов (портрет)

И-2. Кожевенный завод, владельцем которого до 1918 г. являлся Ф. А. Желтов; впоследствии кожзавод им. Венецкого, в наст. время АО «Бокоз»

И-3. Здание заводоуправления АО «Бокоз»; до 1918 г. принадлежало Ф. А. Желтову

От редактора

От имени Славянской исследовательской группы при Оттавском университете, я бы хотел выразить сердечную благодарность Государственному музею Л. Н. Толстого в Москве за предоставленный ценный материал, входящий в данный сборник.

Эта переписка, плод нашего многолетнего близкого сотрудничества, вместе с уже изданной нами перепиской Л. Н. Толстого с П. В. Веригиным, М. П. Новиковым и Т. М. Бондаревым образует своеобразную тетralогию — исключительно важный диалог между Л. Н. Толстым, ищущем на протяжении многих лет смысл жизни в крестьянстве, и четырьмя крестьянами-сектантами, многое открывшими ему.

Я хотел бы выразить свою признательность проф. Л. Д. Громовой-Опульской за ее советы и постоянную поддержку, Л. В. Гладковой за составление текста писем и моему ассистенту А. А. Ключанскому за его участие. Особенная признательность моему коллеге Джону Вудсворту. Я хотел бы также выразить свою благодарность д-ру Г. Я. Галаган за ее помощь, как и сотрудникам Богородского краеведческого музея за фотографии и ряд ценных документов, касающихся личности Ф. А. Желтова.

1999

А. А. Донсков
Славянская исследовательская группа
Оттавский университет
Канада

И-4. Собор Рождества Богородицы.

По названию ранее деревянной церкви, которая сгорела, получило название село «Богородичное», «Богородицкое» и окончательно село «Богородское» — ныне город Богородск. Собор был разобран в конце 30-х годов.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ Ф. А. ЖЕЛТОВ

Трактат Толстого «Так что же нам делать?» (1886 г.) — это мощный призыв к духовному возрождению. Автор пишет: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мировоззрение. Люди эти были не русские поэты, ученые, проповедники, — это были два живущие теперь замечательные человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаяев и Бондарев».¹

Этот отрывок определяет важные вехи в направлении мысли Толстого. С первых строк становится ясно, что вопросы нравственности уже давно волнуют писателя. Полностью исключается любое влияние со стороны аристократии и духовенства на его мировоззрение, в основу которого легли крепкие нравственные устои русского крестьянства, чей смысл жизни состоял в работе «в поте лица своего». Эти простые люди не только нравственно обогатили Толстого, но и «уяснили» ему его мысли. Это был необыкновенно значительный момент в его так называемый «посткризисный период» (вслед за окончанием «Анны Карениной» в конце 1870-х гг.), что абсолютно необходимо учитывать при любой дискуссии о Толстом и крестьянстве.

Показательно также, что оба упомянутых здесь крестьянина были сектантами: В. К. Сютаяев² был хорошо известен Толстому и другим современным ему писателям, а Т. М. Бондарев (1820–1898), субботник (группа, отколовшаяся от молокан, в свою очередь ранее отделившихся от духоборцев) активно вел непрерывную переписку с Толстым с 1885 г. до самой своей смерти, последовавшей в 1898 г.³

¹Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание. Москва-Ленинград, Т. 25. С. 25 (далее ссылки на том и страницу приводятся в тексте).

²В. К. Сютаяев (1820–1892) — крестьянин-мыслитель, единомышленник Л. Н. Толстого, оказавший довольно сильное воздействие на писателя. См. о нем в: А. С. Пругавин, «Алчущие правды», Русская мысль, 1881, кн. XII и Н. И. Пруцков, «Сибирская утопия Т. М. Бондарева «Торжество земледельца» в: Очерки литературы и критики Сибири (XVII–XX вв.), Новосибирск, 1976, С. 132–35 и А. П. Косованов, «Тимофей Бондарев и Лев Толстой», Абакан, 1958, С. 5–8.

³Основная идея сочинения Бондарева «Торжество земледельца или трудолюбие и тунейдство», законченного на рубеже 70–80-х годов, заимствована из

Слово «уяснить» может стать ключом к пониманию развития мысли Толстого. Оно предполагает подтверждение идеи — в данном случае нравственной позиции писателя. Толстой настаивает, что нравственные законы существуют уже давно, человечеству остается лишь уяснить их себе. Уяснение нравственного закона является самым важным, если вообще не единственным делом всего человечества.

В связи с этим, как в жизни Толстого, так и в его творчестве, сектанты сыграли ту же роль, что и другие крестьяне, послужившие катализатором духовного возрождения его героев-аристократов. Такова функция крестьянина Каратаева в возрождении Пьера в «Войне и мире», или для Левина — крестьянин Платон в «Анне Карениной», или для Нехлюдова — крестьянин-сектант в «Воскресении». Левин «перерождается», услышав от одного из крестьян историю о справедливой и полной смысла жизни другого крестьянина, и он проходит все этапы на пути к истине, которую он всегда невольно осознавал: «Я ничего не открыл. Я просто научился тому, что я уже знал» — говорит он в конце романа.

Тем не менее весьма существенно, что его учителем оказался крестьянин, не обремененный тяжким бременем цивилизации. Толстой понял, что ответ на вопрос «Как жить?» (и умирать), который волновал его главных героев (и его самого), не может быть найден на уровне нравственных и интеллектуальных рассуждений, однако он уже существует на более глубоком, более естественном уровне — через «правду», как она воспринимается им самим и его дворянским персонажами (на которых в его главных работах сконцентрировано почти все его внимание), и через их единение с крестьянами.

Толстой узнал в полном объеме о преследовании церковью и государством русских сект уже после того, как написал свои основные

«Книги Бытия»: «В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишься в землю, от нея же взят» (3:19).

Нам известны сокращенные варианты сочинения Бондарева из публикаций в еженедельнике «Русское дело» (1888, №12-13) с послесловием Толстого. В 1890 г. благодаря содействию Толстого вышел французский перевод «Léon Tolstoï et Timothé Bondareff. Le travail». Traduit du russe par V. Tseytline et A. Pagès. Paris, 1890. Примечательно, что в том же году вышел английский перевод, но не с русского, а с французского перевода Цейтлина и Пажеса (см. «The Suppressed book of the peasant Bondareff. Labour: The Divine command. Made known, augmented and edited by Count Lyof Tolstoï». Trans. Mary Cruger. Toronto, 1890). Т. М. Бондарев неоднократно жаловался и Л. Н. Толстому, и Г. И. Успенскому на плохой перевод его сочинения (обратный перевод по его просьбе был сделан местным переводчиком) и на многие сокращения. Его рукопись содержала около 200 листов; «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство» также вышло в сокращенном виде в «Посреднике» в 1906 г.

теоретические работы по социальным и религиозным вопросам. Настойчивые преследования, последовавшие за сожжением духовборцами оружия на Кавказе в июне 1895 г., стали, можно сказать, прямым вызовом всей толстовской философии ненасилия, его отрицанию официальной религии, а также собственности и привилегий, основанных на классовой структуре общества и правовой элитарности. Эти преследования, базой которых послужили националистические и милитаристские идеи того времени, побудили Толстого еще сильнее настаивать на доктрине несопротивления злу насилием как главнейшего принципа христианского учения.

Ничего неожиданного не было в том, что в середине 1890-х гг. Толстой принял сторону духовборцев. Он и раньше неоднократно выступал против преследования различных религиозных сект. Писатель был хорошо осведомлен о других христианских пацифистах (например, квакерах и меннонитах). В эпоху практически всеобщей воинской повинности как в России, так и в Европе, он поддерживал тех, кого их пацифистские убеждения вынуждали отказываться от службы в их национальных армиях, но никогда не делал он этого с таким горячим интересом и столь активно, как в случае с духовборцами. Во-первых, среди духовборцев страдало гораздо большее число людей, чем в других сектах (например, у молокан или штундистов); кроме того, после сожжения оружия репрессии усилились настолько, что сама жизнь многих людей оказалась в опасности.

Все же наиболее значительным фактором, определившим особый интерес Толстого и его активное участие, было, несомненно, существенное совпадение его философии и образ жизни духовборцев. В сообщениях, которые получал Толстой от своих последователей (известных как «толстовцы»), говорилось о честном труде сектантов и добывании ими пропитания работой на земле, об их общинном имуществе, их любви к Богу, их абсолютном отрицании войны, убийства и насилия, а также об их готовности страдать от притеснений за стремление к Истине. Все это было весьма близко писателю, он видел в этом практическое воплощение своей мечты, именно за это ратовал в своих произведениях. Будучи прагматиком, Толстой не довольствовался ограничением своего творческого вклада философией. Он пребывал в постоянных поисках наглядных примеров для иллюстрации своих теорий. Какое-то время он искал удовлетворения в простой крестьянской жизни, а теперь почувствовал, что простые русские сектанты могут стать реальным примером, в особенности потому, что эти группы — более, чем любые иные, — объединяли крестьянский образ жизни с могучим стремлением следовать учению Христа на деле, а не на словах, скорее в повседневной жизни, чем путем организованной религии — иными словами, это была иллюстрация неразрывности духовного и материального.

Толстой постоянно интересовался различными русскими сектами. Он посвящает им свои публицистические работы, на них приходится более 1/10 его эпистолярного наследия, им отводится важная роль в некоторых его художественных произведениях. В «Воскресении» сектанты призваны «уяснить» мысли и идеи Нехлюдова (и, сверх того, самого писателя) в его поиске нравственного возрождения. Показательны, например, сцены притеснений и наказаний, которые так волновали Толстого, особенно после 1895 г. Хотя сектанты в романе были молоканами, именно ситуация духоборцев, возникшая после 1895 г., стимулировала Толстого довести роман до конца. Впервые Толстой вводит в роман (теперь уже в шестую его редакцию) крестьян-сектантов молокан после сожжения духоборцами оружия. Самое важное, что это были свои русские сектанты, а не иностранные евангелисты, например, последователи учения лорда Редстока, которое так увлекало многих в среде современной Толстому русской аристократии⁴.

Вопрос преследования и наказания, судьбы людей, отказывающихся от воинской повинности в силу нравственных убеждений, проблема выбора верного пути в жизни доминируют в неоконченной пьесе Толстого «И свет во тьме светит» (которую писатель не раз называл «Моя драма»). Герой пьесы живет по правилам, основанным на чисто сектантской философии — вера в Бога в сердце, честная, мирная общинная жизнь, свободная как от вмешательства властей, так и подчинения церкви, всемирное братство. Ученик героя, молодой рекрут, отказывается приносить присягу на верность и расплачивается за свои убеждения дорогой ценой: после заключения в тюрьму и неудачных попыток вернуть его в лоно Православной церкви, его сначала отправляют в дисциплинарный батальон (как в действительности случалось со многими рекрутами из сектантов), а потом в сумасшедший дом, тогда как другой персонаж из православного духовенства покидает церковь и присоединяется к духоборцам.

Однако, как в пьесе, так и в романе, образы сектантов не получают ни психологического, ни художественного развития. Они выступают скорее как абстракция, призванная пролить свет (снова: «уяснить») на идеи, имеющие отношение ко внутреннему конфликту героя-аристократа.

Секты берут начало в социальном протесте. Они придают ему направление и формальное выражение, что во многом определяется историческими обстоятельствами. Некоторые из них восходят к раннему христианству или, чаще, ко времени русского раскола, хотя

⁴См. Edmund Heier, «Religious schism in the Russian aristocracy 1860–1900. Radstockism and Pashkovism». The Hague: Nijhoff, 1970.

распространение их и усиление их деятельности приходится на вторую половину XIX столетия⁵.

Период после освобождения крестьян в 1861 г. был отмечен многими важными событиями. Прогрессивные круги Российской Империи искали духовной связи со своим народом, но не находили ее, а только все сильнее утрачивали чувство реальности, что продемонстрировало, в частности, уже к 1874 г. движение «хождения в народ», главной целью которого была вполне обоснованная на первый взгляд просветительская деятельность. Пропасть между высшим и низшим сословиями, обусловленная отрывом образованных классов от народных масс, не уменьшалась, но, напротив, становилась все неодолимее.

Отсутствие в России социальных условий для свободного развития личности вызывало трагическое ощущение опустошенности, которое хорошо передал Глеб Успенский во «Власти земли» (1882).

В литературной критике социального направления проявилась тенденция осуждения многих видных русских писателей, в произведениях которых критики не обнаруживали социальной и нравственной пользы.

После убийства в 1881 г. Императора Александра II, которое было организовано представителями радикально настроенной молодежи, перешедшей во второй половине 70-х гг. к террористическим актам, политика правительства в отношении как политических, так и любых других диссидентов ужесточилась. Репрессии в отношении их сделались в России практически повседневным явлением.

В то же время, разрушение социальных и политических ориентиров, которыми руководствовались прежние поколения, привело к разочарованности многих Православной церковью. Во второй половине XIX в. иностранные толкователи Христианской религии и представители различных сект находили в России все большее число приверженцев среди представителей как высших, так и низших классов.

Такова вкратце была атмосфера в России, когда духовные искания Л. Н. Толстого привели его после окончания «Анны Карениной» сначала к состоянию духовного кризиса, а затем к поиску и обретению собственной веры. При всей своей противоречивости, эта «новонайденная» вера Толстого отражала взгляды писателя на жизнь и религию, которые он пытался привести в соответствие с тем, как он понимал философию хлебопашцев. В этом качестве все его представления нередко сближались с идеями таких крестьян-мыслителей как

⁵См. В. Бонч-Бруевич, «Сектантство в освободительную эпоху» в: «Из мира сектантов», Москва, 1922, С. 24-35; Л. Д. Громова-Опульская, «Л. Н. Толстой и П. В. Веригин: переписка», под ред. А. Донскова, СПб., 1995.

М. П. Новиков, П. В. Веригин, В. К. Сютаяев, Т. М. Бондарев и Ф. А. Желтов⁶.

Интерес Толстого к сектантам и поддержка их были встречены по-разному. Некоторые современники восприняли его отношение как поведение «кающегося дворянина», стремящегося искупить несправедливость, допущенную в прошлом по отношению к крестьянству со стороны высших классов (к которым по рождению принадлежал Толстой), а церковные критики расценили действия Толстого как подрыв основ Русской православной церкви, что в конечном итоге привело к его отлучению в 1901 г. Другие же обнаружили в них черты анархизма, опасные для государственных устоев. Реакция властей оказалась вполне предсказуемой: доносы, слежка, полицейский надзор. Тем не менее, в 1870–1880 гг. часть российской интеллигенции поддерживала интерес к сектантскому движению в России, а некоторые полагали, что сектантская оппозиция официальной церкви могла бы быть также успешно использована для формирования оппозиции царскому правительству. Как отмечал Гусев⁷: «многие журналы, как «Отечественные записки», «Дело», «Слово», «Русская мысль», охотно печатали статьи о сектантах»⁸.

Уже с 1880 г. в результате публикаций, в частности, «Посредника», а также других изданий и вследствие личных контактов Толстого с русскими крестьянами и «начинающими писателями из народа», среди простого народа возникли и распространились слухи о том, что писатель симпатизирует русским сектантам.

В начале 80-х гг. Толстой познакомился с Ф. А. Желтовым, молоканином из села Богородское, Горбатовского уезда Нижегородской губернии, хотя вообще знакомство Толстого с молоканами произошло еще в 1871 г. в Самаре⁹, где у Толстых было имение. Тол-

⁶О М. П. Новикове и Л. Н. Толстом, см. Л. В. Гладкова, «М. П. Новиков. Уход Л. Н. Толстого. 1905 год. Столыпинская реформа. Письмо к И. В. Сталину» в: «Неизвестный Толстой. В архивах России и США». Москва, 1994. С. 318–47; также А. А. Донсков, «Л. Н. Толстой и М. П. Новиков: Переписка». München, Verlag Otto Sagner, 1996. С. 1–120.

⁷Н. Н. Гусев, «Лев Николаевич Толстой: Материалы 1881–1885 гг.». Москва, Наука, 1970. С. 53.

⁸Толстой отметил в дневнике публикацию в «Отечественных записках» за 1881 (№№ 4 и 5) статьи Федосеевца «Программа вопросов для собрания сведений о русском сектантстве».

⁹Этел Данн (Ethel Dunn) в своей статье «Spiritual and economic renewal among Molokans and Doukhobors» («Canadian Ethnic Studies», Т. XXVII, № 3, 1995, С. 166) приводит составленную И. Морозовым таблицу статистических

стой часто встречался с представителями местного населения, к которым относился с глубоким почтением.

Молокане, называвшие себя «духовными христианами», составляли группу русских крестьян, которые, также как и множество других сект, разошлись во взглядах с официальной русской церковью около 300 лет назад. Они подверглись жестоким гонениям и в полном составе были высланы в Закавказье, где на протяжении жизни нескольких поколений чувствовали себя в относительной безопасности. Однако, во время русско-японской войны преследования возобновились. Убежденные пацифисты, они отказывались носить оружие и даже нести нестроевую службу в армии. Предвидя дальнейшие гонения, около 5 000 молокан в поисках свободы совести перебрались в Америку в 1905–1907 гг.

В отличие от духовборцев, от которых они откололись приблизительно в конце XVIII столетия, молокане признают Писание как источник знаний об истине, но толкуют его весьма вольно. Они отвергают доктрину Троицы, святых; их концепция церкви сводится к понятию сообщества верующих, в котором все равны: они отвергают рукоположенное и оплачиваемое духовенство, осуждают иконы, отвергают таинства и, следуя заповедям, отказываются приносить присягу и носить оружие (их мистическая и аскетическая направленность проявляется в вере, что Святой Дух нисходит на них и открывает им могущество Господа). За некоторым исключением, их идеи отвечают тем положениям, которые Толстой после своего так называемого ре-

данных за 1925 г. по молоканам и их процентному отношению к другим сектам.

В окрестностях Самары (на Средней Волге) общее число сектантского населения составляло 19 500 человек, молокан насчитывалось 2 967 человек, т. е. 15,22%. По мнению Дани эти цифры были сознательно занижены. Дани справедливо считает, что «достоинство таблицы Морозова состоит в том, что по ее данным можно предположить, что молокане жили в каждом регионе Советского Союза...»

В настоящий момент (т. е. в конце двадцатого столетия) между духовборцами и молоканами сложились хорошие отношения. Основная масса молокан эмигрировала не в Канаду, а в США (в основном в Калифорнию), но это не мешает и тем и другим вместе отмечать праздники и поддерживать деловые отношения.

Даже на Кавказе между духовборцами и молоканами наблюдались вполне дружественные отношения. В качестве примера помощи молокан духовборцам, оказавшимся в крайне тяжелом положении, можно привести письмо духовборцев Славянки толстовцу Ивану Михайловичу Трегубову, см. документ #1896-02-27с в работе составителя-переводчика Джона Вудсворта (John Woodsworth): «Russian roots and Canadian wings: Russian archival documents on the Doukhorbor emigration to Canada». Ottawa: Penumbra Press, 1999. С. 76–78.

лигиозного обращения стал полагать наиважнейшими. Разумеется, тема «Толстой и молокане» не так обширна, как «Толстой и духоборцы». Однако, она важна как с точки зрения участия, которое он принял в их судьбе, так и с точки зрения того, насколько они оказались полезны ему при разработке его философии в 1880-х и особенно в 1890-х гг.

Вопросы, имеющие отношение к некоторым аспектам жизни, характера и верований молокан, находят определенное отражение в письмах, дневниках, статьях и гражданской деятельности Толстого; в меньшей степени в его литературных трудах, например, в романе «Воскресенье» и в мемуарной литературе.

Остановимся кратко на некоторых документах, из которых очевидно, что в целом у Толстого сложилось положительное мнение о молоканах. Толстой ценил их (и можно сказать, вообще всех сектантов) за свободомыслие, спор с официальной церковью, смелость в отношении с властями, за душевную чистоту и простоту. В письме к Софии Андреевне от 19 июля 1881 г. из Патровки (Самарской губ.), где он проходил курс лечения кумысом, Толстой писал: «Нынче я ... провел целый день в Патровке, на молоканском собрании, обеде и на волостном суде (где судили невинного молоканина) и опять на молоканском собрании... На собрании была беседа об Евангелии. Есть умные люди и удивительные по своей смелости» (ПСС, Т. 83, С. 293–94).

Он продолжает описание этих людей в письме к жене от 22–23 июля того же года: «И бедность робкая, сама себя не знающая, — Интересны молоканы в высшей степени. Был я у них на молении, присутствовал при их толковании Евангелия и принимал участие, и они приезжали и просили меня толковать, как я понимаю; и я читал им отрывки из моего изложения и серьезность, интерес, и здравый, ясный смысл этих полуграмотных людей удивительны» (там же, С. 296).

В письме к П. В. Великанову (от 17 декабря 1896 г.) Толстой подчеркивает усиление их веры: «То впечатление, кот[орое] вы получили от молокан сибирских, я, помню, получил от молокан самарских, когда в первый раз познакомился с ними. Я ожидал от них слишком многого; я думаю также и вы. Но, познакомившись с ними ближе, я нашел в стариках и в молодых протестующих людях из них живое движение и растущее религиозное чувство» (ПСС, Т. 69, С. 222).

Получив известие, что некоторые дети молокан были отняты у родителей и разсланы по разным монастырям, чтобы сломить волю молокан и наказать их за исповедание собственной веры, Толстой написал два взволнованных письма царю Николаю II, в которых осудил подобные действия. В то же время письма прозвучали как страстный призыв к свободе вероисповедания: «Вам стоит только

послать беспристрастного, правдивого человека на места изгнания гонимых за веру — в Сибирь, на Кавказ, Олонецкий край, и по местам заключения, и из донесения этого человека Вы сами увидали бы те страшные дела, которые совершаются Вашим именем» (10 мая 1887 г., ПСС, Т. 70, С. 74)¹⁰.

18 сентября 1897 г. заметка, посланная «в английские газеты», проинформировала читателей о насилии над молоканами, особенно подчеркивая, что дети молокан, отнятые у родителей, уже четыре месяца томятся в монастырях (см. там же, С. 138).

Как известно, Толстой неоднократно помогал голодающим в неурожайные годы. Его письмо «В редакцию газеты «Русские ведомости» свидетельствует о его постоянном интересе к молоканам и помощи им (см. письмо от 28 февраля 1898 г., ПСС, Т. 72, С. 79–80).

Он оказывал моральную и финансовую поддержку тем молоканам, которые хотели покинуть Россию и уехать в Канаду к духоборцам, когда понимал, что они не последуют его советам остаться в России, и убеждался в непоколебимости их решения бежать от преследования (см. его письмо к А. Н. Дунаеву от 9–11 сентября 1900 г. (ПСС, Т. 72, С. 450), а также его ответ (от 2 октября 1900 г., там же, С. 465–66) А. Бодянскому, который писал 21 августа 1900 г. из Канады о приезде трех молокан, искавших возможность переселить туда своих братьев).

Впечатление о человеческих, теплых отношениях между Толстым и молоканами без намека на критику складывается из отчета А. С. Пругавина «Лев Толстой и самарские молокане». Пругавин встретился с

¹⁰В 1897 г. поступило сообщение по Николаевскому и Бузулукскому уездам, что там становые пристава и урядники по ночам силой отбирают детей у родителей. Оказалось, что этих детей определяли в разные мужские и женские монастыри по всей Самарской губернии. Несмотря на устные и письменные протесты адвокатов и других доброжелателей, власти смягчились лишь тогда, когда Толстому с присущей ему изобретательностью и умением убеждать удалось привлечь внимание местной и иностранной прессы, которая осудила такие действия. Дети были возвращены родителям. Дочь Толстого Т. Л. Толстая также ходатайствовала о них перед Прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым. Детей вернули родителям только в феврале 1898 г.

Столь непродуманные действия властей в какой-то мере стали возможны в силу положений, принятых на Казанской миссионерской конференции, проходившей в Казани в августе 1897 г. Среди прочих мер по борьбе с инакомыслящими сектами на ней было решено обратиться с петицией о принятии закона, разрешающего отбирать детей у родителей с тем, чтобы потом направлять их в Епархиальные приюты. В скором времени такая мера была применена к детям молокан. По прочтении отчета о конференции в газете «Русские ведомости» Толстой отметил в своем дневнике: «Возмутительный отчет о миссионерском съезде в Казани» (ПСС, Т. 53, С. 150).

Толстым летом 1881 г. «в глуши самарских степей», как он пишет, в селе Патровке, Бузулукского уезда, на собрании последователей молокан. В своей статье Пругавин подчеркивает, что после самарского голода 1873–1874 гг., в период которого Толстой так много сделал для самарского крестьянства, он стал пользоваться необыкновенной популярностью и доверием не только среди населения Патровки, но и во всех соседних с нею волостях. Пругавин говорит о теплых и прочных связях между Толстым и молоканами, которые, даже если они и не стали последователями его учения, признавали в нем близкого им по духу человека и видели в нем в то время истинного друга и покровителя¹¹.

Действительно, до конца своих дней Толстой поддерживал как молокан, так и духоборцев, и других сектантов. Он сочувственно относился к их положению, сожалел о том, что власти сурово обращаются с неконформистами, но настаивал на том, что эти преследования будут иметь и свой положительный результат. В весьма показательном письме к князю Д. А. Хилкову (написанному в июле-августе 1896 г.) он ободряет молокан и других сектантов: «гонения не только неизбежное условие установления истины, но и необходимое для этого условие. Все равно как трение ... если нет трения, я вперед знаю, что ничего не движется» (ПСС, Т. 69, С. 140–41).

Но когда некоторые сектантские обряды противоречили законам природы (или зачастую его собственным представлениям), он не проявлял слишком большой терпимости. Так, в ответ на письмо сектанта-скопца Г. П. Меньшина (31 декабря 1897 г., ПСС, Т. 70, С. 225) о его мнении о секте скопцов и основе их учения, Толстой писал: «Насильственное или даже добровольное оскотление противно всему духу христианского учения» и напоминал ему о толковании 19 главы Евангелия от Матфея, стиха 12 об оскотлении: «...если бы даже вам казалось неубедительно толкование буквы, надо помнить, что только дух живит».

Хотя, как сказано выше, Толстой оказывал поддержку сектантам как в моральном, так и в финансовом отношении, он отрицал в сектантах то, что для них было очень важно: приверженность к *своей* вере. В произведениях Толстого, в его миропонимании *единение людей* является настоящим двигателем в жизни, тогда как секта по сути своей означает разъединение, отделение.

Переписка между Толстым и Желтовым началась в 1887 г. Именно в апреле этого года, будучи в Москве, он, согласно некоторым источникам, встретился с Желтовым впервые. В своем письме

¹¹ А. С. Пругавин, «Лев Толстой и самарские молокане». О Льве Толстом и толстовцах. Москва, 1911. С. 35–71.

к В. Г. Черткову от 24–25 апреля 1887 г. Толстой упоминает о встрече с двумя крестьянскими писателями: «Один молоканин молодой, другой фабричный Кассиров... Очень радостно было сойтись» (ПСС, Т. 85, С. 49). И впоследствии Желтов встречался с Толстым. Особенно интересен визит Желтова к Толстому со своей матерью. Пругавин, который также был приглашен, вынес об этом визите впечатление, которое ниже приводится полностью, поскольку излагает некоторые черты характеристики молоканского писателя:

На словах Желтов сообщил мне, что Лев Николаевич просил меня, если я свободен, в тот же день вечером прийти к нему, что там будет он, Желтов, и его мать Мария Ивановна, тоже молоканка. Разговорившись с Желтовым, я убедился, что имею перед собой довольно развитого и начитанного крестьянина, глубоко убежденного в непреложности учения «духовных христиан».

Вечером, придя к Толстому, я застал его за работой: засучив рукава своей блузы до локтя, он усердно шил сапоги.

Пришли Желтов и его мать, и начался разговор на религиозные темы, в котором Толстой принял очень деятельное участие. Мать Желтова оказалась женщиной умной, рассудительной, обладавшей прекрасным, чисто народным говором, каким отличаются поволжские жители. Держалась она просто, спокойно, с достоинством. На Льва Николаевича, — как он сам потом говорил, — она произвела самое благоприятное впечатление.

Желтовы и сейчас по-прежнему живут в селе Богородском, на Оке, занимаясь, главным образом, шорным мастерством. На Нижегородской ярмарке у них имеется своя лавка, которую каждый молоканин, приезжающий на ярмарку, считает своей обязанностью посетить. В настоящее время Ф. А. Желтов является сотрудником молоканского журнала «Духовный Христианин»; кроме того, он занимается составлением рассказов для народного чтения и принимает живое участие в местных просветительных учреждениях¹².

При использовании «Биографического словаря» русских писателей Т. П. Бондаренко можно видеть, сколь скудны биографические сведения о Желтове. К счастью, его до сих пор неопубликованная краткая автобиография (доведенная только до 1913 г.) сохранилась в архиве С. А. Венгерова. Ниже она приводится полностью¹³:

¹²Там же, С. 105–107.

¹³Ф. А. Желтов. Письмо С. А. Венгерову. *На конверте*: С. Петербург / Семену Афанасьевичу Венгерову / Загородный, 210. *Место хранения*: ИРЛИ, архив С. А. Венгерова, Ф. 377, оп. 7, № 1469.

За предоставленную мне возможность воспользоваться вышеназванным документом приношу благодарность д-ру Галине Яковлевне Галаган.

Г-ну Профессору Семену Афанасьевичу Венгерову,
СПб., Загородный, 21

М[илостивый] Г[осударь]
Семен Афанасьевич!

Сообщаю о себе. Федор Алексеевич Желтов родился 12 марта 1859 года в селе Богородском Нижегородской губернии Горбатовского уезда в крестьянской семье от родителей местных крестьян Алексея Григорьевича и Марьи Ивановны Желтовых по вероисповеданию духовных христиан (молокан). Желтовы — старожилы села Богородского и даже основатели нескольких поселений в Нижегородской губернии, следы которых остались в соседнем с Горбатовским уездом, уезде Балахнинском, где несколько поселений доселе именуются «Желтовка». В эпоху крепостного права несколько семейств Желтовых выселены за принадлежность к молоканству в Тамбовскую губернию в село Рассказово, где фамилия Желтовых прочно основалась, занявшись промышленностью и земледелием, приобрет крупные земельные угодья. В роде Желтовых много выдающихся личностей, служивших по общественным выборам как во время крепостного права, так и после. Отец Ф. А. Желтова, А. Г-ч, был выборным от общества по ходатайству об защите крестьян села Богородского против злоупотреблений властью помещика С. В. Шереметьева еще в 1858 году, задолго до падения крепостного права и благодаря содействию нижегородского губернатора, известного декабриста А. Н. Муравьева, вместе с другими уполномоченными, достиг того, что прошение об жалобе на злоупотребление помещичьей властью было вручено непосредственно государю Александру II, постави[в]шему по дознанию обратиться все имение Шереметьева в опеку, а самого владельца выслать за границу без права въезда в Россию. С падением крепостного права А. Г-ч был единогласно выбран всем сельским обществом первым волостным старшиной села Богородского.

Федор Алексеевич нигде не учился кроме начальной сельской школы и получил только домашнее воспитание и образование. Рано пристрастившись к чтению книг он все свободное время молодости употреблял на чтение. Пылливость и любознательность постоянно возбуждали в нем серьезные мысли и стремления. У его отца была порядочная по тогдашнему времени библиотека, которая вскоре уже не могла удовлетворять пылкий ум любознательного.

Имея знакомства и связи, отец Ф. А-ча добивался для книг из частных библиотек знакомых ему лиц, между прочим, из обширнейшей библиотеки известного исследователя Нижегородского края Александра Серафимовича Гацисского, бывавшего в доме А. Г. Желтова по исследованию сектантства с писателем нижегородцем П. И. Мельниковым. Познакомившись с А. С. Гацисским, Ф. А-ч и после

смерти отца, последовавшей в 1876 году, продолжал сношения с Гацисским, бывая у него в Нижнем и много обязан ему руководством в чтении, не прерывая с ним знакомства до его смерти. В кругу знакомых Гацисского Ф. А-чу приходилось встречаться с многими даже довольно видными общественными деятелями и писателями. На образ его мыслей и стремлений много содействовало общение с такими людьми, а охота к чтению заставила его постепенно приобретать намеченные книги, и вскоре у него составила довольно порядочная собственная библиотека, которая впоследствии частью обслуживала бесплатно потребности любителей чтения односельчан.

Первые робкие шаги к выступлению в литературе начались с простых корреспонденций, а потом и мелких рассказов, печатавшихся сначала в Нижегородских губернских ведомостях, и Нижегородской же газете «Волгарь», а потом в Московских — «Русском курьере» и «Современных известиях». Все это были как бы пробные, не смелые попытки, затрагивающие вопросы местной жизни, а в рассказах — отображавшие очерки крестьянского быта. Ободренный принятием рассказов в печать, Ф. А-ч серьезнее занялся писанием их, вдумчивее относясь к наблюдению окружающего. В это время под влиянием возникновения издательства «Посредник», печатавшего дешевые книги для народного чтения, во главе которого стояла такая крупная величина, как Л. Н. Толстой, Ф. А-ч пишет рассказ «На Волге» и вступает в переписку, а потом и в личное знакомство с Л. Н. Толстым. Рассказ этот Л. Н-чем одобряется и поступает почти без изменений в издание «Посредника», за которым вскоре последовали другие рассказы: «Перед людьми», «На сходке» или «Вдова», а потом и изданные другими издателями — «Трясина» и «Кость и зото».

В это же время был издан «Посредником» одобренный Л. Н-м листок против пьянства под заглавием «Перестанем пить вино и угощать им».

Особенности воспитания в сектантской семье и своеобразность понимания смысла религии отложили и на писания Ф. А-ча характерный религиозно-философский отпечаток свободной и глубоко проникающей в вопросы жизни мысли, и это, а кроме того обаяние личности Л. Н-ча, все время держало в близких отношениях Ф. А-ча к Л. Н-чу, имевшему с ним по многим вопросам переписку и личные беседы при свиданиях. Были случаи, что Л. Н-ч тех, кто увлекался односторонним пониманием выражаемых истин и из запутанных условий жизни стремился все получить чрез земельный труд в образующихся тогда колониях, нередко скоро распадавшихся, направлять таких в Богородское, рекомендуя познакомиться с Ф. А-м. Быть может это было просто как желание дать общение с людьми другого образа жизни и склада мысли без всякого значения преимуществ личности, но как бы то ни было, все это сослужило свою службу как одно

из средств взаимно обогащающих чрез человеческое разумное общение духовную природу человека. Немало, наверно, есть живых, которые помнят эти минуты общения и помнят то смущение молодого крестьянина, начитанного, но скромного человека, каким был Ф. А-ч, видя перед собой людей образованных, ищущих, мятущихся и жаждущих истины. Такой, как бы незначительный в жизни факт, на самом деле имел глубокое психологическое значение и надо удивляться духовной мощности гения Л. Н. Толстого, как он глубоко проникал в потребности человеческого духа и как умел постигать тончайшие движения человеческой души и как гений-художник направлять эти движения на творчество чрез общение с людьми.

Все это не могло не обогатить духовный мир человека теми силами внутреннего света, которые могли бы определенно сформулировать смутные, зарождающиеся порывы души, в ясные, разумные представления о цели и смысле жизни и дать понимание об истинных средствах их осуществления.

По особенностям мировоззрения и религиозному складу мыслей Ф. А-ч вскоре перешел к другому роду литературы. Это — к ряду религиозно-философских трактатов, в которых отразилась та таящаяся в сектантстве свобода раскрепощенной мысли, которая иногда поразительно глубоко проникает в сущность и значение своеобразно понимаемого смысла религии и религии не как отвлеченного понимания, а как практического дела жизни, дела определяемого благом всего человечества.

С 1895 года, в начавшемся тогда издаваться молоканском журнале «Духовный христианин», стали появляться статьи религиозно-философского содержания и некоторые из них были особо изданы редакцией названного журнала, издававшегося в Петербурге А. С. Прохановым.

Издан был целый ряд брошюр, сразу захвативших не только сектантский мир, но и привлечший внимание даже заграничных богословов, так как редактор журнала «Духовный христианин» получал из заграницы по поводу изданных брошюр не мало запросов.

До сих пор изданы следующие печатавшиеся в сказанном журнале статьи Ф. А-ча, разошедшиеся тысячами экземпляров:

- 1) «Следуй за мной» 1910 года, 2-е изд. СПб. 32 стр.
- 2) «Поклонение Господу в духе и истине». 2-е изд. 1912 г. Тифлис. 16 стр.
- 3) «Дух и обрядность». Изд. 1-е. СПб. 1909. 18 стр. и 2-е изд. Тифлис. 1912. 16 стр.
- 4) «Разумное служение». 1909 г. С.П-бург. 8 стр.

- 5) «Два пути». 1909 г. С.П-бург. 24 стр.
- 6) «Дух и вода». 1910 г. С.П-бург. 12 стр.
- 7) «Крещение водой». 1910 г. С.П-бург. 20 стр.
- 8) «Свидетельства духа». 1910 г. С.П-бург. 15 стр.
- 9) «Что есть истина?» 1911 г. СПб. 16 стр.
- 10) «Плоды и листья». 1911 г. С.П-бург. 31 стр.
- 11) «О зеленой палочке». 1911 г. С.П-бург. 23 стр.
- 12) «На Волге». 9-е изд. «Посредник». 1911 г. Москва. 48 стр.
Первое издание вышло в 1888 году.
- 13) «Перед людьми». 1-е изд. 1892 года. «Посредник». Москва. 54 стр. 2-е изд. 1906 г. 48 стр.
- 14) «Вдова». 2-е изд. «Посредник». 1911 г. Москва. 47 стр.
- 15) «Кость и Золото». Изд. Жиркова. Москва, 1895. 30 стр.
- 16) «Кость и Золото». Изд. Жиркова. М. 1899. 30 стр.
- 17) «Трясина». 1893. Москва. 31 стр.
- 18) «Перестанем пить вино и угощать им». Листок. Изд. «Посредника». Москва.

Из некоторых рассказов, напечатанных в газетах, следующие:

- 1) «Федосий Иванович Кочерыжкин». — «Русский Курьер», № 282-й, 1886 г.
- 2) «Аблакат» — «Русский Курьер», № 325, 1886 г.
- 3) «Деревенский праздник» — «Русский Курьер», № 30, 1887 г.
- 4) «Крестьянский недуг» — «Нижегородские Губ[ернские] Вед[омости]», № 43, 1886 г.
- 5) «Что у нас читает народ» — «Нижегородские Губ[ернские] Ведомости», №№ 45, 46, 1887 г.
- 6) «Затмение» — «Нижегородские Губ[ернские] Ведомости», №№ 45, 46, 1887 г.

- 7) «Легенда о душе монастыря» — «Нижегородские Губ[ернские] Ведомости», № 8, 1887 г.
- 8) «Археологический интерес Горбатовского уезда» — «Нижегородские Губ[ернские] Ведомости», №№ 44, 45, 1888 г.
- 9) «Утро литератора» — «Русский Курьер», № 40, 1887 г.
- 10) «Трясина» — «Русский Курьер», № 101, 1888 г.
- 11) «На сходке» — «Русский Курьер», №№ 103, 104, 1888 г.
- 12) «Кость и Золото» — «Русский Курьер», №№ 72, 73, 1889 г.
- 13) «Сорвался» — «Русский Курьер», №№ 102–106, 1889 г.
- 14) «Звонарь» — «Русский Курьер», № 241, 1889 г.
- 15) «19-е февраля 1886 г. в с. Богородском» — «Соврем[енные] Известия», № 62, 1886 г.
- 16) «Молокане в с. Богородском» — «Совр[еменные] Изв[естия]», № 168, 1886 г.
- 17) «Голос из деревни» — «Русский Курьер», № 145, 1885 г.
- 18) «О церковно-приходских школах и религиозно-нравственных собеседованиях» (Письмо в редакцию) — «Русский Курьер», № 177, 1885 г.
- 19) «Голос крестьянина» — «Русский Курьер», № 21, 1889 г.
- 20) «На работе» — «Волгарь», № 236, 1900 г.
- 21) «Рожок и Вилейка» — «Волгарь», 1900 г.
- 22) «Трофим судейщик» — там же.

Кроме этих статей в упомянутых периодических изданиях помещено не мало мелких заметок, статей и корреспонденций, отмечающих факты событий текущей жизни.

В критике народные рассказы Ф. А-ча отмечены между прочим в статьях Рубакина, Алчевской и др.; статьи же, печатанные в журнале «Дух[овный] Хр[истианин]» отмечены в № 1 «Народной молвы» (Харьков), в статье Тяжелова и в др. провинциальных изданиях.

О личности Ф. А. Желтова отмечено в перечне людей Нижегородского Поволжья А. С. Гациским в его издании «Нижегородка», а также в воспоминаниях о Л. Н. Толстом А. С. Пругавина и в напечатанных письмах Л. Н. Толстого к Л. Е. Оболенскому [см. ПСС, Т. 64, С. 282–83].

В настоящее время Ф. А.-ч не оставляет своего литературного труда, используя для него все свободное время и продолжает скромно служить развитию нравственно-религиозной мысли на основах чистого Евангельского учения.

Ф. Желтов

Адрес: Село Богородское Нижегородской Губ[ернии].

19 мая 1913 г.

Желтов не указывает в своем изложении, что он состоял в переписке с В. Д. Бонч-Бруевичем, В. Г. Короленко и с другими писателями и государственными деятелями (особенно оживленной во время «мултанского» процесса), что являлся членом Крестьянского союза, был делегатом Крестьянского съезда 1906 г.; впоследствии арестован. В годы первой мировой войны являлся членом Богородского военно-промышленного комитета¹⁴.

Материалов, относящихся к личности и творческой деятельности Ф. А. Желтова в советский период, практически нет. Сохранилась «Копия анкеты при письмах Л. Н. Толстого», написанная рукой Ф. А. Желтова и отправленная В. С. Мишину 28 мая 1929 г. Воспроизводим ее здесь полностью, так как она является своеобразным дополнением к отношению двух мыслителей друг к другу:

*Копия анкеты при письмах Л. Н. Толстого,
посланных редакционной комиссии 28 мая 1929 г.*

1. Ф. А. Желтов, по происхожд[ению] крестьянин; по убежд[ениям] — сект[ант]-молоканин. От роду воспитан в молок[анской] семье.
2. год рожд[ения] 1859 г. 12 февр[аля] с[тарого] с[тиля].
3. Учился в с[еле] Богородское Н[ижгородской] г[убернии] в нач[альной] школе, а дальнейшее — дом[ашнее] самообразов[ание]. Много читал и изучал.
4. С самого рожд[ения] жил в Богор[одском].
5. Занимался при дом[ашнем] хоз[яйств]е. Отец имел в Ниж[нем] небол[ьшое] шорное произв[одство]. Помер в 1876 г. Мать расширила дело, имела кож[евенный] завод. Я заведываал конторой.
6. Женат на доч[ери] мест[ного] крест[ьянина]-заводч[ика] 9 окт[ября] 1878 Е. И. Кукиной. Дети, — сыновья: Алексей, Александр, Анатолий и Иван; доч[ери] — Надежда и Лидия.
7. Ист[ория] снош[ений] с Л. Н. Т[олстым] — после прочт[ения] «Исповеди», «В чем моя вера» и др. меня побуд[ило] написать Л. Н. пер-

¹⁴См. Бондаренко, Биографический словарь, С. 264.

Копия архива при письмах Л. Н. Толстого			
О т п у щ е н о		Получено от вас	
посылкой ревизион		1929г.	
Виды	Колич.	Цена.	Сумма.
Гривен			
1)	Ф. А. Веников, по прошению Красавицын 110 писем. - сент. - маю. - 111 руб. в день в. - 111 руб. - сент. - маю.		
2)	200 руб. 1892. 12 февр. 92.		
3)	Училищ. в с. Восток. Н. 7. 6 марта. 111 руб. а ба лейше - 111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
4)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
5)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
6)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
7)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
8)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
9)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
10)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
11)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
12)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
13)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		
14)	111 руб. 111 руб. 111 руб. 111 руб.		

25/v. 1929.

И-5. Копия анкеты при письмах Л. Н. Толстого,
 посланная редакционной комиссии 28 мая 1929 г.,
 к подготовке к изданию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого

вое письмо в 1887 г. после чего состоялось первое свид[ание] в Москве и дальнейшая переписка.

8. Когда и где позна[комился] с Л. Н.? — В Москве, в доме Л. Н. в марте 1888 г.

9. Бывали ли в Ясн[ой] Пол[яне]? — Был один раз 13 февр[аля] 1890 г. с своей женой, сестрой и зятем, проездом.

10. Где и когда встр[ечались] кроме Я[сной] П[оляны]? — Все посл[едние] года, когда Л. Н. жил в Москве, хоть раз в год посещал его в его доме в Хамовниках.

11. Были ли в переписке с Л. Н.? — Постоянно, хотя и не так часто. Иногда по распор[яжению] Л. Н. отвечала его дочь Мар[ия] Льв[овна], но в большинстве писем всегда сам Лев Ник[олаевич].

12. Сколько и за как[ие] годы были пис[ьма] Л. Н. к вам? — В 1887 г. 3 или 4 п[исьма] — 1888 — 5 п.; 1889 — 3 п. 1890 — 3 п. 1891 — 2 п. 1892 — 2 п. 1893 — 2 п. 1894 — 3 п. 1895 — 2 п. 1896 — 2 п. получались и до 1909 г.

13. Опубл[икованы] ли они? — Нет, нигде не опубл[икованы].

14. Где в наст[оящее] вр[емя] подл[инники] пис[ем]? — Часть из всех писем находятся в моем распор[яжении], а ранние письма первых годов переписки, утрат[ил] во вр[емя] б[ывшего] пожара.

15. Сколько и когда Вы пис[али] писем Л. Н.? — 1887 г. — 3 п. 1888 / 4. 1889 / 4. 1890 / 3. 1891 / 2. 1892 / 2. 1893 / 2. 1894 / 3. 1895 по 1899 / 4 п. 1900 / 5 п. 1897 / 3 п. 1898 / 2 дальше записей не сохранилось (посл[еднее] пис[ьмо] от 17 сентяб[ря] 1909 г.)

16. Опубл[икованы] ли где они? — Нет, нигде не опубл[икованы]. Некот[орые] сохр[анились] в копиях.

17. Имеются ли коп[ии] пис[ем] к Л. Н.? — Имеются те, кот[орые] сохранил[ись].

18. Писали ли восп[оминания] о Л. Н.? — Есть в черновиках. Некот[орые] в отрывке из одной беседы было пересл[ано] А. К. Чертковой

[подпись]

25/V.1929.

Добавление: Кроме посылаем[ых] 9 писем, остал[ьное] в коп[иях]; письма, которых подл[инников] не сохр[анилось]

1 письмо от 20 Апр[еля] 1887 г.

1 " " 10 Июля 1887

1 " " ? Февр[аля] 1887 г.

Письма эти были в ответ на мои письма. О них было провер[ено] и сообщ[ено] Вл. Гр. Черт[кову] чрез секр[етаря] В. С. Мишина 20 и 29 Августа 1927 г.

Примечание: при сем посылается *Девять* подлин[ников] писем Л. Н. с прилож[ением] некот[орых] конвертов. Письма и конв[ерты] прошу сохранить и по использовании возвратить, *предварительно уведо- мив меня об этом.*

В случае надобности некот[орых] объяснений по какому-либо письму, достаточно при [неразб.] указать поставленный на уг[лу] кажд[ого] письма голуб[ым] карандашом номер, т[ак] к[ак] с писем сняты ко- пии за теми же номерами.

25 / V. 1929.

Ф. Желтов [подпись]

В упоминавшемся выше (стр. 11) «Биографическом словаре» год смерти Ф. А. Желтова указывается «после 1938 г.». Недавно нами получена копия Богородской газеты за 19 июня 1997 г., в которой уточнены и дополнены некоторые данные о жизни и деятельности Ф. А. Желтова, а также указаны дата и причина его смерти. В статье «Он встречался с Толстым» В. Башкиров, основываясь на матери- алах, хранящихся в городском музее и областном архиве, описывает биографию Ф. А. Желтова, упоминает о его отношениях с некоторы- ми деятелями русской культуры и уделяет особое внимание встречам и переписке Желтова с Л. Н. Толстым.

Чрезвычайно интересны сведения о жизни и деятельности Жел- това в период после 1917 г. В 1918 г. его кожевенное предприятие было национализировано, а сам владелец был лишен избирательных прав вплоть до 1932 г. На основании того, что Ф. А. Желтов под- держивал активную переписку с баптистами из ряда стран, он был в 1937 г. арестован, осужден и расстрелян 14 января 1938 г. Матери- алы о Ф. А. Желтове настолько редки, а данная статья столь инте- ресна, что имеет смысл воспроизвести ее здесь полностью (см. При- ложение).

Переписка между Ф. А. Желтовым и Л. Н. Толстым началась в 1887 г. и продолжалась до 1909 г. Некоторые из писем обоих кор- респондентов утрачены. Известно, например, что многие автографы писем Толстого к Желтову погибли при пожаре. Письма Ф. А. Желтова хранятся в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве. Ниже публикуются и комментируются все известные ныне письма.

Переписка Л. Н. Толстого и Ф. А. Желтова пронизана взаимным чувством уважения этих двух замечательных людей друг к другу. Выражения, которыми заключаются письма, говорят сами за себя: «с братской любовью», «преданный Вам брат», «любящий Вас и предан-

ный Вам всей душой брат». Но, несмотря на эту близость и тесное духовное родство двух, можно сказать, проповедников, в силу того, что их письменная беседа велась *на равных*, в некоторых письмах слышны ноты разногласия и отстаивания авторами собственных взглядов.

Основным содержанием публикуемых ниже писем является обсуждение религиозных вопросов; наряду с этим затрагивается и широкий круг жгучих социальных проблем. Религиозные верования Ф. А. Желтова, которые были во многом схожи со взглядами Л. Н. Толстого, а также основы молоканского вероучения обсуждаются более или менее подробно в письме № 15 (от 15 октября 1889 г.). Содержание этого письма, как и некоторых других писем Желтова, которые по своему объему порой приближаются к своеобразным развернутым критическим статьям или трактатам, позволяет представить себе их автора как чрезвычайно разумного человека и одновременно — как весьма колоритную фигуру. Этот русский крестьянин-сектант является, с одной стороны, непоколебимым в своих убеждениях мыслителем, а с другой стороны, оказывается чужд собственной среде в силу пронизательности своего острого аналитического ума, начитанности и логики суждений.

В письмах Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому присутствует множество значительных сквозных тем. Среди них вопросы, касающиеся образования, в особенности — детского, истинного значения литературы, брака, молитвы (должна ли она быть общей или уединенной — «только уединенной», отвечает Толстой), личности Иисуса Христа, голода, пьянства, полезных книг для народного чтения.

Л. Н. Толстой в большинстве случаев согласен с точкой зрения Ф. А. Желтова. В ряде писем он предлагает советы, как старший новичку, в некоторых — слегка критикует свойственную большинству сектантов негибкость. Оба корреспондента осуждают коррупцию правительственных органов, оба настроены критично в отношении высших классов, осуждают ограниченность и нетерпимость духовных властей, оба выступают против милитаризма.

Сближает также Л. Н. Толстого с Ф. А. Желтовым и общая озабоченность проблемой безземельности крестьян. В письмах часто указывается на необходимости физического земледельческого труда как одного из условий нравственной, счастливой и радостной жизни на Земле.

Краткая библиография

- Башкиров, В. (1997). Он встречался с Толстым. «Богородская газета», 19 июня 1997 г. С. 3-4.
- Бондаренко Т. П. (1992). Русские писатели 1800-1917. «Биографический словарь». Москва. Т. 2 (о Ф. А. Желтове см. С. 263-64).
- Бонч-Бруевич В. Д. (1922). Сектантство в освободительную эпоху. «Из мира сектантов». Москва. С. 24-35.
- Бондарев Т. М. (1906). «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство». Москва: Посредник.
- Гладкова Л. В. (1994). М. П. Новиков. Уход Л. Н. Толстого. Столыпинская реформа. Письмо к И. В. Сталину. «Неизвестный Толстой. В архивах России и США». Москва. С. 318-47.
- Громова-Опульская Л. Д. (1995). Диалог учителей жизни. «Л. Н. Толстой и П. В. Веригин: Переписка». Под ред. А. А. Донскова. С.-Петербург: Буланин. С. 1-109.
- (1998). «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год». Москва: Российская Академия Наук.
- Гусев Н. Н. (1970). «Лев Николаевич Толстой. Материалы 1881-1885 гг.». Москва: Наука.
- Донсков А. А., ред. (1995). «Л. Н. Толстой и П. В. Веригин: Переписка». С.-Петербург: Буланин.
- сост./ред. (1996). «Л. Н. Толстой и М. П. Новиков: Переписка». München: Verlag Otto Sagner.
- сост./ред. (1996). «Л. Н. Толстой и Т. М. Бондарев: Переписка». München: Verlag Otto Sagner.
- ИРЛИ, архив С. А. Венгерова, Ф. 377, оп. 7, №1469.
- Кальнев М. А., ред. (1911). «Русские сектанты, культ и способы пропаганды». Одесса.
- Клибанов А. И. (1965). «История религиозного сектантства в России, 60-е годы XIX в.-1917 г.». Москва.
- (1969). «Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки)». Москва.
- Косованов А. П. (1958). «Тимофей Бондарев и Лев Толстой». Абакан.
- Минокин М. В. (1962). Л. Толстой и крестьянские писатели. «Толстовский сборник». Тула. С. 112-29.
- Пругавин А. С. (1881). Значение сектантства в русской народной жизни. «Русская мысль», кн. 1. С. 301-63.
- (1906). «Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства». Москва: Посредник.
- (1911). «О Льве Толстом и толстовцах». Москва.

- Пруцков Н. И. (1976). Сибирская утопия Т. М. Бондарева «Торжество земледельца». «Очерки литературы и критики Сибири (XVII-XX вв.)». Новосибирск. С. 132-35.
- Тарасов Н. П. (1959). «Л. Н. Толстой и крестьяне: Из документов Государственного архива Тульской области». Тула.
- Толстой Л. Н. (1928-1958). Полное собрание сочинений. Юбилейное издание. Москва-Ленинград.
- Ханзен-Лёве А. А. (1997). Русское сектантство и его отражение в литературе русского модернизма. «Русская литература и религия». Под ред. Р. Грюбеля и В. Одинцова. Новосибирск: Наука.
- Billington, James (1966). *The Icon and the axe: an interpretive history of Russian culture*. New York: Knopf. См. С. 174-80.
- Bolshakov, Serge (1950). *Russian nonconformity*. Philadelphia: Westminster.
- Brock, Peter (1972). *Pacifism in Europe to 1914*. Princeton. См. гл. 12: Russian sectarian pacifism and the Tolstoyans, С. 442-70.
- Donskov, Andrew, ed. (1995). *Leo Tolstoy—Peter Verigin: Correspondence*, tr. John Woodsworth. Ottawa: Legas.
- (1996). 'On the Doukhobors: from Imperial Russian archival files'. *Canadian Ethnic Studies*, vol. 27, n° 3. С. 252-62.
- , ed. (1998). *Sergej Tolstoy and the Doukhobors: a journey to Canada*, tr. John Woodsworth. Ottawa: Slavic Research Group at the University of Ottawa & Moscow: L.N. Tolstoy Museum. См. гл. II-III.
- Dunn, Ethel (1967). 'Russian sectarianism in new Marxist scholarship'. *Slavic Review*, vol. 26, n° 1. С. 128-40.
- Dunn, Stephen P. and Ethel Dunn (1964). 'Religion as an instrument of culture change. The Problem of sects in the Soviet Union'. *Slavic Review*, vol. 23, n° 3. С. 459-78.
- Heier, Edmund (1970). *Religious schism in the Russian aristocracy 1860-1900. Radstockism and Pashkovism*. The Hague: Nijhoff.
- Miljukov, Paul (1972). 'The Development of Russian sectarianism'. In: Michael Karpovich, ed., *Religion and church (Outlines of Russian culture)*, tr. Valentine Ughet and Eleanor Davis. New York: Barnes.
- Treadgold, D.W. (1968). 'The Peasant and religion'. In: Wayne S. Vucinich, ed., *The Peasant in nineteenth-century Russia*. Stanford: Stanford University Press. С. 72-108.
- Woodsworth, John, comp./tr. (1999). *Russian roots and Canadian wings: Russian archival documents on the Doukhobor emigration*. Ottawa: Penumra Press. См. Documents #1895-11-01c, #1896-02-27c.
- Young, Pauline (1967). *The Pilgrims of Russian-town: the community of spiritual Christian jumpers in America*. New York: Russell and Russell. (1-ое изд. 1932. University of Chicago).

Желтов
1890

Искреннее посвящение Л. Н. Толстому.

~~~~~
x x
x x

907

Не вьют лютыя чуждыя мѣра
Души твоя не ждет чужда,
Не идетъ отъ златаго крестя
Презрѣнной и сонной награда, —
Порывъ съ возмущенна
И помыслы муреды порока,
И чувства ея освещены
Величїемъ славы Пророка,
Той славы, что жизнь озарила
Заповѣдью любви и свободы,
Той славы, что духъ воскресилъ
Изъ смертнаго прося природы! ....

— О. Желтов

ПИСЬМА
1887–1909

1. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
18 апреля 1887 г. Село Богородское.

«Господин! дай мне этой воды,
чтобы мне не иметь жажды...»
(Иоан. 4: 15)

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Простите, если я оторву Вас на несколько минут своим письмом. Верьте, что это письмо пишет человек, *искренно* уважающий Вас, вполне разделяющий Ваши взгляды и сочувствующий Вашим стремлениям и идеям, тем более, что эти стремления и идеи вполне сходны с его миросозерцанием и с религиозными взглядами и убеждениями людей, к которым он имеет честь принадлежать. Люди, о которых я говорю, это сектанты — «духовные христиане», а попросту «молоканы».

Мы люди простые, крестьяне и хотя грамотные, но малообразованные; нам многое еще нужно знать, много уяснить, но тем не менее мы понимаем, что те великие истины, к которым сознательно и бессознательно искони стремится человечество, которые оно выражало и выражает на разные лады и которые оно отыскивает прямыми и окольными путями, заключаются лишь в неизменном вечном нравственном законе, кратко вмещающем всю полноту их в немногих словах: в любви к ближнему, к врагу, к Богу и следовательно в познании Бога, в разумении добра и истины... Как может говорить человек, что он познал Бога, т. е. любит Его невидимого, если он брата своего, которого видит, не любит?.. Как пребывает в том любовь Божия? (1-е Иоан. 4; 16, 20, 21. 1-е Иоан. 5; 1. и 3; 17. Титу 1; 16.)

Что есть жизнь?.. Человеку жить без того, чтобы не иметь в себе жизни *истинной*, чтобы не запечатлеть имени своего в делах правды, чтоб не отметить себя в книге вечной — в книге «живота», это значит пребывать в смерти, это значит быть во тьме!.. Где же свет?.. Где же жизнь?.. Свет в истине, жизнь в Боге, во Христе!.. Жизнь истинная есть Бог; свет правды есть Его неизменно вечный закон духа, свободы и любви.

Для того, чтобы жить человеку в свете, нужно быть в любви, ибо тот, кто говорит, что он в свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила

ему глаза (1-е Иоан. 2; 9-11). Дело в том, чтобы свет не делался тьмою (Луки 11; 35). Ибо если свет будет тьма, то какова же тьма?.. (Матф. 6; 23). Если в ком горит свет, тот пусть будет светом для других (Марк 4; 21). Свеча зажигается не для того, чтоб скрываться под сосудом (Матф. 5; 14-16).

Что же нам делать?! (Иоан. 6; 28. Лука 3; 10). Учитель, скажи, что же нам делать?.. Дать уразуметь народу спасение? (Луки 1; 77).

Да, делать что-нибудь нужно; и не потому чтобы *что-нибудь* делать, а потому чтобы делать истину и вот поэтому-то я и позволяю себе обратиться к Вам с письмом за советом.

Христос говорит, что тот, кто имеет, должен давать тому, кто не имеет, что кто имеет богатство, пусть делит его с неимущими. Он говорит, что есть богатство правое, есть и неправое, есть истинное и есть ложное, есть собственное и есть чужое (Лука 16; 2-12). И что в этом богатстве есть управители верные, есть и неверные. Он говорит, что есть богатство правое, которое выше всего в мире, это богатство истинное, духовное (Матф. 6; 19, 20). Каждый должен давать то, что он имеет: имеет много и дает много; имеет мало и дает немного. Если я имею это богатство, то следовательно я должен не скрывать его, а пускать в оборот (Луки 19; 20-23) и делить с неимущими, как и свет для того горит, чтобы он светил всем в доме. И хоть то, что я имею, не так много, чтобы я дал много, но ведь и малая лепта иногда равняется с большою жертвою; вспомните бедную вдову, положившую две лепты в сокровищницу (Мар. 12; 42, 43). Если и все имение раздать, но не иметь любви, то и тогда не будет никакой пользы, кроме зла (1-е Кор. 13; 3).

И вот для того, чтобы делать что-нибудь от себя, чтобы служить по своим силам тому, чему должно служить человечество, я избрал путь — литературу; избрал, потому что чувствую к тому свое призвание; я хочу, чтобы свет, если он во мне есть, — не угасал; хочу, чтобы он если не ярко горел, то хоть мерцал, ибо и то есть благо. Но вопрос в том, что есть истинный хлеб, какие *истинные* задачи литературы?.. Я как слабый в этом нуждаюсь в наставлении, но при этом думаю, что в том же нуждаются и многие литераторы. Я желаю знать тот истинный путь, по которому должно идти на этом поприще. Укажите мне его. Направьте на дело мои молодые силы. Дайте работы, не бесплодной работы, а полезной, плодотворной, животворящей. Я пишу кое-что, помещая свои очерки и рассказы в газетах¹, но во мне говорит что-то, что это не то, чему должно служить. Этот вопрос мучит меня и я прошу Вас, умоляю разрешить мне его и указать на то, чем я могу принести пользу, и я с верою жду от Вас на это ответа. Я надеюсь на то, что Вы с немощным братом поделитесь своим светом и укажете ему истинный путь. *Жду как жаждающий — источника воды.*

Глубоко уважающий Вас и от души благодарящий за Ваши труды, которые теперь стали достигать ушей простого народа² и пользе которых мы видим в пробуждении духа, остаюсь преданный Вам

Федор Желтов

P. S. Прилагаю при сем несколько моих статей. Не могу ли я от Вас приобрести «В чем моя вера» и «Евангелие»? — мне хочется с ними познакомиться.

1887 г. *Апреля* 18 дня.

Адрес: Село Богородское.

Нижегор. губ.

Федору Алексееву Желтову.

---

¹Первые публикации Ф. Желтова появились в газетах «Нижегородские губернские ведомости» и «Волгарь»; с 1885 г. начал печататься в московской газете «Русский курьер».

²Речь идет об изданиях «Посредника».

2. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

21 апреля? 1887 г. Москва.

Федор Алексеевич!

Очень рад был получить Ваше письмо; рад тому, что вижу в вас проявление... Я полагаю, что задача пишущего человека одна: сообщить другим людям те свои мысли, верования, которые сделали мою жизнь радостною. Радостной, истинно радостной, делает жизнь только уяснение и применение к себе, к разным условиям своей жизни евангельской истины.

Только это можно и должно писать во всех возможных формах: и как рассуждения, и как притчи, и как рассказы. Одно только опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы всё существо человека. Надо, главное, не торопиться писать, не скучать поправлять, переделывать 10, 20 раз одно и то же, не много писать и, помилуй Бог, не делать из писаний средства существования или значения перед людьми. Одинаково по-моему дурно и вредно писать безнравственные вещи, как и писать поучительные сочинения холодно и не веря в то, чему учишь, не имея страстного желания передать людям то, что тебе дает благо.

Я не могу вам вкратце выразить то, что я считаю нужным для писания, иначе, как указав вам на мои народные рассказы последнего времени и на предисловие к «Цветнику», в котором я старался выразить, в чем состоит дело поэтического писания¹. Я очень радуюсь тому, что вы хотите писать, во-первых, потому, что вы крестьянин, во-вторых, потому, что вы свободны от ложного церковного учения, закрывающего от людей значение учения Христа.

Ваши статьи я прочел. Лучшее по содержанию — это путешествие и сон²; но статья эта имеет неприятный для меня, литературный, фельетонный характер, и содержания мало. Сон этот мог быть эпизодом в чем-нибудь цельном, но отдельно он имеет мало значения. Статья о празднике холодна и тоже имеет литературный характер. Под литературным характером я разумею то, что она обращена к читателю газетному, интеллигентному. Желательно и я советую вам другое: воображаемый читатель, для которого вы пишете, должен быть не литератор, редактор, чиновник, студент и т. п., а 50-летний хорошо грамотный крестьянин. — Вот тот читатель, которого я теперь всегда имею перед собой и что и вам советую. Перед таким читателем не станешь щеголять слогом, выражениями, не станешь

говорить пустого и лишнего, а будешь говорить ясно, сжато и содержательно. Прочтите рассказ «Раздел», написанный крестьянином³, и «Дед Софрон».⁴ Оба рассказа трогают людей, потому что говорят о существенных интересах людей, и интересы эти дороже авторских.

Если хотите прислать мне, что напишете для печатания в «Посредник», пришлите в Тулу.

Любящий вас брат

Писать вы, как мне кажется, можете и потому, что владеете языком и, главное, потому, что вы с молодых лет всосали в себя учение Христа в его нравственном значении, как это видно из вашего письма.

Обращение и первая фраза не сохранившегося в копии начала письма даются по автографу (см. ПСС, Т. 90, С. 268).

¹Предисловие Толстого к сборнику «Цветник», составленному сотрудниками «Посредника», появилось в киевском издании 1886. См. ПСС, Т. 26, С. 307-09.

²Рассказы «Деревенский праздник» и «Трясина» («Русский курьер», 1887, 31 янв. и 15 апр.).

³Без обозначения имени автора этот рассказ И. Г. Журавова был напечатан в 1887 г. «Посредником».

⁴Рассказ В. И. Савихина, также выпущенный в «Посреднике».

З. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

6 июля 1887 г. Село Богородское.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Пользуясь Вашим любезным позволением прислать Вам то, что мной будет написано для «Посредника», я и препровождаю при сем мою рукопись под заглавием «На Волге, или Злом горю не поможешь». Не знаю, будет ли она соответствовать тому, что должно заслуживать напечатания, особенно в таком благодетельном учреждении, как «Посредник», думаю, что то, что говорит именно о правде, все-таки заслуживает этого, хотя бы оно и не так художественно было изложено.

Горя желанием подтвердить какую-либо Евангельскую истину, которая с неизменно верным выводом доказывает самую правду жизни, я и написал как мог то, что хотел сказать в подтверждение этой истины. Надеюсь, что Вы будете снисходительны ко мне, как к начинающему, и поэтому покорнейше прошу Вас по прочтении рукописи указать мне на те недостатки, которые Вы заметите в этом моем маленьком произведении, — это мне послужит в хорошую пользу для будущего.

Если Вы найдете мою рукопись заслуживающей напечатания, то я передаю ее Вам в ваше *полное* распоряжение; если же рукопись почему-либо окажется неудобной для напечатания, а также если Вы найдете ее недостаточно еще обработанной, то покорнейше прошу ее мне обратить, для чего и прилагаю при сем марки.

Ожидая Вашего ответа, остаюсь с полным уважением к Вам

брат Ваш Ф. Желтов

1887 г. Июля 6 д.
с. Богородское
Ниж. губ.

Адрес:
Село Богородское,
Нижегор. губ.
Федору Алексею
Желтову.

4. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову
20 июля 1887 г. Ясная Поляна.

Федор Алексеевич!

Повесть вашу получил. По духу и содержанию она очень хороша...¹

В общем радуюсь общению с вами. Дело не в том, чтобы писать, а в том, чтобы жить христианскою жизнью; вот величайшее художественное произведение, доступное человеку. Будем же стараться его производить, а по мере достижения этого и наши слова и писания будут хороши и нужны людям.

Я посылаю вашу повесть Владим[иру] Григорьевичу Черткову Воронеж. губ. Станц[ия] Россоша. Он заведует, он и основатель «Посредника». Он исправит повесть, если согласится со мной, что ее следует напечатать, или спишет с вами и пошлет вам ее для исправления.

Братски целую вас
Лев Толстой

На копии пометка: «Полу[чено] 24 июля 87».

¹Пропуск в копии. 26 августа 1927 г. в письме к В. С. Мишину, комментатору ПСС, Желтов привел по памяти отсутствующие здесь слова о «недостатке более художественного изложения начала повести»: «почему не излагается событиями и переживаниями то, что мать передает сыну в своем пересказе из всего ею пережитого». Повесть Желтова «На Волге, или Злом горю не поможешь» издана «Посредником» в 1888 г.; в 1911 г. появилось 9-е издание. Отправляя рукопись 21 июля 1887 г. В. Г. Черткову, Толстой заметил об авторе: «Это молоканин вполне христианского духа по письмам. Таланта художественного нет, но исправив повесть, сократив длинноты, я думаю, можно напечатать» (ПСС, Т. 86, С. 68).

5. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

27 января 1888 г. Село Богородское.

Село Богородское Нижегородской Губернии.

Многоуважаемый Лев Николаевич!

Осмеливаюсь опять беспокоить Вас и посылаю при сем письмо¹, которое не сочтите за труд прочесть и, если возможным найдете, ответить.

На днях надеюсь послать Вам рукопись для «Посредника».

Прежняя рукопись («На Волге»), вероятно, уже сдана в печать, так как о исправлении ее мне сообщал Владим. Григ. Чертков еще в ноябре.

С уважением и братской любовью к вам пребываю

Ф. Желтов

1888 г. Января 27 д.

Адрес: Село Богородское Нижегород. Губ.

Федору Алексееву Желтову.

---

¹Остается неизвестным.

6. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

1-2 февраля 1888 г. Москва.

Любезный брат Федор Алексеевич! Вопросы, которые вы мне делаете, касаются таких важных предметов, что я не надеюсь ответить вам удовлетворительно, да еще в письме.

Ваши оба вопроса: о воспитании и об отношении к людям, сводятся для меня в один вопрос, именно в последний: как относиться к людям не на словах только, а на деле: имею ли я право владеть какою-нибудь собственностью и защищать ее от своих братьев, имею ли я право подразделять своих братьев на ведущих дурную жизнь и на ведущих хорошую. Если этот вопрос решен и жизнь отца идет по такому или другому решению, то в этой жизни отца и будет всё воспитание детей. А если решение правильно, то отец и не введет соблазна в жизнь детей; если же нет, то будет обратное. Знание же, которое приобретут или не приобретут дети, — это дело второстепенное и ни в каком случае не важное. К чему будут способности у ребенка, тому он научится, хотя бы жил в захолустье. То же, что принято называть образованием, содержит больше чем наполовину зла и обмана и потому, чем дальше от такого образования (даваемого во всех наших заведениях), тем лучше для ребенка. Вопрос, стало быть, весь в том, как для себя решит отец вопрос практической жизни.

Любезный брат мой, будьте осторожны в том, как вы решите вопрос этот в своем сознании. Сгрешить может всякий человек и всякий грешит, но беда в том, когда человек ложно судит, сам себе отводит глаза. Если свет, который есть в тебе, тьма, то какова же тьма?¹ Нельзя служить Богу и маммону². — Вопрос об отношениях к людям давно решен Христом и решен не только отвлеченно, но и в практическом смысле. «Нельзя богатому войти в царство Божье»³. «Горе богатым»⁴. Просящему дай⁵. Продавайте имение и раздавайте⁶ и т. п.. — Собственность не может признавать христианин и потому у него излишка не должно быть и нет вопроса о том, как делиться излишком. Если же есть излишек, то прежде чем много судить о достоинстве того, с кем я поделюсь, мне надо судить себя, и судить строго за то, что у меня есть излишек, и признать, что я в грехе и виноват. Для христианина не может быть вопроса о том, как сделать добро своим излишком, а только один вопрос о том, как избавиться от того греха, который заставил меня собрать и сохранить этот излишек.

Так я сужу, но понимаю вполне и вашу мысль: вам больно видеть то, что люди живут языческой жизнью — далеки от блага. Чувство ваше самое законное и доброе, но вы напрасно смешиваете с ним собственность, желание поделиться излишком под известными условиями. Действуйте на людей всеми силами, которые вам даны от Бога, и из этих сил главная не есть ваша собственность, а та степень отречения от личной жизни и от собственности, до которой вы дошли. Если бы вы свою собственность просто бросили бы, не давая никому (разумеется не соблазняя людей тем, чтобы губить ее напрасно) и показали бы, что вы не только так же, но еще более радостны, спокойны, добры и счастливы без собственности, чем с собственностью, то вы гораздо сильнее подействовали на людей и сделали бы им больше добра, чем если бы вы приманили их дележом своего избытка.

Не думайте, милый друг, чтобы я осуждал вас, я далек от этого, потому что сам с болью сердца прошел через те мысли и чувства, которые вы теперь испытываете. Я много думал об этом и пришел к тому, что я выразил в статье «Что ж нам делать?». Часть их, которая не запрещена цензурой, напечатана в XII томе моих писаний⁷.

Я не говорю, что не надо действовать на других, помогать им, напротив, я считаю, что в этом жизнь, но помогать надо чистым средством, а не нечистым — собственностью; а для того, чтобы быть в состоянии помогать, главное дело, пока мы сами не чисты — очищать самого себя.

Простите, если неясно или недружелюбно что сказал. На ваше хорошее письмо хотелось ответить, как умею.

Любящий вас

В конце прошлого года у нас затеялось согласие против пьянства. Много людей всяких положений и сословий пристают к нам. Я уверен, что вы присоединитесь к нам и потому посылаю вам наш листок⁸. Зло это такое страшное и такое особенное и до таких размеров доходит, что против него надо и бороться особенным образом и для поддержки братья рука с рукою, знать каждому, что он не один.

---

¹От Матф. 6:23.

²От Матф. 6:24.

³См.: От Марка 10:23, 24.

⁴От Луки 6:24.

⁵От Матф. 5:42.

⁶От Матф. 19:21.

---

⁷Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть двенадцатая. Произведения последних годов. М., 1886. Отрывки из запрещенной в России книги «Так что же нам делать?» напечатаны здесь под заглавием «Мысли, вызванные переписью».

⁸Текст этого «листка» составлен Толстым. См. ПСС, Т. 90, С. 132.

7. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

2 мая 1888 г. Село Богородское.

Добрейший Лев Николаевич!

Простите, что задержал Вашу рукопись дольше, чем бы следовало; она мне так понравилась, что я ее переписываю для себя; надеюсь, что Вы против этого ничего не имеете¹. Во всяком случае я долго ее не задержу и пришлю Вам с первою же возможностью. Податель сего письма мой друг, Федор Алексеевич Серяков, тоже крестьянин, рекомендую его с той целью, что Вы ему будете полезны. На днях пошлю Вам рукопись, в которой изложены мои мысли, вызванные прочтением упомянутой Вашей рукописи.

Прилагаю имена записавшихся в согласие против пьянства; желающих имею в виду еще и очень радуюсь, что вижу нравственное влияние против этого зла на других.

Глубоко преданный Вам

брат Ваш Ф. Желтов

1888 г. Мая 2

Село Богородское

Ниж. Губ.

Р. S. Нельзя ли мне прислать несколько народных книг против пьянства?

Запишите в члены согласия против пьянства:

Петр Привалов, крест. с. Богородс. 41 г.

Иван Иванов Балакин, крест. с. Богор. 36 л.

---

¹ «Краткое изложение Евангелия», запрещенное в России, распространялось в рукописях и литографиях. Напечатано М. Элпидиным в Женеве (1890); в Петербурге — в 1906 г. См. ПСС, Т. 24, С. 801–938. Желтов получил рукопись, когда в марте 1888 г. посетил Толстого в Москве. В письме того времени к В. Г. Черткову о нем сказано: «Это молодой человек очень умный и религиозный. Вера и верования их самые разумные и свободные от догматики и суеверия» (ПСС, Т. 86, С. 138).

8. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

12 мая 1888 г. Село Богородское.

Любезный мой брат Лев Николаевич!

Как я Вам благодарен за то, что Вы доставили мне удовольствие прочитать Ваше краткое изложение Евангелия. Оно очень хорошо потому, что кратко и удобопонятно излагает самое нужное и цельнее представляет сущность Евангельского учения.

Скажу Вам откровенно, что я, читая его, получал более силы на уяснение некоторых кажущихся мне неясными вопросов. Я понял, как велика эта сила, вызывающая в нас дух для служения вечному закону, и понял, какое могущество в нем для торжества над всем, что введено в жизнь тягостного и ложного, что дано ей не разумом, как незаконные отправления, разрушающие благо и счастье людей. Это закон — закон Божественный, закон правды и любви, закон величия жизни. Мы не можем отрицать, что учение Христа не Божественно, оно Божественно потому, что говорит о вечном законе жизни, о том законе, которым прокладывается путь к достижению блага и чрез который происходит соединение плоти с духом для служения самой жизни как жизни и для уничтожения зла посредством добра как воли самого Бога. Мы можем отвергать веру в Божественность учения Христа только как веру в ложные признаки, почему его хотят считать Божественным, и дело в том, чтобы передать те истинные признаки, которыми оно действительно Божественно. Оно свидетельствует само о себе, что оно Божественно, и свидетельство это истинно по той его силе, которая в применении к нашей жизни служит нам опорой твердого разума о том, что есть я и для чего я, и в чем мое благо.

По отношению к грязи жизни, к ее извращению оно есть свет, и в нем есть то, что может оживить самую жизнь и дать ей истинное благо и радость.

Нет ничего хуже, как не уметь сделать то, что нужно для моей жизни как настоящей жизни и не сознавать той силы, которая мне дана для того, чтобы обставить эту жизнь радостными и счастливыми условиями в отношении к себе и в отношении к другим, нет ничего хуже как идти по дороге слепым и не знать даже того, куда ведет тебя путь и куда ты придешь — в этом положении мы и находимся, когда далеки от применения данного закона, который прямо указывает нам, как надо идти, и куда прийти и для чего нужен этот путь. Незнание того, что дано для устранения зла в жизни, порождает

ет самое зло и люди страдают оттого, что бросили естественный закон жизни и не хотят его взять, как их достояние, и ждут бессознательно замены той пустоты, с которой они остались и которую ничем не могут наполнить, и жизнь их только проходит в том, чтобы наполнить эту бездонную бочку водой, вовсе не сознавая бесполезности своего дела и своих трудов. Оттого-то и борьба зла со злом, и вражда друг с другом, и жажда материального обеспечения, как надежда создать этим внешним благосостоянием истинное благосостояние и радость жизни.

Знание, как создать для себя и для других благо, дано нам Христом, как закон любви Бога к людям, как закон, произведший самую жизнь, и который есть потому начало жизни. Личность Христа до того была соединена с этим законом, что Он не считал себя вне этого закона, не считал свою личность как личность, а как самый закон, и Он был предан этому закону всей своей жизнью, всем своим служением, и потому жизнь Его была не ограничение личного блага как временного, а достижение блага, которое по закону Бога обще всем людям как вечное, создающее новый мир жизни, мир, полный блаженства и радости, мир, полный жизни, вне временного, вне смерти. Закон этот возшел в Его плоть и кровь, и плоть и кровь Его как жизнь служили проявлению этого закона в мире и потому жизнь людей есть одна цель — проявление вечного закона как проявление любви; это проявление дает Ему жизнь истинную и в ней только Он находит свое Благо и освобождение от зла.

Простите за такое излияние чувств и мыслей, многое, может быть, я сужу не достаточно верно и легкомысленно, о многом, может, говорю много и лишнего, но многого я не могу, не в силах передать на словах — оно в сердце, в мыслях, в сознании, оно только в чувстве, и я вижу, как радостен этот путь, каким блаженством, спокойствием, каким счастьем, сознанием силы наполняет он душу по мере достижения в себе господства духа, торжества истины...

Посылаю Вам при этом небольшую рукопись, надеюсь, что Вы не лишите меня ответа. Вашу рукопись пошлю на днях.

Искренно любящий Вас и преданный Вам всей душой брат

Ф. Желтов

P. S. Сообщите, пожалуйста, Ваш адрес, куда писать и прислать Вашу книгу.

12 Мая 1888 г.

С. Богородское

Ниж. Губ.

О жизни как вере во Христа*

Я часто задаюсь вопросом о смысле жизни. — В чем состоит этот смысл жизни?.. Я понимаю, что если разум есть основа правды, то от этой основы я и могу получить смысл и цель моего бытия. Правда жизни значит во мне самом и мое личное я должно служить этой правде; значит то, что мы называем правдой жизни, прежде всего должен быть я сам, и то, что мне нужно делать, так это вносить правду в мир и создавать благо людей, потому что, прежде чем я должен создать свое счастье, я должен создать счастье других по крайней мере тем, чтобы не делать зла людям; то, что я приобрету этим себе, будет моим благом также, как оно будет благом других, и это есть то, что мы называем любовью. Мое духовное я не призвано служить лжи и дело в том, чтобы это я одинаково любить и в себе и в другом человеке, любить так, как будто бы это было нечто общее. Я понимаю, за что пострадал Христос. Он пострадал за то слово, которое дал миру, а это слово был разум, и для того, чтобы показать торжество разума и что жизнь человека не плотская, и что то, что хотят погубить, останется жить, он и пострадал за это слово, и то, чем он был, осталось жить, оно не умерло и не умрет. Слово Его была Его собственная жизнь, была Его плоть и мне нужно быть так, чтобы это слово стало моею плотью также, как оно было плотию Христа. То внешне плотоугодное служение маммону, которое вводит в мою жизнь соблазн, должно отпасть от меня также, как отпало искушение мира от Христа, и потому жизнь моя не есть служение маммону, а служение тому, что составляет вечный закон правды, потому что я сам от него и должен быть в нем. Я вижу Бога в деле правды, любви, как в деле разума, и Бог для меня есть вечный мировой разум и творческая сила жизни и потому Он есть жизнь, и то, что мы называем смертью, не есть смерть в отношении к этой жизни. Ложная жизнь с своими ложными требованиями есть уже сама по себе смерть, а так как она не может быть вечной, то и смерть для нее представляется как фактом уничтожения личности, потому что личность, отступившая от вечного закона жизни, пребывая вне ее и считая свою жизнь ограничением ложных удовлетворений, не может слиться с бессмертием. Для того, чтобы она пришла к бессмертию, ей необходимо воскресение к новой жизни, величие которой должно состоять в служении себе, как вечному благу, общей воле и свободе людей. Отступление от объединяющего жизнь людей закона есть грех, ведущий в смерть, и потому тот, кто жизнь свою считает служением плоти, не есть личность разума как жизни, а личность, преданная лжи, действия которой ведут к гибели самую жизнь. Тот, кто живет для Бога, живет для исполнения воли давшего ему жизнь и потому он живет для этой вечной жизни служением ей, как бы для введения в общую жизнь данного ему закона и правды

и потому он должен стремиться удержать ее; жизнь его то, что есть разум, а это не есть временное, но вечное, на чем лежит основа мира, и потому для этой жизни нет смерти. Для Христа не было смерти потому, что жизнь его была жизнью духа и эту жизнь он желал передать миру, и Он ее передал тем, что отверг от себя служение плоти, и жил только служением разуму как духу Отца и держался этого до последней минуты своей жизни и смертью своей запечатлел новую жизнь и спасение мира. Его распяли, умертвили и погребли, но то погубили не Его, — Он остался жить, потому что Он признавал себя тем, чему Он учил, и за это Его учение пришлось претерпеть страдания, и этими страданиями Он выкупил то, что нужно было передать для спасения, и Он доказал веру в это спасение пренебрежением к ложной и временной жизни.

Приняв веру во Христа, я должен принять не то, что говорит о сверхъестественном и чудесном, но то, что говорит о моем спасении, как о моей истинной жизни. Божественное происхождение Его я могу признавать по Его служению Отцу, потому что Его служение, Его сила духа, есть возрождение к истине как к началу, как к разумной жизни.

То, что мне может дать вера в Него, есть одно, что я познаю силу в служении истинной жизни, эта сила, воспринятая мною, сделает меня свободным, она удалит меня от подчинения неправде, она поможет мне в борьбе против зла своими собственными и верными средствами. Эта вера не может выливаться ни в какие строго определенные формы, кроме как в самую личную жизнь и в отношения людей друг к другу, сама эта вера, как источник живой воды, может служить и для меня и для людей удовлетворением своей жизни, потому что она есть истинное благо, она есть потому служение и поклонение Богу, заменяющая все мертвое, формально обрядовое, не дающее и не сливающееся с жизнью, она есть и молитва к Нему, потому что истинная религия должна быть ничем иным, как всею моею жизнью, и потому религия не есть форма, а религия есть разум. Моя молитва должна быть истинной, живой беседой с Богом, она должна выражаться действиями согласно моего призвания, потому что мое внутреннее, духовное я есть разумение этого призвания, а внешнее я есть дело жизни, дело любви и правды, и потому дело мое — есть истинное служение Отцу жизни. Мое служение Отцу не должно выражаться суждением о нем как внешнем, а как соединенном со мною единственными неразрывными узами вечной животворящей любви и правды и потому я должен дать пройти этой правде чрез мое духовное я, как золоту чрез горнило очищения. Если я могу служить другим, то я должен служить им тем, что мне дано от Бога, и потому прежде чем очищать других я должен очистить себя, и если я начну это с себя, то я буду закваска, а они тесто. Моя жизнь должна быть не только моей личной жизнью, но и жизнью других, жиз-

нию всех людей, для нее я должен приносить в жертву все, потому что я это делаю для воли объединяющего жизнь людей начала, и то, что это для меня даст, будет благом не только для меня одного, но благом всех людей. Поэтому всему ложному должно быть противоление не тем, что уничтожается, а тем, что должно вводиться в жизнь по смыслу и разуму самого закона жизни.

Вопрос о том: как приводить к истинной вере тех людей, которые верят во Христа только по Его чудесам? — Об этом я думаю так: если человек верит во Христа только по чудесному, то он все-таки находится в неверии, потому что он не может применить от всего чудесного ни одной пяди для своего спасения. Для того, чтобы получить его, он должен уразуметь истину учения Спасителя, познать Его по действительным признакам и тогда он получит веру в Него, как в истинный закон жизни, и вера его будет выражаться в том, что то, что он понял за благо, будет применять это благо к своей жизни и тем оживотворит свою веру.

Мы задаемся часто вопросами несущественными и стараемся решить вопрос о будущем прежде чем о настоящем; на решение этого вопроса мы и хотим иногда получить разрешение настоящего, но для чего же мы будем задаваться вопросом о будущем, когда мы еще не решили вопроса о настоящем? Дело в том, чтобы уразуметь настоящее, существенное прежде будущего, отвлеченного. Вопросы о Боге, о откровении, о Христе, о вере и т. д. для меня сводятся к одному вопросу, это к вопросу о истине, о той мировой истине, которая вечно неизменно действует на благо жизни, как творческая сила любви и правды, и то, что мне нужно об этом судить, это одно, чтобы уразуметь мое место в ряду созданного, как точку опоры разумной жизни, с которой я и получаю правый взгляд на все остальное.

Есть люди, которые отрицают Христа только потому, что они понимают истину о Христе так, как ее исковеркали лжепоследователи Христа, и потому они сами стоят вне истины. Есть люди, которые верят во Христа только по внешним признакам, признаваемым за Божественные, и ждут от него исцеления тогда, когда Он уже дал это исцеление в своем учении, как получить спасение. Те и другие одинаково находятся в неверии, чтобы привести их к вере, им необходимо перейти из того круга, откуда ничего не видно, и стать на место, где то, что от них было скрыто, будет им видно. То, что они понимали о Христе, было не полно, для первых потому что их отшибло изуверство, подносимое вместо учения Христа и потому не проливающее света, для других потому что они признали Христа не тем, чем Он был и для чего Он был и почему Он был Спаситель мира и сын Божий.

Для тех и других нужно одно: показать истину так, как она есть, и раз они поймут ее — то, что затемняло свет, отпадет от них само собой и то, во что они верили поверхностно, получит в их глазах совершенно другой смысл и значение. Следовательно, то, во что они верили поверхностно, мне нет надобности отрицать только потому, что они придавали этому не то значение, мне только нужно стараться, чтобы передать им понимание истинного значения предмета их веры. Допустим, что человек верит во Христа по тому чудесному, которое приписывается только Его Божественной силе. Пусть так. Для меня Божественная Его сила имеет свое особое значение и смысл, для меня она заключается в Его учении, в Его жизни, а то чудесное для меня имеет тоже особое значение и объяснение, оно опять-таки имеет отношение к Его учению, как к проповеди истины. Я могу найти объяснение всему чудесному не как чудесному и только потому, что я не могу смешивать жизнь сына плоти с областью жизни сына духа; действия того и другого различны потому, что один служит власти тьмы, а другой Отцу света. Сын человеческий не есть сын Божий, если он служит не Отцу жизни; если он служит воле Отца, то он Сын Божий во плоти, как и Христос был Сын Бога, и потому рождение Его, как Сына Божия, должно быть духовное (Иоан. 1 гл. 12 и 13 ст.). И потому в руки людей предан был не Сын Бога, а Сын человеческий, хотя в Сыне человеческом и хотели поругать и погубить Сына Божия (Луки 22; 48. Марка 14; 41). Но Бог прославился в нем и прославил Его (Иоан. 13; 31, 32). И в смерти Сына человеческого все узрели славу Сына Божия, воскресшего в вечность. Он отдал жизнь свою за общее благо людей, для исполнения воли Отца-Бога.

Нельзя понимать о человеке только как о ложном человеке, а надо понимать так, как он должен быть по воле Бога. Сын человеческий — это плоть. Сын Божий — это дух. Для одного жизнь — жизнь плоти, для другого эта жизнь есть жизнь духа. Служить тому и другому нельзя, надо служить одному, это разуму, сыну Духа. Что доступно разуму как духу во плоти, что доступно пониманию его, то и служит для достижения блага жизни, потому что то, что для этого нужно, ему дано Отцом в доступных для него пределах, и что выше этого, то уже не мое, то уже выше данных мне границ разумения, за эти пределы я не могу переходить, это знать не мне — раб не может знать больше своего господина, его дело — знать свое дело.

Бог не сотворил людей так, чтобы они не могли понимать нужного для блага, Он сотворил их так, чтобы они могли понимать то, что им надо понимать как волю Отца, а то, что выше этого, это уже выше жизни, это вечность и жизнь самого Бога, который есть все; мое дело быть ближе к Нему и быть в Нем; мое дело быть верным Ему в малом, чтобы получить удел в большом.

Что мне из того, если я буду решать вопрос о том — что будет, когда меня не будет? — Это вопрос праздный, праздный потому, что в нем нет настоящей моей жизни, и ложный потому, что он мне не может дать смысла моей жизни.

Если я буду говорить человеку — не верь в воскресение и этим отрицанием предмета веры думаю дать ему истину, то я делаю ложь, потому что сам верю в духовное воскресение к новой жизни и, следовательно, употребляю на указание истины не тот прием, который нужен для этого, как прием верный и истинный. Путем таких отрицаний я не говорю истину, а могу оттолкнуть от истины, потому что я понимаю так, а другой иначе, и поэтому мое отрицание не есть отрицание самого предмета, а отрицание ложного взгляда моего брата. Чтобы очистить этот его ложный взгляд, надо вести его прямо к цели, надо заставить его *самого* понимать истину за истину и ложь за ложь, это единственный путь очищения ложных воззрений; если мы будем говорить о ложном только как о ложном прежде уяснения основной истины как надежной опоры, то мы будем забегать вперед, мы будем непоследовательны и потому все, что мы хотим передать как истину, и должны передать как чистую истину — она сама будет отрицанием и обличением лжи, она сама, и только тогда, когда сделается основанием веры — будет светильником правды; объяснением необъяснимого, пониманием того, что было недоступно пониманию, как понимание правды, поэтому то, что необходимо для освещения, это и нужно давать как чистый источник живой воды, оживотворяющей все мертвое. Основание веры во Христа должно лежать в том, в чем состояло посланничество Христа, и потому нужное мне как истина веры есть разумение этого основания. Для меня безразлично, ходил ли Иисус по воде или нет, я знаю только одно, что не в этом основание веры и не в этом умножение ее, мне нужно познать тот закон жизни, который Он передал нам и свою жизнь и своим учением. Всякий познавший это не будет строить основание своей веры на чудесах и потому исцеление его есть разумение спасения, данного Христом. При понимании настоящего как основного все не входящее в этот круг отпадает само собой, — это есть выход на истинный путь, где человек убежден, что он вышел на ту дорогу, которая доведет его до места.

Христос не разрушал ложную веру тем же, во что верили, а разрушал ее могуществом своего учения о истине. Он говорил: Вы думаете, что тот хлеб, который отцы ваши ели в пустыне и насытились, что тот хлеб с неба, — они ели его и умерли, а хлеб с неба такой, что тот, кто его будет есть, не умирает, этот хлеб есть мое учение; старайтесь не о пище телесной, а о такой пище, которая ведет в жизнь вечную. Он не говорил о том, что не было, а прямо говорил о том, чему надо быть, — Он питал прямо истинною пищею, давая ра-

зуметь правду, Он применил веру в хлеб небесный — как в истинный духовный хлеб, в слово Его учения.

Вера в чудо не будет уже вера, когда человек узнает истинную веру — она, та ложная вера, отпадет сама собой, потому что познавший истинную веру сам справится, как ему освободиться от нее, до познания истинной веры все мои усилия освободить человека от ложных воззрений останутся тщетны, потому что это совершается волею Бога, а не моей, и потому учительство мое состоит не в том, чтобы быть выше учителя, выше этой истины, а в том, чтобы призывать к этой истине, выводить на путь, который ведет к ней, а возрождение человека не от меня зависит, мое дело сеять чистые семена, а Богу произрастать. Преждевременный прием выдергивать из-под ног доску, по которой человек еще идет, опасен. Я знаю, что по этой доске человек придет ко мне и сам увидит то, что я хотел передать ему. Пусть путь его будет опасен, пусть доска та будет гнилая, я знаю только одно, что та доска перекинута с пути гибели, где человек мог бы совершенно пропасть, — на путь спасения, и дело мое — не выбивать доску из-под ног, а ускорять переход, чтоб тот не свалился в пропасть. При этом надо брать всегда в расчет, что каждый стоит не на одинаковом расстоянии от истины и что не каждому свойственна твердая пища. Тем, которые уже уразумели тайны царствия Божия, можно давать совершенную пищу и говорить как уразумевшим, а тем, которые еще на пути к нему, нужна не такая пища, к ним надо относиться как к немощным и потому относиться с любовью и не требовать много, а разумно давать пищу для возрождения и не вносить в их душу напрасной смуты и разлада как страдания, для них нужно только делать то, что могло бы освещать самый путь, и для них-то очень вредны праздные вопросы, потому что они преждевременны, и я спешу совершать то, что совершится само собой, и они сами будут смотреть на дело как оно есть. Мне нужно только делать одно: жизнью своей и делами наводить других на мысль и понимание о признаках разделения правды от неправды, чтобы не принимать ложь за правду и не служить ей и потому не быть соблазном.

Служение Христа Отцу состояло в том, чтобы служением этим показать людям, что жизнь истинная в исполнении воли Отца как закона жизни, а понимание этого дается чрез соединение с плотию и кровию человека самого учения Спасителя — какая сила дает это? — Величие силы этой проявляется в разуме и соединяется с плотию для служения духу жизни и потому умножение веры — в познании и деле правды. Это есть самое важное, и потому основное, и это я считаю за самое важное только тогда, когда разумно в чем должна состоять вера в учение истины и в чем заключается учение и искупление Христа и потому все остальное, что только возвышает это учение до Божественного, все это не прибавляет и не убавляет для

меня ничего, я понял учение это за Божественное по самым истинным его признакам, по его вечной правде, которая до того была скрыта от моих глаз, и на многое, на что я смотрел не так от неполноты веры, я уже смотрю другими глазами и оно мне легко объяснимо.

Все события и действия, какими сопровождалась проповедь Христа, для меня не служат камнем преткновения — я не полагаю на них основывать познание истины и для меня безразлично, были ли они тогда или не были, или были так или иначе, выдумка то или правда, Апостолы ли писали Евангелия или другие — мне это все равно и не дорого, мне дорога только та истина, которая передана Христом — она сама по себе есть драгоценность и дело мое знать ее цену и знать, почему она так дорога.

Задаваться вопросами: было ли тогда так, как написано, по моему мнению праздно — это не вносит в нашу душу ничего нового, оно остается тем, чем есть, и я могу понимать так или иначе; об них я могу и говорить, могу и не говорить, это безразлично — не ими указывается путь к истине. Если я узнал, в чем спасение, то все неприменимое к спасению остается вне моего убеждения и, следовательно, то неприменимое не служит уже само по себе предметом и моей веры и моей проповеди. Если оно (что неприменимо к спасению) смешано с зернами истинной веры и если оно своей яркостью привлекает других, то мне нет надобности выбрасывать их как плевелы, они плевелами и без того останутся для тех, кто разберет как есть дело; потому что то зерно, которое может дать рост — оно и ценно, оно и взойдет, а бесплодное так и останется бесплодным, хотя оно и привлекло, может быть, многих на дело. Мне нужно знать одно, что для имеющих ложную веру бесплодно сказать, что вера их мертва, мне нужно делать так, чтобы веру эту сама собой вытеснила истина, и потому мне нужно передать только сущность самой истины и поставить человека на истинный путь с таким убеждением, чтобы он верил в этот путь как истинный, который доведет до места и где он не может заблудиться и никакие причины не могли бы его разубедить, что это путь не тот, который приведет его к цели. Человек с подобным убеждением будет знать, что для того, чтобы дойти до места, надо идти, а не стоять, надо самому трудиться и приближать себя к желанной цели, в которой он убежден, найти для себя благо.

Федор Желтов

1888 года мая 10 дня
Село Богородское
Ниж. губ.

---

*См. первую страницу статьи на стр. 105.

9. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

16 июня 1888 г. Село Богородское.

Добрый брат мой Лев Николаевич!

Простите, что только сейчас отвечаю на Ваше последнее письмо¹. С этою же почтою посылаю Вам Вашу рукопись, взятую мной для чтения. Я уже писал Вам, как она мне понравилась. Изложение учения Спасителя так кратко, сжато и вместе с тем полно, говоря только о существенном, гораздо яснее передает самую истину и прямо вводит человека в тот мир правды, который был миром Христа.

Статью Вашу и Бондарева в «Русск. деле» мы читали². Эти статьи много возбудили толков в обществе. При Вашей рукописи я посылаю Вам на просмотр — и вперед извиняюсь, что Вас этим утруждаю — статью о значении труда для человека и о различии физического жизненного труда с простым физическим упражнением. Эту статью я хотел было послать или в «Рус. Богатство», или в ежедневные издания, но не осмелился, потому что не уверен в том, что я что-нибудь сказал этой статьей нового, и поэтому предоставляю ее Вашему решению. Если Вы одобрите, то направьте в редакцию какой-нибудь газеты или журнала для напечатания или возвратите с Вашим отзывом ко мне. Вопрос о труде имеет большое значение для жизни людей, вот почему я думаю, что если возбуждать подобные вопросы чаще, они скорее будут созревать и выясняться.

Жду Вашего ответа и свидетельствую Вам мою искреннюю братскую любовь, преданный Вам брат

Ф. Желтов

16 Июня 88

Богородское Село Нижегород. Губ.

P. S. Запишите члена в общест. трезв.:

Василий Иванов Хохлов, крестьянин села Богородского. 20 лет.

---

¹Письмо неизвестно.

²Статья Т. М. Бондарева «Трудолюбие, или Торжество земледельца» и предисловие к ней Толстого напечатаны в еженедельнике «Русское дело», 1888, №№ 12 и 13, 19 и 27 марта.

10. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

4 июля 1888 г. Село Богородское.

Дорогой брат Лев Николаевич!

Искренно благодарю Вас за то братское участие, которое Вы мне оказали, сделав отзыв о моей статье¹. За Ваш совет благодарю вдвойне. Я давно желал того, чтобы выяснить себе, насколько можно, вопрос о истинном значении литературы. Часто мне представляется вопрос: какая польза от того, что я опишу фотографически верно ту или другую сторону жизни? Что я принесу обновляющего, если буду писать только для того, чтобы услаждать своим писанием праздных людей?.. Теперь я убежден, что писать, как Вы выражаетесь, нужно не только то, что делают и делали люди, а то, что им нужно делать по воле Бога. Теперь я убежден, что в литературе, как и в жизни, должны быть обновляющие жизнь струи и что всякая *чистая* идея, введенная в литературное произведение, не есть лишняя тенденциозная прибавка, а именно та обновляющая струя, которая, проявляясь в жизни, должна двигать самую жизнь, как живое дело, ведущее к достижению общего блага людей.

За высланный листок против пьянства благодарю. Сегодня выписываю их 100 экз. Мамаша Вам кланяется и благодарит за Ваш привет.

Искренно преданный и любящий Вас брат

Ф. Желтов

1888 г. Июля 4.

Село Богородское.

Запишите в члены общества трезвости:

Михаил Иванов Фролов, крестьянин села Богородское Ниж. Губ. 55 лет. И если прошлый раз я не упомянул — Василья Иванова Хохлова, крест. с. Богор. 20 лет.

---

¹Письмо Толстого неизвестно.

11. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

31 января 1889 г. Село Богородское.

Дорогой брат Лев Николаевич!

Спешу Вам послать написанную мною статью о пьянстве. Как я бы желал, чтобы она была поскорее отпечатана. Мне хотелось бы, чтобы она была непременно напечатана брошюрками, так как это я считаю удобнее для народа — книжечки в руках долее хранятся, впрочем, хорошо бы отпечатать и книжками и листами. Не знаю, доступна ли она для печати в таком виде, как я ее Вам доставляю, в этом виде изложения мне кажется более убедительности для простого народа. Если Вы найдете что-нибудь нужным поправить, я буду очень благодарен. Если Вы ее одобряете, то печатайте где хотите, я не прочь, впрочем, и сам издать ее, но думаю, что она может подойти под разряд изданий «Посредника». Жду Вашего заключения.

Я долго не писал Вам, потому что не хотел беспокоить. А писать бы надо... Как идет у Вас дело О-ва трезвости?.. Я здесь утешаюсь тем, что оно дало хоть маленькие, но плоды, у меня сейчас нет еще новых записей, кроме доставленных Вам, но имею их в виду и даже сейчас, если бы хотел, мог их получить; дело касается таких людей, которые были очень подвержены пороку пьянства, влияние на них некоторых убеждений все-таки подействовало. Я знаю одного человека, который очень часто пил водку, теперь же, слава Богу, вот уже идет восьмой месяц, как он ее бросил совсем и не пьет. Я очень рад этому, пусть он окрепнет в своем хорошем поступке. Есть люди, которые заметно ослабили свое пристрастие к вину — и это хорошо, со временем их можно привести к добру. Я не спешу их записывать, но даю им свободу и поддерживаю в них бодрость.

Я нахожу, что мало в изданиях «Посредника» книжечек, направленных против пьянства, а их нужно, нужно — они могут иметь большое влияние, особенно же Ваше слово; Ваше слово имеет большой вес среди народа.

Не находите ли Вы, что тех условий, какими обладает сейчас Общество трезвости, недостаточно для того, чтобы люди, взявшись рука с рукой, как Вы писали, для борьбы с пьянством, могли соединить общие усилия и сделать больше, чем это можно сейчас? Я говорю о том, чтобы связующая идея этого О-ва могла быть более осязательной. Вот например, что я вычитал в газетах: крестьяне Золотниковской волости Саратовской губернии составили единоглас-

но приговор о закрытии в своем месте всех кабаков и трактиров, но почему-то этот приговор не подействовал, хотя местность, где это происходило, и не противоречила условиям нового пит. уст., говорят, что это произошло от происков и дружных усилий кабатчиков. Тогда крестьяне составили другой приговор, заключающий в себе условия соблюдения полнейшей трезвости — и чтобы никто из крестьян не смел ходить в кабаки и трактиры и пить водку дома и где бы то ни было под страхом штрафа. Согласитесь, что это побуждение должно бы заслуживать поощрения. Но и это условие, представленное в Волост. Правление, признано незаконным и им никакого содействия не оказано, так, по крайней мере, пишется в газетах. Да этих случаев не один, я их встречал очень много, и крестьянские попытки укрепить в своей жизни желательные условия трезвости всегда разрушаются, они не знают, где найти поддержки, на что опереться, чтобы с корнем вырвать дразнящий их соблазн, успешно распространяемый кабатчиками в различных формах, и так губительный для слабых. Не могло ли бы тут О-во трезвости оказать помощь, если бы имело для того благоприятные условия, т. е. если бы оно имело нечто целое... правда, оно и теперь нечто целое, но это как-то не так ощутительно, разрозненно. Если уж браться рука с рукой, чтобы бороться, так уж браться крепче. Я уверен, что если бы крестьяне знали, что есть такое О-во, которое может оказывать содействие в цели устройства и их стремления к трезвости и давать помощь и совет, как избавиться от кабаков, то они прямо бы и стали просить об этом О-во. Не находите ли Вы, что недурно бы выработать устав этого О-ва и утвердить его официальным путем, главной целью этого будет то, что О-во тогда будет иметь полнейшую возможность объединить свои действия и соединить в одно разрозненные силы путем сообщений о результатах, оказания помощи крестьянским обществам, желающим освободиться от кабатчиков, публичными чтениями о вреде пьянства, изданиями книг, картин и брошюр по тому же вопросу, разработкой всевозможных вопросов о мерах борьбы с пьянством, устройством в деревнях, селах и других местах разумных развлечений для отвлечения людей от праздного препровождения времени по трактирам и вступлением ходатайств в подлежащие места о оказании мер и содействий целям этого общества. Я думаю, что иметь для этого более шансов, чем есть, нисколько не мешает делу. С нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Пришлите мне, пожалуйста, Ваши статьи, напечатанные в «Неделе»¹.

Ваша статья о празднике просвещения произвела очень сильное впечатление².

Приветствую все Ваше семейство и братски целую Вас, преданный Вам и любящий

Ф. Желтов

1889 г. Января 31 д.
Село Богородское
Нижегор. губер.

---

¹В петербургской газете «Неделя», №№ 1, 2, 3, 4, 6, с 1 января по 11 февраля 1889 г., печатались главы XXII–XXXV и заключение книги «О жизни».

²Статья «Праздник просвещения» появилась 12 января («Татьянин день») в газете «Русские ведомости».

12. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

7 февраля 1889 г. Село Богородское.

Добрейший дорогой брат Лев Николаевич!

Спешу ответить на Ваше письмо¹ своим полным разрешением относительно исправления посланной Вам моей статьи, — я против этого ничего не имею и буду только считать себя Вам много обязанным и благодарным. Пожалуйста, если это не составит затруднения, нельзя ли будет по исправлении прислать ее для просмотра, а если это послужит только к напрасной трате времени в видах ее скорейшего издания, то не присылайте. Буду ждать Вашего сообщения².

В первых числах марта думаю проездом быть в Москве и очень, очень рад буду повидаться с Вами³.

От души благодарю за Вашу братскую любовь и за Ваше доброе содействие, горячо преданный и любящий братски Вас

Ф. Желтов

1889 г. Февр. 7 дня.

---

¹Письмо неизвестно. Упомянуто Толстым в дневниковой записи 5 февраля 1889 г. (ПСС, Т. 50, С. 33).

²Желтов прислал статью «Перестанем пить вино и угощать им». 5 февраля 1889 г. Толстой назвал ее в письме П. И. Бирюкову «очень хорошей». Напечатана «Посредником» в 1890 г.

³Судя по дневнику Толстого, Желтов с матерью Марией Ивановной приходили 3 марта 1889 г. Но еще раньше, 22 февраля, в дневнике отмечено: «...Пришел Желтов, и я с ним пошел по книжным лавкам... Какой чистый человек Желтов!» И позднее, 11 марта: «После обеда пришел Желтов. Говорил об обрядах их. Я говорил об опасности этого, о значении «Отче наш» (там же, С. 40, 49).

13. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

12 июня 1889 г. Село Богородское.

*Адрес: Село Богородское
Нижегородской Губернии
Федору Алексееву Желтову*

Добрейший брат Лев Николаевич!

Возвратившись из своей поездки¹, я занялся окончанием обещанной Вам рукописи о пьянстве. Спешу с настоящей почтой отправить Вам как ту рукопись, которую Вам обещал, так и две однородных с нею других. Последние я желал бы с Вашего одобрения тоже издать: одну сокращенную — листками, а вторую — книжками. Не могу надеяться, что рукопись я переделал в той силе, как бы Вы хотели, — я очень бы был обязан, если бы Вы приняли на себя труд пересмотра и окончательной отделки рукописи, что могло бы еще более усилить статью и послужить на пользу; или по крайней мере сделать некоторые отметки и указания и отослать рукопись мне, чтобы я мог еще приложить свои силы для этого дела. Я надеюсь, что Вы не откажетесь принять в этом общем деле свое участие. Надо как можно позаботиться о издании книжек против пьянства, которые имели бы в себе более всего нравственные, религиозные основы в своих выводах о том грехе, который производит пристрастие людей к соблюдению обычной пить и угощать всяким пьяным снадобьем при всех случаях жизни.

Такие основания могут быть для простолюдина убедительнее, что очень легко подметить, когда приходится разговор о пьянстве сводить на почву религиозно-нравственную.

Мне очень бы желательно знать Ваш отзыв о посылаемых рукописях и можно ли надеяться, что они будут изданы. Рукописями Вы можете распорядиться по Вашему усмотрению. Буду ждать Вашего ответа и надеяться на Ваше участие и помощь в моем слабом труде, которым бы я от души желал принести пользу².

Буду Вам писать по получении Вашего ответа, так как не знаю хорошенько Вашего теперешнего верного адреса, а мне хотелось бы поделиться с Вами некоторыми мыслями, вызванными отчасти и моей поездкой. Сообщите, куда Вам писать.

Кланяюсь всему Вашему семейству и всем моим знакомым и желаю Вам всяких хороших успехов во всех Ваших добрых делах. Искренно братски преданный Вам и любящий Вас

Федор Желтов

Р. С. Сообщите: продается ли журнал «Сотрудник», о котором Вы говорили³.

1889 года Июня 12 дня
село Богородское
Ниж. Губ.

---

¹26 апреля 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Дома хорошо беседовал с Желтовым. Очень серьезный человек. Он едет в Тамбовскую, Саратовскую и Самарскую для свиданья с молоканами» (ПСС, Т. 50, С. 74).

²19 июня Толстой поправлял полученные от Желтова рукописи против пьянства: «Порядочна одна. А одну я поправил, 3-я не годится», — отмечено в дневнике. И 23 июня: «Еще поправлял Желтовские листы» (там же, С. 97, 98). В ГМТ сохранилась рукопись «О грехе пьянства» с поправками Толстого.

³В декабре 1888 г. И. Д. Сытин решил издавать журнал для народного читателя «Сотрудник». Толстой разработал программу, собирал материал для первых номеров. Издание не состоялось.

14. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
Начало октября 1889 г. Село Богородское.

Добрейший и дорогой брат Лев Николаевич!

Ваши два уведомления я получил¹, искренно благодарю Вас за них и прошу извинить, что при этом письме не посылаю обещанного сообщения о поездке. Скажу только, что я очень рад, что познакомился с своими отдаленными, а по духу близкими братьями, с которыми я теперь имею даже и переписку.

Некоторые обстоятельства не позволили мне до сих пор написать Вам обо всем поподробнее, но я при первом же случае поделюсь с Вами всем, что только имелось бы в глазах моих ценным для сообщения. Простите, что сейчас пишу так кратко.

Искренно братски преданный и любящий Вас

Ф. Желтов

---

¹Не сохранились письма к Желтову от 18 и 23 июня 1889 г.

15. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

15 октября 1889 г. Село Богородское.

Дорогой брат Лев Николаевич!

Простите, что до сих пор я не мог исполнить своего обещания относительно сообщения некоторых воспоминаний по моей поездке. Весной я в первый раз так близко ознакомился с некоторыми молоканскими обществами, и это знакомство дало мне новые взгляды на ту степень духовного возраста, в котором большая часть молокан теперь находится. До сих пор я знал только свое общество и, от рождения принадлежа к нему, усвоил себе насколько возможно тот дух учения, который оно выражало, не скажу, что все меня удовлетворяло — многое мне еще было неясно, многое казалось недостаточным, и о многом приходилось еще думать — это удел каждого человека, который стремится вызвать в себе то полное сознание правды, которая одна может составить всю полноту его жизни.

Выражение молоканского учения хорошо Вам известно, но его основные положения и взгляды не могут же не подлежать тем живым движениям, которыми как огнем переплавляется основной дух всего, это та правда, которая прямо должна входить в живое приложение к жизни человека. Наблюдая за своим обществом, я замечал те остановки, которые могут вредить течению источника живой воды в вечность, но эти остановки, слава Богу, не занимают еще той степени, при которой можно бы сказать, что они составляют плоть и кровь человека, что они заняли полные права тех точек опоры, на которых может быть основана ложная вера, обманно удовлетворяющая духовную жажду человека.

Тот возраст, при котором человек переходит из одного положения своего мирозерцания в другое, не может еще рассматриваться как его законченный духовный рост, но беда в том, если этому духовному росту ставятся всевозможные преграды, которыми или уродуется это естественное движение, или окончательно убивается та живая сила, которая в данном случае должна способствовать движению. Это последнее меня и занимало. Нет ли в среде обществ подобных задержек, являющихся усиленным тормозом к введению живой струи, освежающей сознательное отношение к правде? Не выливается ли религиозное стремление людей в ту мертвящую бездушную форму, которая своим холодным положением усыпляет духовные силы человека и успокаивает его совесть? Не развивается ли из этих положений то затемнение разумных отношений человека к Богу, которое ставит

людей не лицом к истине, а оборачивает их назад и путает в ложных основаниях веры? Все это и многое другое заставляло меня глубже всматриваться в жизнь тех людей, в которых выразилась известная степень понимания правды. В чем выражается вера этих людей?.. Нащупать истинную веру не так легко, как это кажется. Неуловимые признаки ее не так легко бросаются в глаза. Другое дело с ложными основаниями веры — их много, но они мертвы, жизни в них нет, от них нечего взять, что могла бы всосать душа.

Нельзя назвать законченным то учение, которое поставило себе целью отрубать от себя все, что не может подходить под мерку здравого разума, под истинный закон Бога. Учение это и не может заканчиваться, потому что сущность его выражается в том подвиге, которым человечество ставится в близость к Богу и оттого получает те новые основы жизни, которые составляют истинное царство мира на земле. Законченность религии всегда выливается в ту мертвую форму, которая может прямо назваться смертью религии, но истинная религия должна жить, потому что вера есть жизнь и ее живое течение составляет то истинное благо людей, которого ищет все человечество. Пусть будут несовершенства и недостатки у людей на этом пути, а тем более у людей, которые выражают собой ту или другую степень понимания, пусть будут и недостатки полноты понимания вечной правды, но пусть не будет тех остановок, где люди, уцепившись руками, отстаивают с пеной у рта отдельные ступеньки подъема своего духа. Суть не в этих отдельных ступеньках, а суть в том движении, которое совершается. Фазы перерождения — только явления того знаменательного процесса, который совершается и над отдельными личностями и над целым обществом в силу неотразимых убеждений разума. Истиной может остаться только то, что тесно сплавляется между собой, производя одно целое, как отдельные части механизма, хотя бы выработанные вразброс по разным местам. Как ни одна неправильность не может быть тут допущена во вред целому, так и вся фальшь и ложь сама собой осыпается и отпадает от той деятельности разума, который один направляет жизнь к правде. Истинная вера, если хотите, и заканчивается, но она заканчивается *в Боге* и заканчивается для того, чтобы *исхогить*, и потому она жива и вечна.

С этой точки зрения я смотрел и наблюдал над теми обществами, с которыми мне приходилось входить в близкое общение. В большинстве я не замечал в молоканстве горячих сторонников отстаивания каких-либо вылившихся волей-неволей бездушных формальных отношений к Богу, а главное — замены чем-либо «удуманным» той живой веры, которая должна исходить от человека в жизнь вечную. Я не говорю, что вовсе того нет в молоканстве, а я говорю о той свободе, при которой доступность впитывания истин все-таки является

утешительным признаком доброй почвы для произрастания зародыша истинной жизни.

Может ли вера излагаться догматически? Сомневаюсь. В истинной вере бесспорная точка будет только Бог. Истинное понимание жизни есть тот отблеск вечного Бога, который выразился в душе человека, и потому *условно бесспорного* тут быть не может, тут может быть только та правда, которая прошла чрез разум. Этот замкнутый вечный круг, куда не входит ничто скверное, лживое, составляет истинное царство Бога, и это одно только, что можем мы разуместь под словом «*истина*». Выходя из этого круга, мы уже устанавливаем каждый свое и потому никогда не можем на этом сойтись и помириться, потому что ложь каждого не может носить в себе отпечаток единства с Богом, как рожденное не от Бога, и потому дух истины не узнает этих детей своими, и каждый отрицает свое дитя уже тем, что он отрицает законорожденность его у другого.

Стремление человека должно быть направлено в тот круг, где царство Бога. Там спора нет. Взойдя в этот круг и не выходя из его границ, могут все объединиться в веру. Но едва человек спустится из этой среды, как он уж сразу вступает на тот ложный погибельный путь, где стоит вечное царство тьмы и неправды. Последнее всегда опасно. Истинно верующему нет надобности останавливаться вне этого круга, а стремиться в тот круг, где спасение, и вести туда и других. Когда мне приходилось беседовать с людьми, высоко ставящими свои шаткие точки опоры ложной веры, то я всегда замечал, что их более всего на первых порах оскорблял мой грубый прием, которым я, как неискусный оператор, касался самого больного места и которым сразу хотел произвести ту операцию, которую мне хотелось; но это кроме беспричинной боли ничего человеку не приносило и еще больше усложняло дело, которое я хотел совершить. Другое дело, если я прямо обращал к человеку то, что стояло выше того уровня, на котором он искал истину; уровень его разума незаметно повышался, и там уж без боли можно было отсечь тот гнилой нарост, которым он так дорожил, да он как-то сам собой отпадал, отходил на второй план, и подъем духа совершался тем естественным путем, который идет помимо праздной борьбы с отроутками ложной веры, и сразу обезличивает эту веру. Обезличиванье ложной веры дает человеку свободу, а искание истинной веры иначе не может быть, как при свободно-разумном отношении человека ко всему. Когда мне приходилось говорить о вере во Христа как сына Божия, я спрашивал:

— Какие истинные признаки мы должны признавать за те, которые бы нам указывали сыновнее отношение к Богу Христа?

Очевидно, этот вопрос был нов, по крайней мере, в том виде, как я его поставил. Люди веровали во Христа, не задаваясь тонкостями полного разбора своей веры. Божественность Христа признавалась,

но признавалась как авторитет того учения, которое Он принес людям. Что мне было делать? Разубеждать людей в тех грубых внешних признаках высоты Христа, которыми большинство людей удовлетворяется как главной основой своего верования? Но ведь люди, с которыми я говорю, эти люди простирают свой взор дальше, и хоть то внешнее и остается в круге их понимания, но не составляет вполне той исходной точки, с которой начинается сцепление догматических формул, бесплодных для жизни. Оно остается у них назади, праздным. Внимание поглощается тем нравственным обликом и той высотой духовного единства с Богом, которое с полной силой выразилось во Христе как истинном сыне Бога. На этих признаках и надо остановиться. Остановиться надо для того, чтобы укрепить свою веру в единственную волю вечного Отца жизни, и эту веру надо выразить в себе, в своей жизни, в том самом смысле, в котором она вылилась с полным могуществом в Христе. Вопрос чистого разума всегда будет один: «В чем мое спасение?» — потому что только то, что составляет мое спасение — это и есть тот предмет, в который должна быть влита моя вера. Вопрос этот ведет за собой только одно приложение, это приложение моих сил к тому, в чем я получу спасение... *«Каждый усилием своим входит в царство небесное»*, и это усилие мое не должно составлять того, чтобы я прежде решил вопрос над той дверью, которой мне туда приходится проходить — какая это дверь: сосновая или липовая?.. Это для меня все равно, если я знаю, что эта дверь ведет меня к спасению. Мне это представляется так:

Мы с Вами в комнате. Комнату вдруг охватывает огонь и она горит. Мы бросаемся к окнам, к двери, чтобы выскочить, но и окна и двери так охвачены пламенем, что чрез них нельзя выйти на волю. Я замечаю одну дверь, чрез которую можно пройти и спастись, и указываю на нее. И вдруг Вы вообразили, что дверь эта явилась чудесным образом, что она дана с неба. Вместо того, чтобы скорее идти и спастись, я задерживаю Вас и хочу разубедить в неосновательности Вашего предположения, и мы начинаем спорить. Я говорю, что дверь эта такая же простая, как и все... Что же бы мне толковать об этом?.. Лишь бы дверь эта именно была дверью нашего спасения!.. А в жизни очень часто случаются такие праздные вопросы, которые никогда не могут быть тем истинным средством, чрез которое люди приводятся к свету чистого разума. Эти праздные вопросы лучше всего обходить, иначе они будут задерживать то течение, которое таинственным путем совершается при духовном возрождении человека.

Я знаю, что то, что есть в человеке как непреложная истина, это отзовется всегда только на ту вечную истину, которая сродна разуму жизни; она всосется, сольется с тем ведомым только Богу непороч-

ным качеством души и духовным просветлением человека, которое есть отблеск вечного света и жизни.

Возрождение человека так же, как и целую жизнь людей, можно сравнить с чистым зерном пшеницы, насыпанным в решето вместе с куллем. Встряска очищает только одно зерно и оно одно остается удерживаясь, а куколь и сор вытряхиваются вон. Вот этот-то куколь и сор надо просто вытряхнуть из сознания людей, и я знаю, что то же решето, которое пропустит куколь, задержит вместе с тем ту пшеницу, которая и составляет самую ценность.

Мне очень понравился ответ молоканина старика (В. Н. Сопина в Рассказах), который при рассуждении о Христе говорил:

— Сын Божий как пришел в мир: я спрошу, был ли сын Божий в Авеле?.. Енохе?.. Ное?.. и других праведных по жизни людях?.. Ведь был?.. Так вот, сын Божий, нисшедший в людей, Он же есть и восшедший в вечность; посему и сказано: восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам (Посл. Ефес. 4; 8). Пришествие Христа в мир от века, Он есть тот же от начала и до конца. А что говорят о втором пришествии, что оно будет, что его надо ждать, так мое понятие такое: пришествие второе Христа если надо признавать, то не телесно, буквально, в какое-нибудь другое время, как некоторые верят, а как в духовное, совершающееся, его нечего ждать, а всегда быть готовым, во всякую минуту, во всякий час. Сам Христос говорил, что Царство Его неприметным образом должно прийти, не в каком-либо времени и месте, — если будут так говорить, не ходите и не гоняйтесь. Где же Царство Его?.. Царство Его внутри вас есть, — сказано.

Я спросил, как понимают они 24 гл. Матфея.

— Что в этой главе сказано, так это просто-напросто говорится о времени падения Иерусалима и его царства, и это все случилось, да это все случается и теперь — Христос видел судьбы людей и видел, что будут терпеть его последователи от козней врага. Нет там Христа, где неправда, Его искать надо в себе, обманов же в жизни много, и эти обманы совращают людей от истины, и эти обманы в какую-нибудь минуту жизни человека будут же ему видимы, так вот и бодрствуй всегда, как бы ни пришел такой час, и это твой суд, человеку же еще другого суда не будет, он совершается, нечего его ждать за гробом, ты его получаешь от своих дел. Человек помер, он уже получил суд и идет или в жизнь, или в смерть. (Сопин В. Н.)

Как две мелющиеся в жерновах, из которых одна берется, а другая оставляется, и как из двоих на поле берется один и оставляется другой, так и жизнь человека: один отбрасывается, другой входит и сохраняет жизнь. Или уподобить можно тому: два жернова в человеке это дух и плоть, дело их — это самая жизнь, и как жернов из зерна родит муку, так и человек из своего разума производит свет. При конце один жернов остается — это дух, он вечен, а плоть получает свой

удел как плоть, и оставляется. Вот в жизни и составляя в себе этими двумя данными тебе жерновами переработку и смотри знай, что совершишь, — на это тебе дано понимание от Бога. Сеющий в плоть от плоти пожнет тление; сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную¹. Какая наша жизнь должна быть по Богу?.. Ни пьяница, ни клеветник, ни убийца, ни лихоимец, ни любостяжатель, никто с грехами своими не примет участия в награде от Бога. Надо бояться всего этого. Свет надо иметь, чтобы жизнь твоя не была похожа на языческую, вот что надо совершать. (Смотри Ефес. 4 гл.) (М. М. Желтов. Рассказы).

О вере речь. Верую Енох получил праведность, верую Авраам получил обетование. Вера без дел мертва, дела не от веры не есть дела от Божьей воли, а на свете только одна воля есть, в которой люди находят спасение, — это воля нашего Отца жизни, Господа Бога; если мы живем в Его воле, то мы исполняем тот закон, который нам назначен. В чем этот закон, мы должны понять и не только понять, но и исполнить, и в этом вся моя вера, потому что я верю в это по разуму, да и нельзя мне не верить, если я понял свое спасение. Вера живая должна быть в делах наших...

Для человека, который верит в Христово учение, для этого человека жизнь должна быть в обновлении духа (Посл. Ефес. 4; 21-25) и для этого человека нет никакой боязни: ни смерть, ни нищета, ни нагота — ничто не отлучит нас от любви Божьей²... Смерти бояться нечего, потому что во Христе нет смерти, в нем только одна жизнь... Когда ты обращаешься к Богу в молитве, так ты в эту минуту входишь в самого себя, все одно что проверку делаешь перед Богом, но ты *всегда* должен делать такую проверку, если хочешь, чтобы твое духовное поклонение Богу было истинным. (В. Н. Сопин)

Для чего мы собираемся на беседу? (Молокане собираются каждый воскресный день — в некоторых местах одно утреннее, а в некоторых на утреннее и вечернее собрания, где читают Ветхий и Новый завет, поют псалмы, беседуют — это называется или «собранием», или «беседой», такие собрания бывают иногда и в другие дни недели). Для того чтобы укрепить себя в вере, для того чтобы упрочить дух истинный, Богу угодно такое общение, мы обсуждаем не что другое, мы беседуем с Богом; если я читаю Писание, я читаю в назидание и себе и слушающим, я должен читать с толком — от разуму объяснять, обсуждать, чтобы понятно было всякому, к чему идет чтение и в чем все дело, без толку, т. е. без объяснения, не каждому можно сразу уразуметь, кому как положит Бог, мы не букву должны только читать, а понимать и удерживать дух.

Пение наше?.. Что же, пение не обряд, все к назиданию, к утешению, а иногда просто развлечение... это мы понимаем.

От чего суть спасения нашего?.. Никто не скажет — от того, что на собрание ходит; всякий знает, что туда ходит только для общения; не худо это, худого тут нет. Коли мы на беседу придем, да укрепляем себя словами Писания, а с беседы выйдем да и не спержим в своей душе добра, то это не заслуга. (М. М. Желтов)

Я два раза был на общих беседах Рассказовских молокан. Эти беседы мне очень нравились; они носили характер полного свободного мышления и той простоты, в которой ясность разумения покупается скорее, нежели при тонкостях «удуманных» толкований и изощрения сил над доискиванием сокровенного смысла там, где его нет. Прямота мысли в таких беседах ощутительнее чувствуется душой и улавливается та степень сознания, которая выразилась в людях. Свободно-критический разбор предметов, который при других условиях верования не мог бы быть в подобной степени сознательно выражаем, есть признак освобождения мысли от тех оков, которыми связывается всякое естественное движение вперед к познанию силы и закона, вечности и Бога.

Не лишне упомянуть, что в Рассказовском, а также некоторых и других обществах я заметил такой же критической взгляд и на перевод Писания, разумеется в доступной для них в этом отношении степени, именно в сличении славянского с русским; но это все-таки доказывает отсутствие того «буквоедства», которое в такой грубой силе выразилось в некоторых лже-верованиях и убило всякий здравый смысл и понимание.

Не буду распространяться подробно о тех беседах, которые мы вели, не буду говорить и о других обществах, которые мне знакомы, скажу только одно, что много или мало они походят друг на друга и идут по одному пути, если и есть несовершенства, отступления, то они, как частные, не могут составлять того единства истинной церкви, в которой одной выражается дух учения Христа. Некоторые разности, небольшие впрочем, как я заметил, в Рассказовском, Саратовском и Самарском обществах, составляют только ни больше ни меньше как работу мысли. Где тут те внешние усилия, которые бы отстранили это движение?.. Это тесто, которое киснет само по себе. Мне стали больше понятны те слова Христа, где он говорит: «а вы не называйтесь учителями, потому что один у вас учитель — Христос, все же вы братья»³.

Не могу не отметить еще одной хорошей беседы, которую пришлось вести с братьями Самарского общества, а главным образом слова старца Федосея Ивановича Чернышева, которую и привожу на память, как удержал и из личной беседы с братьями и из письма, которое я после получил как продолжение и повторение того же обмена мыслей, который был между нами:

— Хорошо, братия, что мы находимся в таком единстве, что можем сказать, что наши мнения и наши видимые обряды составляют одно между нашими разделенными друг от друга обществами, но этого мало, это можно встретить во многих; но Бог взирает во внутренность, пред Его всеобъемлющим оком ничего не может быть сокрыто, тайные грехи и тайные помыслы знает Господь. Он дал нам нравственный закон, которым праведники и руководствуются как

законом правды, это есть духовный плод, на котором созидается Храм духовный, священство святое, прикрепленный к телу Христову.

Рассмотримте всесторонне нашу земную жизнь, учение и страдания Христа и его истинных последователей — избранных рабов или сотрудников невидимого царства Божия. Крест есть залог любви Божией, он есть жезл любви Отца небесного, он победитель страстей, побуждает к любви и возрождает истинное смирение и кротость.

Посмотрите, где воспитаны великие мужи, вестники и хранители церкви Христовой: Иосифы, Моисеи, Даниилы, Павлы, Петры, Иоанны и др. В училище Креста. Когда церковь совершеннее возростала и процветала и приносила плоды святости? Тогда, когда вся нива Господня непрестанно раздраема была Крестом и напоеваема кровию мучеников за правду. Эти и служат день и ночь в истинном Храме Бога.

Что сказать нам на это?... Послушаем, что говорит верховный, небесный законодатель: «Ученик не выше учителя и слуга не выше господина своего»⁴. Мы нередко в малодушии своем жалуемся, а между тем: враги наши наносят нам обиды, но не похищают еще жизни; осыпают нас поношениями, но не ударяют по ланитам; желают нам погибели, но еще не возносят на крест — это есть неисчерпаемый источник утешения во всех скорбях наших. Посмотрю я на себя: что за имя Христово и его учение лицо мое не оплевано, тело мое не имеет ни одной раны, глава моя цела, руки и ноги не избиты, и весь я еще не обогретен кровию — я еще не до крови сражусь, подвизаясь против греха⁵. Мы заслужили быть битыми и мучимы как грешники, а Он не сделал ни одной вины и зла и Он велел прощать обижающим и ударившим нас. Но мы презираем сие явление. Он сам исполнял то, что нам повелел, и мы же не взираем на Его пример. Любовь Спасителя восходит к Отцу небесному и нисходит к миру. Любовь к Богу ревнует о Боге; любовь к человеку милует человека; любовь к Богу требует, чтобы исполнен был закон правды Божией; любовь к человеку не оставляет преступника закона погибать в неправде своей; любовь к Богу стремится победить врага Божия. Вот такая Христианская обязанность сподвижников Христа. Имеем ли мы в самих себе эту силу воли Спасителя?... Следуем ли за ним?... Подчиняемся ли Его повелению?... Но мы по делам своим не заслуживаем еще такого высокого наименования, какое мы носим на себе. Мы называем себя духовными Христианами, то должны быть в нас и плоды духовные. Плод же духовный есть любовь к Богу, любовь и к ближнему своему. Если кто теряет любовь, теряет и все; если кто злобствует на ближнего своего, в то же время не может быть и другом Христа.

Дух Божий научает нас чрез Апостола, говоря: «кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме; во тьме ходит и не знает куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза»⁶, но тьма ослепила

очеса сердечные брата ненавистника, тьма совсем омрачила его, а нелюбящий брата находится в духовной смерти.

Такие преткновения случаются и в жизни нашей и в мнениях о священном писании и в лицемерии нашем, а лицемеров, по словам Спасителя, ожидает одно только горе, поэтому будем осторожны и не будем лстить своему сердцу и лгать своей совести; Бога мы все-таки не обманем. Что посеет человек, то и пожнет⁷. Когда Господь придет — просветит все скрытое во мраке, сердечные намерения обнаружатся; вечность неизбежна.

Мы странники и пришельцы на земле; не прошел ли кто из нас мимо своей души? Не оставил ли ее без попечения? Не сидит ли наш внутренний человек подобно как слепой на распутии, не сидит ли он во тьме и сени смертной и не видит и не ощущает света Божия на пути истины? Но Бог по своей премудрости и неограниченному милосердию не проходит мимо никого из нас, останавливается над каждым из нас, стучится в дверь сердец наших, является не ищущим Его и обретается не вопрошающим о Нем. Он всегда предстоит каждому с готовою спасительною помощью, но мы в легкомыслии своем не признаем благодати и близости Его к нам, или сами проходим мимо Его, либо не принимаем Его помощи, или принятой не сохраняем. В каком небрежении оставляем пример жизни Спасителя и святых Его!... Как будто возможно нам найти другой путь спасения, кроме проложенного Христом?!...

Вопиющий голос Божий всегда нам говорит: не оставляйте друг друга каждый день, пока можно говорить, потому что теперь время благоприятное, теперь только день спасения⁸ и потерянного времени потом никакими слезами не вернешь. Бог, научающий нас полезному различными средствами, ведет нас по тому пути, по которому нам должно идти и внимательно следовать Его заповедям любви. Заповеди эти есть духовное зеркало для нашей души; в нем мы всегда усмотрим недостатки свои, а полноту других; вот это и есть истинное наше смирение, да будет оно краеугольным камнем основания во всем, потому что начальник нашей веры — Христос, — весь кротость и смирение, а мы должны быть Его последователями, то есть похожими подобием на Него. Мы обязаны носить крест страдания охотно, даже с радостью, и молиться за врагов своих, — это есть новая жизнь возрождения, которая соделает нас радостными и добрыми в деле Господнем. Жизнь наша должна служить нам приготовлением от действия духа к вечности в силе благодати. Мы должны вкусить дара небесного пока еще в настоящем мире; принять в этом мире духа, который от Бога. Надо просить Бога, чтобы Он дал нам силы проходить этот путь по Его святой воле и быть сынами света.

Я плотский, смертный человек; познания мои и проницательность весьма малы и ничтожны, а все это в Боге, а я едва могу проследить самого себя. Жизнь наша не соответствует тому званию, которое мы

приняли, и если мы будем скрывать недостатки, а ничтожность по-
вышать, то может ли человек исправить себя? Если образ Божий в
нас потерян, то жизнь наша есть единственный срок, в который нам
нужно Его найти и восстановить, если мы не совершим этого, то
Господь не признает нас за рабов своих, а это не должно ли заста-
вить нас взойти в самих себя и исследовать, возрождены ли мы
духом святым, близки ли к царствию Божию, которое должно быть в
нутре, в душах наших; каковы были наши дела? мысли? желания?
Были ли сердца наши Храмом Божиим или вертепом грехов? Вот
все, что мы каждый должен сделать для себя; а тот, который при-
званный и усыновленный, должен быть око слепым, нога хромым,
врач больным, отец сиротам...

(из слов и письма Ф. И. Чернышева)

Приходится только радоваться за тот свет, который все более и
более возгорается в сознании людей; не далек тот от царствия Бо-
жия, кто веру свою переносит прямо в практический склад своей
жизни — в этом его благо и благо других людей. Есть и в жизни
верующих недостатки, но эта неполнота веры не есть еще «хула на
духа святого»⁹ и не есть то основание жизни, которое могло бы от-
стаиваться по разуму; это есть временное состояние, не исключаю-
щее возможности движения вперед; раз люди отделились свободному
отношению разума к жизни, то разум их и приведет в царство небес-
ное.

Правда победит. Разум вечен. Свет солнца постепенно гасит свет
звезд и вечный свет торжественно озарит мир радостным днем, пол-
ным жизни и свободы!

Братски целую Вас и духовно
пребываю с Вами, искренно
любящий Вас Федор Желтов

1889 года Октября 15 дня.

---

¹Послание св. ап. Павла к Галатам, 6:8.

²См. Посл. св. ап. Павла к Римлянам, 8:35–39.

³Матф. 23:8.

⁴Иоанн. 13:16.

⁵См. 2 Кор. 4:8, 9.

⁶См. 1 Иоанн. 2:11.

⁷Гал. 6:7.

⁸См. 2 Кор. 6:2.

⁹Матф. 12:31.

16. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

16 октября 1889 г. Село Богородское.

Адрес: село Богородское
Нижегор. Губер.
Федору Алексею
Желтову

Добрый Лев Николаевич!

Простите меня, что я до сих пор не исполнил своего обещания по поводу сообщения некоторых воспоминаний по моей поездке. Сегодня я послал подробное об этом письмо на Ваше имя чрез Александра Никифор. Дунаева¹, так как не знаю теперешнего Вашего верного адреса и не знаю, в деревне ли Вы или в Москве. А. Н-ч, вероятно, скоро доставит Вам это письмо, по прочтении которого Вами я желал бы знать Ваши взгляды на все в нем изложенное; в этом, я надеюсь, Вы не лишите меня того братского общения, которое вливает в душу еще больше силы и бодрости, а особенно при той слабости духа, которая иногда чувствуется.

Как я рад, что познакомился с А. Н-чем. И как я рад, что мы в беседах с ним хорошо провели время Нижегород. ярмарки, где почти каждый день виделись. Эти беседы уяснили мне многое.

Я получил на днях от Черткова В. Г. уведомление, что из двух пересланных Вами ему рукописей моих он напечатает понравившуюся ему одну. Помню, что одну из рукописей — третью, большую — Вы не одобряли, если она у Вас цела, то нельзя ли бы ее прислать мне для переделки? Если можно и не составит это труда, пожалуйста, пришлите.

Буду ждать Вашего ответа по получении Вами подробного письма моего от А. Н-ча.

Привет всему семейству. Искренно любящий Вас

Ф. Желтов

1889 г. 16 Окт.
Село Богородское.

---

¹А. Н. Дунаев (1850–1920) — близкий знакомый семьи Толстого, директор Московского торгового банка.

17. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

23 ноября 1889 г. Богородское.

Добрейший, дорогой брат Лев Николаевич!

В письме своем от 15 октября, пересланном Вам чрез А. Н. Дунаева, я Вам описывал некоторые духовные стороны жизни молокан, а также и свои взгляды на те религиозные убеждения, которые должны составлять сущность нашего верования. Интересуясь всем, что можете сказать Вы в этом отношении, я прошу Вашего братского общения — поделиться тем светом жизни, который горит в Вас, и дать этим ту твердую опору, которая так необходима для слабых духом, постоянно изнемогающим под тяжестью сомнений, исканий истины и неполноты веры. Нет ничего мучительнее того состояния человека, когда он при напряжении всех своих сил стремится прояснить около себя этот мрак, который, как Египетская тьма, окружает жизнь людей, и когда он ищет света, который указал бы ему путь, ведущий к спасению.

Полнота веры составляет все счастье людей, но эта полнота явится только тогда, когда свет истинного разума покажет мне все протяжение пути, который должен меня вести в царство жизни, а эта линия так узка, так строго определена, что невольно приходится на каждом шагу останавливаться, чтобы каким-либо необдуманным шагом не сойти на тот путь гибели и соблазна, который приводит людей к смерти. А жизнь так опутана, что на всем протяжении пути стоят сети, представляющие соблазны мира, и часто приходится попадать в эти сети и бороться с теми препятствиями, которые уклоняют людей от истинного пути жизни. Часто приходится падать и грешить, и при слабости духа невольно зарождается в душе сомнение в самом себе, в своих стремлениях. Что же это такое?.. Где же совершенство?.. Не будут ли бесполезными мои усилия борьбы, когда я не могу достигнуть той высоты разума, которая бы неуклонно вела меня по пути жизни? Если я иду по этой полосе жизни с убеждением, что она меня ведет в вечность, то откуда я беру веру в то, что на конце этого пути именно и ждет меня спасение и вечная жизнь? Да на конце ли пути она, эта вечная жизнь, не во мне ли она самом; борьба с препятствиями не есть ли борьба за сохранение этой жизни и не в борьбе ли и все мое совершенство?..

Если бы полнота веры вселилась в мое сердце, то я чувствовал бы нераздельность моей жизни с той вечной правдой, к которой я

иду, я чувствовал бы, как та цель, которая поставлена пред разумом людей, была близка ко мне, несмотря на мои падения, я видел бы ее как ярко горящий маяк среди волн и подводных камней житейского моря, я предвкушал бы то блаженное состояние духа, которое служит венцом бессмертия. Жизнь!.. Как она многосложна, сколько в ней неправды, сколько тропинок протоптано в ней, — которая же тропинка та, что ведет людей к вечной жизни, а не к гибели? Вот это-то верное определение пути и смущает иногда дух и заставляет слабеть мои силы. Борешься — и изнемогаешь, идешь, и сомневаешься. Грех, сотворенный мной и признанный как нарушение закона, жжет мою душу и порождает сомнение в силах; мысль, что я грешу при разумении, заставляет меня закрывать глаза от чужих грехов и не произносить укора за грехи людей, за их явный и, иногда, преднамеренный обман и не только за хулу на сына человеческого, но... страшно сказать, и за хулу на Духа Святого... Что же ты-то сам?.. Чем ты гордишься?.. Чем ты лучше этих людей?.. Не фарисейство ли это твое, когда ты, думая, что стоишь на верном пути, и так же падаешь и гресишь, как и те, и считаешь себя лучше других, и чем же ты отличаешься от этой шайки лицемеров, взявших ключи от царствия Божия?.. Тем разве, что ты откинул только те внешние формы, которые, как усыпляющее средство, пущены в ход врагом мира — диаволом и возложены им как оковы на свободное разумение и на духовную жизнь человека?.. А твои личные слабости?.. А твои проступки, твои грехи?.. Они-то что говорят о тебе — не сближают ли они тебя с теми же лицемерами и ставят на один с ними путь, только с другого конца?..

Вот те думы и сомнения, которые иногда возникают в моей душе и мятут мой дух. Что за различие греха к смерти от греха не к смерти — тот и другой не имеют ли одного корня, и борьба со злом не все ли, что составляет жизнь; а где же полное отрешение от зла, полное совершенство? Разве нельзя выйти человеку совсем из того круга, который составляет мучительный ад для его души, и вступить в полное блаженство вечной радости и торжества над смертью и взойти в райскую жизнь царства разума Христова?..

Жду от Вас целительного слова для моей больной души, жду подкрепления моих сил для борьбы, жду света — для разумения света!..

Братски преданный и любящий Вас

Ф. Желтов

1889 г. Ноябр. 23.
С. Богородское

Адрес: село Богородское,
Нижегородск. губ.
Федору Алексееву
Желтову

18. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

11 февраля 1890 г. Рассказово.

Дорогой брат, Лев Николаевич!

Пишу Вам это письмо вследствие желания моего познакомить Вас с одним из братьев духовных христиан — Петром Васильевичем Поповым.

Окажите ему свое братское внимание и примите в общение как брата, жаждущего познать истину и укрепить сознание в разумении жизни.

Я пишу это не потому, чтобы Вы могли отказаться от братского общения, а пишу только вследствие моего желания познакомить П. В-ча с Вами, так как это знакомство принесет для его духовного роста большую пользу. Простите и примите мою братскую любовь.

Любящий Вас

Ф. Желтов

Рассказово.

11 февр. 1890 г.

На обороте:

Почт. ст. Ясенки

Тульской губ.

Льву Николаевичу

Толстому

19. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

16 марта 1890 г. Село Богородское.

Дорогой брат, Лев Николаевич!

Только что возвратившись из своей поездки и находясь под влиянием живого впечатления того братского общения, которое Вы оказали со всей Вашей семьей нам, когда мы были у Вас в Ясной Поляне¹, я не могу не написать Вам этого письма, чтобы не выразить Вам своей признательности за ту Вашу любовь, свет которой невольно и влек нас заехать к Вам, чтобы выразить этим свою искреннюю благодарность за те светлые труды, которыми Вы влили в народную жизнь чистую струю живого Христианского учения и осветили темные стороны той неправды, которая под видом правды Христовой, как сын погибели, занимает место Христово (2 Фессал. 2 гл. 3 и 4 ст. Ев. Иоан. 17; 12). Ваши труды дали многим истинное понимание жизни по учению Христа и разбили те вековые преграды, которыми дух лжи закрыл истинный свет разума, так ярко горевший в великом Учителе жизни. Мы видим, что то великое, что Вы дали, творит уже свой плод, и верим, что оно будет расти и крепнуть, и множиться, упрачивая в жизни людей разумные основы их отношений. — Невольно мне приходят на мысль слова: «Кто сотворит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот великим наречется в царстве небесном»...² Простите, Лев Николаевич, за такое начало письма; я не могу в эту минуту писать иначе после того, что я вынес из своей поездки и из общения с многими, которых мне пришлось видеть, — с многими близкими по духу разума.

Ваша беседа и беседа других людей, горевших тем же светом, принесла мне много пользы в смысле укрепления моих слабых сил и восстановления пред моим разумением того, что от меня было закрыто.

С тех пор как я писал Вам последние свои письма от 15 Окт. и 23 Нояб. прошлого года, прошло уже много времени и в это многое я много передумал в том же направлении, о чем Вам писал. Я не буду распространяться сейчас о всем ходе моей внутренней работы, потому что чувствую, как сознание мое двигается, колеблется, растет. Знаю только одно, что оно становится более и более требовательным к моему личному отношению к жизни, к уяснению того соответствия с жизнью, которое я должен хранить по закону Христа.

Несоответствие той жизни, которой я живу, с тем требованием закона, который вложен как свет в душу людей, — мне постоянно стало напоминать о *своем* грехе, о *своей* слабости, о *своем* зле и невольном это самое заставляет снисходить к слабостям и грехам других, которых я прежде презирал. Для меня теперь как будто бы стала личность человека именно тем, что я должен любить, и то, за что я прежде не мог любить человека, это самое, что было гадко и что мною смешивалось с личностью, это самое стало как будто бы отдельным от личности, и это самое, не человека, а тот грех, чрез который он страдает, это самое я и допускаю только ненавидеть. Чтобы стать на эту точку отношения, я думаю, что всегда, когда встречаешься с человеком, всегда надо стараться только обращать внимание на его хорошие стороны, потому что каждый человек, как бы ни был он грязен, — имеет их, потому что в этих проявлениях души есть Бог, потому что та искра, которая имеет Божественное начало, бывает и под кучей самого негодного хлама и вот эту-то самую искру, тем, что ты будешь употреблять для этого по закону Бога, и должно мне всегда вызывать в человеке, а это может совершиться только тогда, когда я сам в себе буду возвышать только то, что есть во мне как свет жизни, то разумное начало, которое мое отношение к человеку устанавливает, по тому моему мнению, которым я выражаю то, чтобы от другого человека мне никогда не было дурного, а только одно хорошее, т. е. любовь, а по этому закону могу ли я отрицать это же самое чувство в другом человеке? По тому же праву, по которому я заявляю это требование, по этому же праву может заявить его и другой человек и, следовательно, прежде чем ожидать проявления этого права от другого человека по отношению к себе, я должен проявить его сам, потому что то, что я хочу видеть от другого человека, проявиться может только при соблюдении мной того, что я хочу, чтобы соблюл другой человек, этим я только и могу вызвать хорошие качества души к их жизни.

Все это, конечно, для Вас не ново, но мне как человеку, который переживает еще только все это, необходимо поделиться с Вами своими мыслями, чтобы Вы то, что считаете недостаточно ясно определенным, — выразили своим словом в форме более доступной моему пониманию и тем помогли мне в движении разума.

Я знаю, что вопросы, которые становятся более ясными, это те, которые я не передумал только, а и пережил. Это пережитое ложится в основу жизни как твердая, спасительная точка опоры, которую постоянно ищешь, когда чувствуешь под ногами слабость. Переживанием того, что хочешь видеть в другом человеке хорошего, постепенно постигаешь истинный смысл того, что можно назвать жизнью. Установлением подобного взгляда на свое отношение к жизни сразу определяешь границы учительства желанием просветить самого себя прежде нежели другого человека, потому что дру-

того человека и можешь привлечь к прославлению Бога одним только светом истины, который должен быть проявлен чрез мою деятельность (Матф. 5; 16). Тем, что я не соблюдаю права, требуемого моей душой, права, чрез которое я желаю, чтобы от другого человека мне не было зло, а добро, не было дурно, а хорошо, — я не могу переносить на другого человека требования этого права как справедливости к себе тогда, когда я сам не проявляю этой справедливости, потому что то, что я хочу требовать от другого человека, это есть тот закон жизни, который вложен в мою душу как свет и который горит мне, что в этом свете, в соблюдении этого закона и есть та истинная вечная жизнь, которая движением своим может привести меня к достижению блага. Если бы я отрицал Бога и если бы я был в полном отрицательном неверии, то и тогда, несмотря на мое полное отрицание Бога, и тогда я, отрицая его рассудком, не мог бы отрицать его своей душой и признавал бы Его чрез то откровение, какое происходит у меня в совести. Я признавал бы Его душой, разумом. Отрицая Бога, я желал бы Его проявления, отрицая Его я желал бы видеть Его, потому что знаю, что Он-то и есть та самая жизнь, которой я ищу как человек, который с завязанными глазами ищет дороги, зная, что ему надо куда-то идти. И что бы я ни делал, и что бы я ни желал, над чем бы ни трудился, все это есть только те обрывки моего внутреннего сознания, которые вложены во мне для разумения и достижения блага, все это есть только следствие моего внутреннего толчка, но который отразился во мне в совершенно обратном смысле: закон дан для исполнения мне по отношению к другим, а я желаю, чтобы это исполнение происходило именно *по отношению ко мне*. Закон указывает мне, а я вместо того, чтобы следовать сравнительному выводу блага для себя, его пользы, хочу, чтобы другие только не делали мне вреда, и указываю другим, не исполняя закона, и нарушаю тем обмен и исхождение закона в жизнь. Знаю, что мне нужно восстановить равновесие там, где происходит нарушение закона, и вместо того, чтобы проявить полноту закона, я бью кулаком по той скале, которая именно и нарушает равновесие. А это именно и бывает так, когда я, желая восстановить справедливость (равновесие), воздаю злом за зло, если это назвать возмездием справедливости, то и удар по той скале весов, которая нарушает равновесие, можно назвать средством восстановления равновесия, а между тем это средство еще больше и нарушает равновесие, саму справедливость. Познать тот закон, который делает жизнь людей счастливой, я могу только чрез самого себя, познать Бога, то, что Он есть для меня, я могу только тоже чрез самого себя. Чрез познание самого себя я открываю и познаю то, что мне доступно к уяснению смысла и цели жизни. Я хочу, чтобы люди меня любили, чтобы жизнь моя была счастлива. Ни один человек не скажет, чтобы он не хотел того же. Я хочу, чтобы меня любили, и за то, что меня будут любить, и я буду

любить тех, кто меня будет любить. Значит следствие моей любви к другим вытекает из того, что *меня* будут любить. Этим я признаю то, чтобы достичь любви людей, необходимо прежде проявить любовь, потому что, раз я выражаю потребность любви для людей, это значит признаю этим средство для достижения проявления силы любви. Так значит и употреби это средство, чтобы достичь того, что ты желал.

Простите за то, что я много распространяюсь и может быть неясно выражаю свои мысли. Много мне приходилось думать и о том, что такое есть человек и его жизнь, со всеми страстями, грехами, любовью, благом, смертью. Если Бог жизнь, то почему же есть и зло как смерть жизни? Если есть вечность, то почему же есть время, которое не есть вечность?

Проникаясь все больше и больше учением Христа, доходишь до того, что отрешаешь от себя всякое сознание себя как личности и перемещаешь тем тяжесть своего сознания в другую среду, где твое личное я поглощается величием Бога. Сознание жизни тогда является не то, что есть время, а то, что живет вечно, и именно живет, движется, и поглощает своим величием только то, что может быть сродным этому величию. Плоть и дух — Человек, орудие и закон жизни, есть именно по существу своему жизнь вечности во времени. Жизнь человека, его плоть, есть именно тот мост, который построил Бог для перехода в свое царство и маяком на конце его как свет, указывающий путь, поставил разум. Тот, кто идет по этому маяку без уклонений, тот достигает царства Бога, и тем, что он идет на маяк, он исполняет волю Бога. Тот, кто уклоняется от этого пути, берет наперекосую вправо или влево, тот или натывается на столбы, или валится с края моста в пропасть. Можно ли тогда сказать, что зло и грех, эти уклонения, созданы Богом?

Над жизнью царят одни законы, которые и можно только назвать вечными, и эти законы открываются людям чрез их разумение, чрез разумение открывается людям в этих законах жизни сам Бог и открывается в той нужной мере, во сколько нам нужно Его вместить для своей жизни.

Заканчивая на этот раз письмо, я бы просил Вас, дорогой Лев Николаевич, пояснить мне ту беседу, которую мы вели лично относительно значения брака. Понимать ли идеал безбрачия как совершенство и как цель, к которой необходимо стремиться, понимать ли брак как падение или необходимо возводить святость брака до сравнительной степени идеала безбрачия, то есть то и другое в своей высоте могут ли быть сравнимы. Я понимаю так, что если идеал безбрачия становится в глазах людей как цель совершенства, то только при этом условии, если происходит нарушение этого стремления, — только при этом условии совершается законность и святость брака, т. е. разумное отношение к нему, потому что отступле-

ние произошло с высоты на сравнительную же высоту положения. Как Вы соединяете с тем, что мне говорили, следующие тексты: Матф. 10; 4—6 и 10—11 стихи и параллельные ей Марка 10 гл. с 6 по 12 ст. Марка 12 гл. 25 ст.

Не откажите мне в Вашем братском ответе на эти вопросы, которого я и буду ожидать, не обязывая Вас, впрочем, ответом, если бы Вы не хотели.

В заключение прошу передать мою искреннюю признательность и любовь Вашей супруге Софье Андреевне и дочерям Татьяне и Марье Львовнам, то же просила передать и моя жена.

Целую Вас крепко, братски
преданный и любящий Вас
Ф. Желтов.

1890 года
Марта 16 дня.

Адрес мой:
Село Богородское, Ниж. Губ.
Федору Алексею
Желтову

Р. S. Отдельной бандеролью посылаю Вам два номера по вопросу о пьянстве.

¹ 14 февраля 1890 г. Толстой записал в дневнике: «Были Желтов с женой, сестрою и зятем. Оригинальные люди. Очень умен и свободен. Он будет иметь большое влияние» (ПСС, Т. 51, С. 18). А спустя неделю, написал Д. А. Хилкову: «В числе многих людей, с которыми сходил, меня особенно порадовали молокане Нижегородского села Богородского. У них есть 30-летний человек, руководитель Желтов. Он на днях был у нас (хотя я его давно знаю). Это один из молокан, совершенно свободный от догматики и внешности и очень искренний и настоящий, умный и способный» (ПСС, Т. 65, С. 29).

² См. от Матф. 5:19: «...кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном».

20. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

8 апреля 1890 г. Ясная Поляна.

8 апреля 1890 г.

Хорошее письмо ваше получил, Ф[едор] А[лексеевич].

Помогай вам Бог искренно, не заботясь о людях, ни об опасности от них, ни, пуще всего, о похвале от них, идти дальше и дальше по избранному вами узкому пути.

Ваше понимание вопроса о браке согласно с моим. Я последнее время занят был изложением христианского (по моему разумению) отношения к браку и изложил, как умел, это в послесловии к «Крейцеровой сонате», которое постараюсь сообщить вам.

21. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

12 апреля 1890 г. Село Богородское.

Благодарю Вас, дорогой брат Лев Николаевич, за Ваше письмо, которое Вы мне прислали. Перед получением его я только что прочитал Вашу «Крейцерову сонату»¹ и она мне еще более уяснила то Христианское отношение к браку, о котором Вы говорили лично. Скажу Вам, что она на меня очень сильное впечатление произвела не по тому только художественному своему изложению, которое она имеет (об этом и говорить нечего), но по той разительной правде, которую она открывает. Кажется, что те слова Евангелия, которые определяют отношения мужчины к женщине, доселе бывшие при таком узком одностороннем приложении, сразу осветились тем широким светом, который они имеют. И откуда, подумаешь, явилось такое толкование 28 ст. 5 главы Еванг. Матф., которое непременно определяет, что смотреть на женщину только с плотским вожделем именно относится к чужой женщине, а и не своей жене? Как Вы думаете, если вина любодеяния именно и состоит в нехристианском отношении мужа к жене помимо другого его значения, то слово о разводе «кроме вины любодеяния» не имеет ли тогда тот смысл, что всякий развод запрещается, кроме только того, где муж и жена сознали свою вину любодеяния в приводимом выше смысле и захотели остаться так, если только они могли это вместить? (Матф. 5; 32 и 19; 9 и 11 ст.) Сказать короче: если им открылись глаза на свое исключительно животное, плотское друг к другу отношение и они, поняв эту ненормальность, могут по сознанию своему или совсем прекратить это отношение, или поставить выше всего ту духовную связь основой, которой должна быть истинная Христианская любовь, а не животная страсть, называемая любовью. Я знаю, как и Вы толкуете, что слово «кроме вины любодеяния», допускающее развод по этой вине, не может подходить под общий дух Евангельского учения точно также, как и гнев не понапрасну. Но если понимать вину любодеяния в более широком смысле, в том, который открывает «Крейцера соната», то, по моему разумению, этот текст может быть приложен к этому смыслу.

Неприменимость его можно только судить по тому ложному общественному мнению, которое устанавливает вину любодеяния в таком узком одностороннем смысле, который совершенно исключает эту вину с своей женой. Рад бы был, если бы Вы мне ответили и под-

твердили это суждение и еще более раскрыли мне глаза. Буду надеяться, что вы мне сообщите также и послесловие, написанное Вами, к «Крейцеровой сонате», о чем Вы упоминаете в своем письме, обещаясь мне его сообщить, что еще более необходимо потому, что здесь Вашей повестью заинтересовалось очень много людей, читающих ее не из одного внешнего интереса и потому много породивших различных оживленных рассуждений и толкований.

Хотел было писать Вам о своем теперешнем тяжелом душевном состоянии, тяжесть которого чувствую на себе от сознания того греха, который вследствие условий моей жизни стоит теперь предо мной и основой которого стоят *деньги* или лучше сказать: то, о чем они свидетельствуют². Оставляю это до другого раза, до той минуты, когда явится неотложная потребность писать, хотя потребность эта и сейчас чувствуется. Письмо Попову послал в тот же день, как получил Ваше, и написал Ему желаемое Вами; он, вероятно, будет писать Вам и еще. Если Вы найдете что-либо интересного в его письмах, не найдете ли возможным прислать мне их для ознакомления с его вопросами?

Жена моя, зять и сестра кланяются Вам и Вашему семейству и свидетельствуют любовь.

Братски целую Вас и благодарю
за письмо, любящий Вас искренно
Ф. Желтов

12 апр. 90 г.
Село Богородское
Нижег. Губ.

Адрес:
Село Богородское Нижегород. Губ.

---

¹Повесть не была еще напечатана; Желтов читал ее, по всей видимости, в рукописной копии.

²Желтовы владели в Богородском кожевенными предприятиями.

22. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

29 апреля 1890 г. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо, дорогой Ф[едор] А[лексеевич], и очень порадовался тому, как вы глубоко вникаете в нравственно-религиозные вопросы и верно понимаете их.

Да, я так думаю, что брак есть не христианское учреждение. Христос никогда не женился, не женились и его ученики, и он никогда не учреждал брака, а обращаясь к людям, из которых одни были женаты, а другие нет, говорил: женатым, чтобы они не переменили своих жен (разводясь), как это можно было по закону Моисея (Мф., V, 32), а не женатым, чтобы они, если могут, то лучше не женились бы (Мф., XIX, 10–12). И тем же и другим говорил, чтобы они понимали, что главный грех состоит в том, чтобы смотреть на женщину, как на предмет наслаждения (Мф., V, 28) (само собой разумеется, что то же надо понимать и со стороны женщины по отношению мужчин).

Из этих положений естественно вытекают следующие практические нравственные выводы:

1) Не смотреть, как теперь смотрят, что каждому молодому человеку, мужчине, девушке, нужно непременно вступить в брак, а, напротив, смотреть так, что каждому человеку, мужчине и женщине, лучше всего соблюсти свою чистоту для того, чтобы ничто не мешало отдать все свои силы на служение Богу.

2) Не смотреть, как теперь, на падение человека, мужчины или женщины, т. е. на вступление в половое общение, как на ошибку, которую можно исправить вступлением в половое общение (в виде брака) с другим лицом, или даже как на простительное удовлетворение потребности, или даже удовольствие; а смотреть на первое вступление в половое общение кого бы то ни было, с кем бы то ни было, как на вступление в неразрывный брак (Мф. XIX, 4–6), обязывающее брачующихся к определенной деятельности, служащей искуплением совершенного греха.

3) Не смотреть на брак, как теперь, как на разрешение удовлетворения плотской похоти, а как на грех, требующий своего искупления. Искупление же греха состоит, во-первых, — в освобождении себя, помогая в этом друг другу, обоим супругам от похоти и достижения насколько возможно установления между собой отношений не любовников, а брата и сестры; и, во-вторых, в воспитании тех детей, будущих слугителей Богу, которые возникнут от брака.

Разница такого взгляда на брак от того, который существует, очень большая: точно так же будут жениться и выходить замуж; точно так же родители будут заботиться о том, чтобы женить и выдавать замуж детей; но разница большая в том, когда удовлетворение похоти считается возвышенным, законным и самым большим счастьем на свете, или когда оно считается грехом; человек, следуя христианскому учению, женится только тогда, когда он будет чувствовать, что не может поступить иначе, и, женившись, будет не предаваться похоти, а стремиться к укрощению ее (мужчина так же, как и женщина); родители, заботясь о духовном благе своих детей, не будут считать необходимым женить каждого и выдавать замуж, а женят и выдадут замуж (т. е. посоветуют им, облегчат им падение) только тех, которые не в силах удержать чистоту, и тогда, когда будет ясно, что дети не могут жить иначе. Супруги не будут гордиться, как это бывает теперь, большим количеством детей, а напротив, стремясь к чистоте жизни, будут радоваться тому, что у них мало детей и они могут посвятить все свои силы на воспитание тех своих детей, которые уже есть, и тех чужих детей, которым они могут служить, если они хотят служить Богу воспитанием будущих служителей Ему. Разница будет та, которая есть между людьми, которые употребляют только пищу п[отому], ч[то] не могут обойтись без этого, и потому стараются как можно меньше тратить времени, сил и внимания на приготовление и потребление пищи, и теми, которые кладут в придумывание, приспособление, увеличение вкуса и в потребление пищи главный интерес жизни, как это до последней степени доводили римляне, которые принимали рвотное, чтобы быть в состоянии опять есть. Совершенно то же самое — средства, употребляемые для нерождения детей.

Я написал об этом предмете послесловие к «Крейцеровой сонате», которое, когда оно будет готово, сообщу вам. Очень, очень радуюсь тому единению духовному, которое чувствую с вами, и не удивляюсь ему, потому что мы черпали из одного источника. Целую вас и ваших семейных и друзей.

Ваше толкование слов: «кроме вины любодееания» я нахожу по духу верным, но слишком искусственным, каким я признаю некоторые толкования из «В чем моя вера?». Дух один: чем целомудреннее, тем ближе к учению Христа. И это всякий знает и чувствует всем существом.

23. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

21 мая 1890 г. Село Богородское.

Дорогой брат, Лев Николаевич!

Письмо Ваше получил. Благодарю Вас за то Ваше общение, которое Вы мне оказываете. Ваш взгляд на брак для меня стал больше и больше уясняться, особенно же после того, как я получил последнее Ваше письмо, раскрывшее еще шире тот вопрос, который Вы затронули в «Крейцеровой сонате». Все дело в том, чтобы переменить взгляд на брак, а перемена его в том смысле, как говорит о нем Христос, поставит людей совершенно в другое положение, чем при существующем на него взгляде. Общественное мнение, сложившееся под влиянием этого взгляда, разделяет плотскую связь на дозволенную, т. е. законную, освященную, признаваемую за таинство, и на связь незаконную, и людей, впадших в эту последнюю по своим слабостям, свойственным натуре человека, сразу же выделяет как людей падших, презираемых, на которых гнет презрения лежит клеймом позора и давит их, толкая иногда и на преступления. Я знаю факт, где девушка, под чувством тяжести общественного над ней суда, решается убить своего ребенка, чтобы только скрыть позор. Удивлялся, как это люди, условясь считать законным то, что считается противозаконным без соблюдения внешних формальностей, разделили один и тот же грех на дозволенный и недозволенный. На дозволенный потому, что при соблюдении условных обрядовых отправлений он делается таинством, а без соблюдения их — преступлением. И потому клеймо, налагаемое на других как позор, становится для самих тех, кто выделяет себя от признаваемых ими людей разврата, чем-то священным, дозволенным. Любовь, о которой много говорят и толкуют как о чем-то высшем, любовь к женщине в мирском смысле, на самом деле имеет самую грубую, животную подкладку, унижающую само это слово, и имеет тесную связь с мыслию о женщине как предмете наслаждения. Та высшая неземная Христианская любовь, которая покрывает собой множество грехов и которая вмещает в себя Бога, она не может быть таким жалким подобием проявления животной страсти как ее двигателя, та любовь есть жалкий обрывок того высшего, что воплощает в себя Бога.

Истинная любовь и в любви к женщине проявит всегда одинаковые свойства и тогда, когда человек, чувствуя свое бессилие удержаться на высоте стоящего у него перед глазами идеала безбрачия

как совершенства, исполнит потребность плоти, он и тогда будет удерживать эту любовь как связующую нить с Богом и с Его вечной жизнью. Исполнив потребность плоти как признак своего несовершенства, он чувствует на себе обязанность вместить ту истинную любовь в свои отношения с той, с которой он сошелся, и с тем своим потомством, которое от него произойдет. Не исполнивши в самом себе полноты движения к совершенству, он должен передать свой духовный рост тем, кто произошел от его брака, и передача этого совершает свое движение вперед по тому же направлению и, подвигаясь вперед, упрочищает в жизни людей те ступеньки, по которым человек поднимается от животной жизни к Богу и переходит в Его вечную жизнь, становясь с Ним одно, то, что Он дал ему и чем Он только и жил.

Весьма бы был рад, если бы Вы написали мне на это письмо. Дух мой радуется тому единению, которое я чувствую с Вами.

Рукопись Балю меня очень заинтересовала¹, но по ходу изложения я замечаю, что должно быть еще продолжение ее. Вся ли она переведена? Если нет, не пришлете ли мне остальную ее часть. Напишите, не долго ли я ее у себя задерживаю. Буду ждать Вашего ответа. Целую Вас крепко и все Ваше семейство.

Братски любящий Вас
Ф. Желтов

21 мая 1890 г.
С. Богородское.

Адрес мой:
Федору Алексеевичу
Желтову
Село Богородское
Нижегор. Губ.

---

¹Летом 1889 г. единомышленник американского пастора Адина Баллу (Adin Ballou) Л. Вильсон прислал Толстому книгу «Christian non-resistance». Толстой намеревался издать перевод книги Баллу в «Посреднике» и поручил перевод А. П. Барыковой. Сам стал писать предисловие, разросшееся в трактат «Царство Божие внутри вас» (1890–1893).

Искреннее посвящение Л. Н. Толстому*

Не в ложном учении мира
Душа твоя ищет улады,
Не ждет от златого кумира
Презренной и ложной награды, —

Порывы ее возвышенны
И помыслы чужды порока
И чувства ее освященны
Величием славы Пророка,

Той славы, что жизнь озарила
Законом любви и свободы,
Той славы, что дух воскресила
Из смертного праха природы!...

Ф. Желтов

---

*См. рукопись на стр. 25.

24. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

30 ноября 1891 г. Село Богородское.

Милый Лев Николаевич!

Я Вам давно не писал, и то, что я хотел бы после такого долгого периода высказать, оставляю до другого раза, так как мысли и сам я заняты теперь другим. Сегодня мы проводили отсюда Владимира Васильевича Рахманова¹ в Лукояновский уезд, как он Вам и писал. Письмо Ваше, с некоторыми практическими указаниями относительно устройства столовых среди голодающих, он получил. По приезде на место он будет мне подробно писать о положении уезда относительно продовольствия и тогда, может быть, я или он об этом Вам сообщим. Тяжелое бедствие, которое теперь застигло некоторые части России, заставляет серьезно подумать об этом и оглянуться кругом себя. Что нужно? Какие надо скорее предпринимать меры, чтобы облегчить бедствие? И в обществе вопрос поднимается за вопросом, обсуждение следует за обсуждением, и одно предложение идет за другим и все это толпится, вытесняет друг друга и в результате получается новый ряд празднословия. А время не ждет, оно бесшумно надвигается, неся с собой страдания для тех, кто сидит без хлеба и не может его добыть. Но страданий этих не всем видно. Многие сидят кругом в хлебе и на все разговоры о голодающих отвечают только, что голода нет и что это пустяки, и они правы: для них голода нет и не может быть даже и представления о том, что нет у других хлеба — они видят этот хлеб кругом себя, его много и не хотят заглянуть туда, что этим многим загораживается и может ли это на самом деле быть и для других. Они привыкли к этому и при первом долетающем до них вопле несчастных прячут голову, пригибаются, стараются это забыть. Если бы страдания людей были пред глазами их, если бы они непосредственно будили душу людей, то тогда, может быть, искорки любви вспыхнули, затеплились и, зажигаясь одна от другой и сливаясь вместе, образовали бы целое пламя. И это делается и будет делаться, как бы оно слабо не отмечалось. Но в теперешнем положении, когда целые массы людей, может быть миллионы, мучаются, болеют, страдают без хлеба, сидят голодными и старики и молодые, и мужчины и женщины, и взрослые и дети, — оставлять это так нельзя, надо шире раздвинуть огонь, усилить его, надо осветить им это положение и для тех, которые не видят, не слышат, или не хотят видеть и слышать. Поло-

жение России тяжело теперь не только потому, что в ней недостает хлеба, и важно не то, чтобы определить, станет нам или не станет хлеба до нового урожая. Это вопрос неважный даже и в том случае, если хлеба действительно не станет. Его может хватить и тогда, когда мы определим, что его не станет и не хватит, тогда, когда будет определено, что его много и что его излишек. Заботиться об этом следовательно не важно. Весь же важный вопрос в данную минуту и весь напор мысли, слова и дела должен быть сосредоточен и направлен на то, чтобы как можно скорее и как можно неотложнее распределить весь имеющийся хлеб, много ли его, мало ли, — по всей России и чтобы не было, как теперь, местами скопа, а местами пустоты. Пустых мест много, и это оттого, что там, где хлеб лежит — не ощутителен голод и нет прямого желания им делиться. А надо поделиться и частицей голода и частицей запаса, обменяться ими, и тогда не будет ни голода ни излишка.

С Россией теперь делается то же, что делалось с народом, вышедшим в пустыню за Христом послушать его проповедь². Вышел кто как: кто запасася хлебом, кто нет. Пришло время, что захотели есть, те, что не захватили, стали говорить, дошло до учеников, те сказали Христу. И он сделал чудо. Велел всем сесть рядами и смотреть на Него, что Он будет делать, и что Он будет делать, то чтобы делали и все, и как сделают все то же, что и Он, и тогда увидят, что из этого выйдет. И все ждали чуда. И оно вышло. Он взял пять хлебов, разломил и дал другим, у кого не было, оставив себе только то, что надо было съесть. То же сделали и все, у кого был хлеб, то же сделали и те, у кого его не было, но кому дали много. И вышло то, что все наелись и осталось еще кусков в остатке 12 коробов. И вышло чудо в том, что любовно поделились запасами хлеба с неимевшими его, все наелись и остались довольны и хлеба всем хватило да еще и осталось. А могло случиться, что этого же хлеба и не хватило бы, могло случиться, что ученики, сосчитав запасы и раскинув их по числу сколько было народа, успокоили бы учителя, сказав, что хлеба хватит, что его много и что беспокоиться нечего, и все-таки бы хотя то, что хлеба достало бы — правда, все-таки было бы много голодных и много осталось бы неевшими. Но сделалось «*чудо*», и этого не вышло, и вот это-то «*чудо*» нужно и теперь. Отопри богачи амбары, в которых хранятся миллионные запасы хлеба, пусти этот хлеб по местам, где его нет, и все наедятся и будут сыты до нового хлеба и будут еще остатки. Теперь же делается то, что в местах сравнительно урожайных, там, где и при хорошем урожае не хватало своего хлеба, — мужичок под влиянием и нужды и соблазна на дорогую цену хлеба везет остатки хлеба на базар, выручает деньги, проживает их и через месяц-два является уже на базар не продавцом хлеба, а *покупателем* его, и гангрена голода раздвигается по России шире и шире, с одной сто-

роны питаюсь соками урожайных мест России, с другой — обессиливая эти места и заражая той же нуждой, постепенно охватывающей население. А между тем среди всего этого безучастно стоят хлебные запасы в руках богатых, припертые замками, стоят точно немые скалы среди бушующего моря, среди горя, отчаяния, слез и всевозможных невыносимых человеческих страданий. И рядом со всем этим как будто бы совершается что-то такое, что может отодвинуть грозу общего бедствия, учреждаются «советы», «комиссии», «сборы пожертвований», «комитеты», и земство, и статистики завалены делом, масса спешной работы, вычислений, исследований, переписки, отношений, удостоверений и в результате... много формализма и бумаг. Так и веет тут чем-то холодным, внешним, так и отдает чем-то расчетливым, не живым, и того, что нужно, нет. Нет духа самого дела, нет любви, нет именно *жизни*. Чем люди больше бы проявляли непосредственного отношения к делу, чем сильнее бы горели духом любви и крепче бы и дружнее брались за подмогу и общими силами приналегли бы на нее, тем скорее и легче совершили бы они то, что сейчас ни так ни сяк не двигается с места, и тем скорее могло бы это совершиться.

Дело теперь в том, чтобы вопрос этот возбудить как можно сильнее и ярче, и чтобы открыть людям все, что скрывается от них и что тушится в их совести; дело в том, чтобы пробудить уснувшее сознание жизни: пусть мертвые услышат глас сына Божия, и услышав, оживут³.

Нужно слово, сильное слово. Время теперь такое, что это слово непременно должно быть сказано — *его требует Бог*. Нужно ударить в скалу, чтобы потекла вода⁴.

И слово это должны сказать Вы.

После того, как Вы написали горячую отповедь празднику просвещения⁵, после того, как Вы высказали слово о труде и мысли, о значении целомудрия, после того, как вы написали недавно напечатанную статью: «Страшный вопрос»⁶, — Вы непременно должны сказать это *слово*, и я думаю, что Вы уже чувствуете это, и оно *нужно, необходимо*. Задаваться мыслями заранее о том, что из этого выйдет — не нужно; это никак нельзя определить, да и грешно. Надо сделать, сказать, вот и все. То же, что может пробудиться, совершит свое дело и если не сейчас, то все-таки совершит. То, что Вы высказали в статье «Страшный вопрос», мало, неполно, неточно. И это уже само по себе *обязывает* Вас сказать о силе и значении любви, о том центре, около которого прикладывается, как надо быть, и все остальное⁷.

Не буду развивать далее этого вопроса — можно бы сказать, что люди раз навсегда должны бы отказаться от такой системы продовольствия, которая разделяет кусок хлеба на «мой» и «не мой», и что продовольствие всех должно бы быть общественной повинностью и

что при этом не могло бы быть ни голодных, ни объедающихся, что это даже было бы выгоднее и с материальной стороны (хоть, например, вместо сотни печей и кухонь была бы одна) и что такие предметы, как предметы продовольствия, никогда и никак не могут быть предметами купли-продажи, т. е. предметами спекуляции, но понимая, что все это внешнее не может быть воспринято внешним способом и уделано внешними силами, что без восприятия внутреннего основания оно никогда не может укрепиться, а потому и не может быть предметом первой важности и таковым же вопросом — «ищите прежде царствия Божия и правды Его, остальное все приложится вам»⁸.

Таких причин, от которых нынешний год одни голодны, а другие сыты, всегда было и будет, и то, что нынешний год не родилось хлеба, не может еще быть единственной причиной того, что люди голодают. Нынешний год только особенный тем, что он сплотил те промежутки, которыми при хороших годах разделялись голодные друг от друга и оттого затеривались, теперь же они выступили так ярко, так полно со всеми своими страданиями на фоне ложной человеческой жизни, освещая эту ложь, опутавшую человеческую жизнь, что об этом стало нельзя, невозможно, чтобы не говорить.

Нельзя же в такой момент молчать, нельзя не возвысить голоса и не сказать слова! Оно необходимо, нужно, его ждут. «Страшный вопрос» будет всегда стоять перед людьми, если люди будут далеки от Христа. И ни Америка, ни земство, ни статистика, ни запасы хлеба от него людей не спасут.

Надо прямо показать этот вопрос с его настоящей стороны и что в нем виноваты все: и капиталисты, и скупщики, и те, что любят роскошно пожить, и те, что сладко едят, и те, что живут на большие оклады, и те, что учатся для сладкого пирога, и благотворители даже. И уж если говорить, так говорить прямо, не говорить, что сладко есть, объедаться — грех, что надо есть умеренно, изменять пищу, а говорить прямо, что и *есть* — *грех*. Один только и есть якорь по всем вопросам о заботе плотской жизни, к которому можно привязать веревку и держаться и подтягивать себя к Христу, это — *совершенство Отца*. В Нем все и от Него все. В Нем жизнь настоящего, без завтрашнего дня, и эта жизнь настоящего потому и вечна, что она вне времени.

Простите, милый мой брат, за это письмо. Вы поймете, почему я его написал. Прислушайтесь к своему внутреннему голосу Вашей души, и если в ней будут те же отголоски, то сделайте, что прошу. Покройте своей любовью те недостатки и неясности мысли, которые здесь изложены, и не откажите мне написать. Буду непременно ждать ответа, а иначе буду думать, что это письмо Вас или огорчило, или Вы с ним несогласны.

Целую Вас братски, крепко и прошу передать мой привет Вашим дочерям, если они с Вами, и Вашим сотрудникам.

Искренно любящий Вас
Ф. Желтов

30 Ноября 1891 г.

адрес: Село Богородское
Нижег. Губ.
Ф. А. Желтову

---

¹В. В. Рахманов (1865–1918) — врач, участник земледельческих общин, автор статей по вопросам воспитания и популярной медицине, а также воспоминаний «Л. Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов» («Минувшие годы», 1908, № 9, С. 3–32). Знакомый Толстого и его корреспондент. В 1891 г. Рахманов отправился в Лукояновский уезд Нижегородской губернии для организации столовых среди голодающих крестьян.

²См. Матф. 14:13–21.

³См. Иоан. 5:25.

⁴См. Числа 20:11; Пс. 77:20.

⁵См. письмо 11.

⁶Статья о голоде «Страшный вопрос» появилась в газете «Русские ведомости» 6 ноября 1891 г.

⁷Когда Желтов писал это, у Толстого была уже создана большая статья «О голоде» (запрещенная в России) и шла работа над рассказом на ту же тему «Кто прав?».

⁸См. Матф. 6:33.

25. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

23 июля 1892 г. Село Богородское.

Дорогой Лев Николаевич!

Не писал Вам долго, потому что нынешний год своими прямыми требованиями дела заставлял более вникать в свою собственную сущность, сила которой не настолько еще была велика, чтобы находить возможность всегда и практически отвечать на те вопросы, какие ставились совестью, а тем более, при этом сознании собственной слабости, заниматься еще и отвлеченными вопросами и рассуждениями. Когда я был у Вас, мне нельзя было высказать Вам то, что было на душе, нельзя не потому, чтобы я не хотел, а нельзя потому, что не мог. С этой же почтой я послал Вам свою рукопись¹, которую хотел было прямо послать или Черткову, или в какую-нибудь редакцию для печати, но для пользы дела не сделал этого, прежде чем не ознакомлю с содержанием рукописи Вас. Если Вы уделите на просмотр ее несколько время и напишете мне, как Вы ее находите, то это все, что бы просил я Вас, хотя и не настаиваю на этом непременно, если это Вам почему-либо сделать будет нельзя. Из рукописи Вы увидите, что я коснулся в ней главным образом вопроса о деле и значении литературы и ставлю ее не как само по себе самостоятельное дело, а как *следствие истинной и доброй жизни* и разумного стремления на пути к вечным жизненным идеалам. Главное же зло, которое сшибло людей с этого прямого пути, состоит в том, что люди потеряли эту основную цель и с делом литературы как и искусства (ложно понимаемых) смешали свою личность, ее интересы, приманки и обманы жизни и служат, вместо добра, обману и лжи. Такое отношение заставило людей положить какое-то право на слово, оплачиваемое деньгами, и вместо того, чтобы оно было общением в любви, оно стало угождением похоти и разбожеством в делах. По всему этому то, что говорят люди о доступной народной литературе, я ставлю не как только необходимую исключительность по отношению к народному невежеству, как это думают в большинстве, а как безотчетное сознание несовершенства той «изящной», «художественной» литературы, которую зачитывается образованное общество, причем разговора о необходимости исключительно народной литературы быть не может, а может быть только вопрос о литературе *негодной* и литературе *хорошей*; то и другое имеет свои при-

знаки и вот эти-то признаки, имеющие несомненно свою основу в правильном отношении людей к истинному смыслу человеческой жизни, мне и хотелось бы выяснить в посылаемой статье. Не могу думать, чтобы это вышло у меня хорошо, так как я говорил только так, как мне по силам, и если то, что я сказал, и есть только капля усилий, то думаю, что и капле есть в общем деле место, как капле против камня, водопаду против гранитных порогов. Потому-то я и решился спросить Вашего совета: следует ли эту статью напечатать в каком-либо журнале («Неделе», например, или других) и издать отдельно в брошюрах для интеллигентных читателей в «Посреднике». Если Вы скажете это в утвердительном смысле, то распорядитесь рукописью для этой цели или послав прямо в редакцию или через Черткова. Если же не одобрите желания моего сделать так, то пошлите мне рукопись или обратно или прежде Влад. Григ-чу. В том случае, если Вы пошлете ее печатать, не найдете ли Вы охоты написать к ней несколько слов в виде краткого предисловия, формулирующего, так сказать, всю сущность ее содержания. Последнее, конечно, и в полной Вашей воле и если нужно, то единственно только для пользы самого дела и для цели расширения круга общения этой статьи с читателями.

Надеюсь, что Вы напишете мне, как Вы решите поступить с статьей и как Вы ее находите. Буду ждать ответа.

Целую Вас братски.
Любящий Вас
Федор Желтов

23 Июля 1892

Адрес мой:
Село Богородское,
Ниж. Губ.
Федору Алексеевичу
Желтову

---

¹Статья Желтова «Путь литературы — путь жизни». Толстой отправил ее в «Русское богатство» Л. Е. Оболенскому. Редактор вернул автору для доработки. Напечатана не была. (В ПСС, Т. 50, С. 272 ошибочно сказано, что эту статью Желтов прислал в феврале 1889 г.).

26. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

4 марта 1893 г. Село Богородское*.

Милый Лев Николаевич!

Я только что приехал домой и с великой радостью прочитал Ваше письмо¹. Посещение «керженцев» оставило на мне очень сильное впечатление, и я был несказанно рад духовному общению с ними. Их прямой взгляд на Христианское исповедание и, главное, понимание практического значения этого исповедания достигнуты были ими путем продолжительной внутренней работы и удивляешься только тому, как пришлось им сбросить ряд наслоений, заваливших их сознание и жизнь. Слушая их рассказ об этом, невольно вспомнилась истина, выраженная Христом: «Никто не придет к Отцу, как только *через Меня*»² и: «никто не придет ко Мне, как если не привлечет его Отец небесный»³. Убеждаешься еще раз, что познание истинной жизни есть всегда неизбежное следствие той духовной свободы, при которой личность человека втягивается в это особое состояние человеческого духа, который и властвует над ней, как единый истинный закон, всегда чуждый обмана и лжеумудрствования и как единый и верный указатель ее пути. Достижение такого состояния равно достижению центра, с которого бы могли быть видны горизонты жизни и пути к стране света. Чем дальше вдумываешься в это и проверяешь жизнь и себя, тем больше убеждаешься еще в том, что человеческий путь к царству Божию неизбежно идет чрез три стадии духовного развития человека, сходные с теми, которые переживал и Христос (1. Его жизнь до сознательного отношения своей сыновности к Отцу, 2. Его удаление в пустыню, в уединение, для размышления и 3. Его служение своему Отцу) и подобие которых Он выразил в притче о Господине и рабах, стерегущих приход Господина все три стражи ночи (Луки 12; 35–40. Матф. 24; 42–51). На этих трех подъемах человеческого духа как возможны и перемены человеческой жизни, так возможны и величайшие соблазны и потому в этом случае всегда нужно хранить бодрую готовность встретить приход своего Господина и чутко прислушиваться к Его возвращению (Луки 12; 36, 37). И вот эти-то три стражи у человека движущегося, живущего есть три главных момента, которыми завершается его пройденный путь и открывается новый. Вступление человека в первую стражу есть его вступление в плотскую жизнь при бессознательном соеди-

нении этой плоти с сыном Отца, которого Отец послал в мир не для того, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него (Иоан. 3; 17). Этот период жизни человека совершается под внутренним влиянием требования познать свою истинную сущность и, если человек не затемнил это требование похотью своего тела, живущего на счет Сына, он приходит к этому познанию, хотя путь к нему и шел чрез ряд сомнений, страданий и труда отсеивания мусора от скрытого в нем зерна. И вот наконец человеку, не оставляющему своего дела, слышится приход своего Господина, которого он должен принять как свое истинное сознание, созревшее в нем. Человек радуется; и если он не забудет, что бодрствованию не конец, то он вступит и во второй период; но тут является и соблазн: «да, рассуждать о Боге — дело хорошее», «говорить об этом — есть обязанность человека», «надо жить для того, чтобы делать это дело». Дьяволу никак нельзя иначе сделать, как не пропустить свой волосок соблазна, пристроившись к внутренней работе человека. И вот он проskalъзывает там едва заметной тенью и внутренний мир постепенно начинает менять свою окраску. Человек начинает носиться с тем, что он добыл, не заботясь о дальнейшем увеличении добытого (Матф. 25; 24–30), начинает учительствовать, убеждать, менять формы: порицать одни, восстанавливать другие и окончательно теряет главную цель, теряет чуткость, не слышит стука Господина. А Дьяволу это и нужно, ему нужна остановка, она совершилась, и человек его. Если же человек пройдет и эти соблазны, тогда неизбежно совершится с ним и вторая перемена. Человек смотрит на очистившееся зерно, за которое он отдал все, чтобы получить его (Матф. 13; 45, 46). Он углубляется в созерцание и познание и в этот момент, чтобы решить вопрос, как поступить дальше, что сделать с этим зерном, ему необходимо уединение, удаление от всего, что могло бы развлекать его, он забывает себя, забывает свою плоть (пример: Христос в пустыне. Заповедь: возлюби Бога всем сердцем своим, всею душою своею и всем *разумением* своим)⁴. Совершаться этот период может или в короткое, как у Христа, время или в долгое. Важно то, чтобы он шел. Тут неизбежны уединение, молитва, созерцание Бога. Приближается пришествие Господина, самое важное, которое вводит человека в славу Отца (Иоан. 4; 21. Иоан. 15; 4, 8; Иоан. 16; 7–14). Но Дьявол, как тать, сторожит время, как бы подкопать дом (Матф. 24; 43) и опять он тончайшей нитью скользит во внутренней сущности человеческого духа и точно вор крадется, чтобы похитить посеянное (Луки 4; 2–12 и Матф. 13; 19). И опять по сознанию пробегает дьявольская тонкая тень, застилая ясность. И она бежит, бежит, вливается, бродит и тушит маленькие зародыши света, смешиваясь с сознанием и проявляясь в нем в однообразном с ним по внешности виде: «да, да, ты теперь достиг чего желал, храни же теперь это золото» (Матф. 25; 18, 25, 28), не теряй и не трать

его. Ты теперь видишь Бога; прославляй Его, созерцай Его, не упускай из глаз (Матф. 7; 21. Луки 6; 46). Стой на этом пути, созерцай, созерцай!.. (Марка 13; 5, 6, 21. Иоан. 2; 19). И в человеке, поддавшемся этим соблазнам, делается дальнейшее дело отклонения: «чего же еще больше нужно, я познал Бога, достиг высшего предела, я уже «не как сей», мне видна истина: вот она, вот!.. в мире грех, надо уйти от него, надо бичевать плоть, надо созерцать добытое», и изгнанный бес возвращается на незанятое место под другим видом со многими злейшими духами (Матф. 12; 43–45) и последний соблазн бывает хуже первого: человек славит Бога и поклоняется Дьяволу. Те же испытания выдержал Христос в пустыне (Луки 4; 3–13). Человеку, знающему голос Господина своего и прислушивающемуся к нему, чтобы отворить ему, возможно пройти и чрез эти искушения второй стражи (Иоан. 10; 1–5 и 3; 8). Но искушениям не конец, они только изменяют свой вид, подделываясь под внутреннее состояние человеческого сознания, и ждут его и в третьей перемене, которая совершится неизбежно как следствие двух первых. Третья перемена жизни совокупляет в себе все, что добыто человеком, и открывает ему все величие истинного пути.

Забота человека тут должна быть только одна, чтобы ничем не задерживалось и не заслонялось требование разума; в деле же исполнения этого требования всегда послужит сам Господин (Иоан. 8; 27. Луки 12; 37. Иоанн. 14; 21). Личность же человека, теряя свойство жить прихотями на счет жизни Господина, давшего жизнь личности только тем, что Он присутствует в ней (Иоан. 8; 35 и 14; 10 и 15; 27 и 17; 1, 2, 21), будет как орудие способствовать только увеличению любви, потому что созерцание и познание Бога открыли ей, что увеличение это может совершиться только чрез общение этим светом с другими личностями, едиными по сущности, хотя и раздельными по поступкам (1-е Иоанн. 4; 12), и еще потому, что соблюдение первой заповеди о любви к Богу должно выражаться подобием отношения Бога к личности (ибо не мы возлюбили Бога, а Он нас, 1-е Иоан. 4; 10, и не послал Бог Сына Своего⁵ в личность, для того чтобы судить ее, но чтобы спасти ее чрез Себя), познавшей себя и потому подчиненной творить волю своего Отца жизни. С этого момента жизнь человека всецело в воле Бога и личность как самостоятельное и по себе живущее существо пропадает: говорит не она, творит не она, все делает «я» — сын Бога, истинная человеческая сущность, сын человеческий. Из глаз пропадает забота о плоти и самая смерть (Иоан. 5; 24). Ни пределов, ни правил, ни предписаний здесь нет; есть только единая сущность с Отцом, есть только царство Бога; есть только шествие Его в своем свете. Но бодрствование, и тут есть первое условие спасения: враг не спит и ищет пути соблазнам (Матф. 13; 25) и они явятся; соблазны меняются в формах и в тысячах разветвлений проникают в сознание. Тут и ду-

ховная гордость, и сомнение, и надежда на совершаемые дела, и отличие правой руки от левой, и искание смысла, где поклониться Богу, и приступы страха и т. п., и тут важно только одно: усиление света и материала горения (Матф. 25; 1-12), чтобы при свете отличать помехи движения, — необходимо хранение своей внутренней чистоты (Матф. 5; 8), потому что только при ней совершается жизнь и усиливается движение, а для этого *полное отречение от всякого блага личности* есть главная основа освобождения от обманов и привязок, замедляющих подъем. Увеличение же любви есть увеличение движения и по мере этого движения свет вечности неизбежно должен расти и расти, потому что приближение к предмету света увеличивает его полноту, и Он, как источник мировой жизни, этот вечный дух, вечная любовь, поглощает слившуюся с ним личность и, спасая ее, вводит в вечное царство Бога, в то, которое вечно, незыблемо и непоколебимо, будет бессмертно жить и оживлять...

Какие же тут нужны правила и заботы о силе внешнего благоустройства? Какие же еще нужны силы для этой вечной единой силы, как будто бы могущие подсилить еще ее? И где нет этой силы: живет она и с слабым духом и с сильным им; живет она и с совершенствующимся и с человеком павшим и погрязшим в грехах, живет и делает свое дело: сила Божия и в немощи совершается (2 Коринф. 12; 9), тогда, когда нет даже и внешних признаков этого совершенства, тогда, когда она открывается только в неуловимых изменениях сознания. Как же осторожно надо относиться к людям, чтобы не употребить для этого отношения ничего иного, кроме Божественной силы, чтобы не примешать к ней что-либо неумелого *своего* (Матф. 13; 28-30). Невольно вспоминаются прекрасные слова Исаии: «Вот отрок Мой, избранный Мой, к Которому благоволит душа Моя... *не воспрекословит, не возопит и не возвысит голоса Своего. Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит* доколе не даст познать истину» (Матф. 12; 18-20). Вот оно состояние Христианского духа!... И путь к этому неизбежно идет чрез те три ступени, о которых говорено выше: 1-е. Познание своей сущности, 2-е. Определение отношения этой сущности к миру и 3-е. Подчинение самого себя этой сущности при полном повиновении ее воле. У человека всегда должна быть только эта положительная сторона в глазах как идеал; заботы же о внешнем благоустройстве разбивают единство направления и не создают цельности с духом Отца; они приходят сами собою, как следствия главного движения, и поэтому для Христианина внешней жизни нет, она есть только след внутренней.

И если это состояние устраивает жизнь человека и во внешних формах по-Божьему, то это же самое, открытое людям без всяких голых отрицаний и порицаний их лжи, обмана и соблазнов, а открытое только в высоте своей внутренней сущности, неизбежно само

по себе сильнее откроет ложь, чем голое и хотя бы справедливое порицание ее без света истинной жизни. Ничто не может сильнее действовать на человека, как выяснение словом и делом единой сущности Христианского учения. Поверток в жизни много, обманов и соблазнов еще больше, и останавливаться пред ними и метать в них стрелы бесполезно, когда есть такое средство, которое сразу же убивает их все и выдергивает из-под них почву. Вот, дорогой Лев Николаевич, сколько пришлось написать мне Вам; не посетуйте, что так утомил Вас письмом. Пишу, что чувствую в душе, и написал бы еще больше, что меня интересует, но боюсь отнять у Вас время. Напишите мне что найдете нужным на это письмо, Ваши письма мне приносят много. Иногда чувствуешь одиночество и жаждешь побеседовать хотя бы письменно. Я буду непременно ждать от Вас ответа. Кстати, сообщите, как бы Вы думали устроить среди молокан школу, я об этом давно думаю, думаю, как бы ее учредить на Христианских началах. Не знаю, сделаю ли что, но не оставляю этой мысли. Примите мою искреннюю любовь, равно и любовь всех наших домашних и знакомых.

Искренно Вас любящий
Ф. Желтов

Р. S. Вчера с почты получил список исповедания духоборо-молокан. Спасибо Вам за него. Радуюсь, что наконец восстанавливается общение между людьми, жаждущими света. Ответы духоборо-молокан мне очень понравились. Не сообщите ли Вы мне адрес того общества, где они записаны.

4 Мар. 1893 г.

Село Богородское
Нижег. Губ.

---

*См.. репродукцию конверта, стр. 103.

¹Письмо от 5 февраля 1893 г. неизвестно. Отмечено М. Л. Толстой в списке отправленных писем.

²Иоан. 14:6.

³Ср. Иоан. 6:44: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...».

⁴Матф. 22:37.

⁵Не пишу «однородного» и «единородного», потому что это, по-моему, одинаково: если Сын, то значит и однороден с Отцом, и если нет новых рождений, то и единороден — *прим. Ф. А. Желтова.*

27. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
25 февраля 1894 г. Село Богородское.

Дорогой Лев Николаевич!

Податель сего мой знакомый Александр Александрович Марков, он желает повидаться с Вами и потому просил меня написать это письмо. Примите, пожалуйста, его.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам свою любовь.

Ваш Ф. Желтов

25 Февр. 94
С. Богородское.

28. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
21 апреля 1894 г. Село Богородское.

21 Апр. 1894 г.

Милый Лев Николаевич!

Недавно я прочитал Ваше письмо, писанное Вами по поводу вопроса о воспитании детей¹.

Вопрос этот интересует и меня, и я решаюсь написать Вам что думаю по поводу изложенных Вами в письме мыслей. Вы пишете, что воспитание как воздействие на сердце детей должно быть сведено только к *гипнозу*, к примеру, при совершенствовании своей жизни и к заразительности этим примером детей. С тем, что добрый, хороший пример может воздействовать на сердце детей, нельзя не согласиться: совершенствование личности неизбежно разливает на окружающих лучи света, но что воспитание *всецело* только зависит от гипноза, мне кажется, согласиться с этим нельзя. Пример человека, его добрый поступок есть ведь только следствие его наиболее высшего внутреннего стремления, и не будь перед ним этого идеала, не могло бы быть и этого поступка, оживление в человеке его стремления к идеалу почерпнуто им не из внешних примеров, а из его внутренней жизни, из его сознания и разума, может быть, тогда, когда человек не думал вовсе о тех или иных поступках, а думал только о том, что он есть как истинная сущность. Как же может быть, что то полное, внутреннее представление о Боге, как о высшем идеале жизни, то истинное понятие о сущности жизни, которое получилось во внутренней жизни человека, — могло бы передаваться детям и окружающим жизнь личности людям путем только одних поступков? Совершенство вечности не исчерпать поступками и как бы ни было много хороших поступков, как бы ни были они хороши каждый по себе, все они или каждый в отдельности не могут все-таки стать идеалом жизни человека², нельзя их дать вместо компаса отправляющемуся в путь, компасом его может быть только Бог, а полюсами его личность и вечность. Бога никто никогда не видел, о нем свидетельствует только Сын³ и потому Бога человек может только *разуметь*, но не может Его исчерпать. Почему же нельзя соединить оба отношения к воспитанию детей? Почему нельзя надеяться, что внутреннее высшее разумение, переданное словами, не может иметь известной доли воздействия на души и сердца детей?

Я думаю, что рядом с движением личности будет рождаться и *чистое слово*, а оно, как слово Бога, переданное чрез Сына, «не преиграет»⁴ и совершит все-таки свое дело и в деле воспитания. «От избытка сердца глаголят уста»⁵ и остановить или игнорировать это орудие в деле воспитания тоже нельзя. Надеяться на один «гипноз» это то же, что надеяться на одну вспашку поля. Если гипноз и имеет свою силу, то имеет именно только как *вспашка*, но не *посев*, а посев добрых зерен необходим ради противовеса окружающей внешней жизни, у которой существует не менее сильный *свой* гипноз, который притупляет сознание людей и держит их в состоянии сна.

Гипноз имел бы действительно сильнейшее значение в деле воспитания при одном условии, при условии его *непрерывности*, но этого-то и не может быть, потому что мы все падаем и грешим; но если даже и могла бы существовать его непрерывность, то и тогда едва ли бы желательно с истинной Христианской точки зрения подобное воздействие на людей — это будет подобно внешнему держанию на вожжах, но Богу нужны не рабы, а Сыны, не бессознательные делатели, а *свободные* и сознательные служители духа правды. То, что я слышу и чувствую в своей душе, гораздо важнее того, чему я подражаю, заботясь о внешней своей чистоте — примеры: Никодим, Петр, богатый юноша — всех их Христос старался пробудить из-под гипноза. Основа чистоты дела не лежит в самой чистоте дела, а в *чистоте сознания*, да и дел личности человека нет — во всю жизнь дело личности только одно: это *подчинение своей воли — воле Бога*. От зла мира спасает не поступок, а *Сын*, которого чувствуешь в себе, и Богу нужны не люди с теми или иными поступками, не количество этих поступков, а люди, знающие волю Отца, и то, что станет сознанием, станет и жизнью. Все же это передается не только гипнозом, а и *живым словом*, возбуждением духа, концентрированием сознания и переживаемого, что зажигает сердца не меньше внешнего гипноза: нельзя этот глас Сына Бога заглушать в себе, не пользуясь им и в деле воспитания — одно только нужно, это строгое внутреннее отношение к себе. Обнажение и снятие покровов суеверия и лжи только и совершается чрез слово, которое, проникая в понятия и разум людей, освещает их внутреннюю тьму. Человек же, обозревший горизонт при мгновенном блеске молнии (Матф. 24; 27), не нуждается в ограниченном свете фонаря идущего перед ним человека и старающегося вместе с ним обозреть горизонт.

В этом-то внутреннем освещении, я думаю, не менее нуждаются дети, чем в наших, согласных с духом истины поступках. Надеюсь, что Вы ответите, мой дорогой Лев Николаевич, на это письмо, ибо имею для того внутреннюю потребность, потому что дело отношения к детям становится для меня делом души и практическим требованием жизни.

Братски целую Вас
Ф. Желтов

Село Богородское
Нижегор. Губ.
Федору Алексееву Желтову

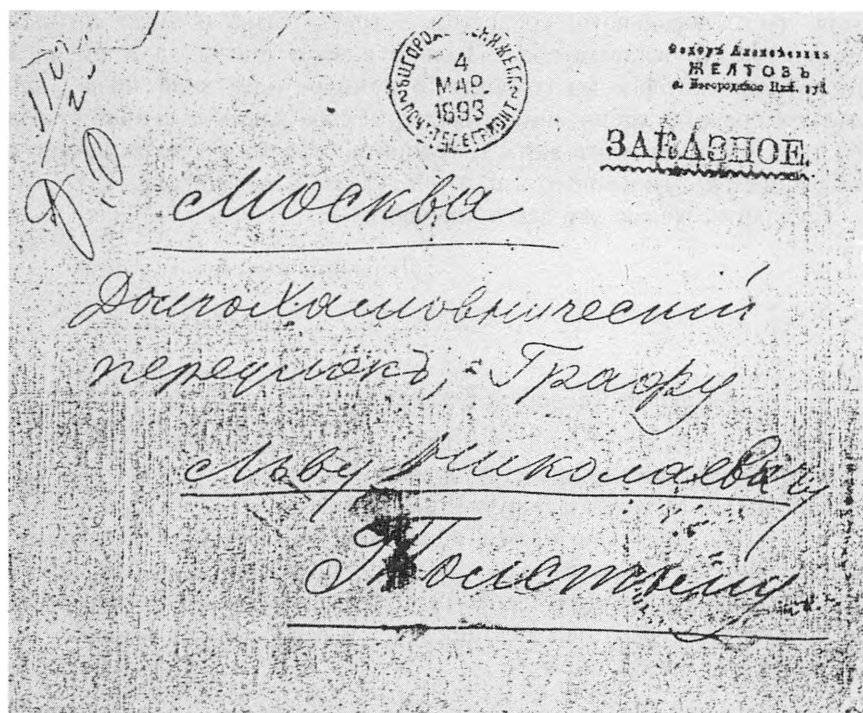
¹Письмо 6.

²Поступки — это повороты на Божьем пути — *прим. Ф. А. Желтова.*

³См. 1 Иоан. 4:12; Иоан. 1:18.

⁴См. Матф. 24:35.

⁵См. Лук. 6:45.

И-9. Конверт заказного письма Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому
от 4 марта 1893 г. (см. стр. 95)

29. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

28 апреля 1894 г. Москва.

Москва. 29 апреля 1894 г.

Дорогой Ф[едор] Алекс[еевич],

С высказанными вами в вашем письме мыслями о воспитании я вполне согласен. Слово есть одно из самых естественных, распространенных и легчайших способов передачи мысли. К сожалению, оно же и самое обманчивое, и потому-то в воспитании, при котором опаснее всего обман, и обман, всегда легко раскрываемый детьми, самым действительным и лучшим и исключающим возможность обмана, часто невольного, средством — всегда было и будет личный пример жизни воспитателя. Только в этом смысле я и писал в письме, про которое вы говорите, о примере или своей жизни, как главном средстве воспитания. Пример и своя жизнь включает в себя и слово. Пример учит жить и говорить. Слово же не включает в себя примера. Только это я и хотел сказать в том письме.

Прощайте, желаю вам всего хорошего.

Любящий вас Лев Толстой

Дорогой Ф[едор] Ал[ексеевич],

Письмо это я писал под диктовку Льва Ник[олаевича], с кот[орого] в это время писал портрет художник Ярошенко.

Сегодня Л. Н. уехал в Ясную Поляну.

Не помню, писал ли я вам в последнем письме, кажется довольно бестолковым, что я отдал вашу повесть «Курганиху» одному моему знакомому молодому издателю Влад. Дмитр. Бонч-Бруевичу. Он ловко проводит в цензуре и надеюсь, проведет и вашу повесть и издаст ее. Он будет вам писать об этом.

Любящий вас П. Б.¹

---

¹Текст письма продиктован Толстым П. И. Бирюкову в день отъезда в Ясную Поляну (28 апреля).

О жизни как вере во Христа.

Часто заданное вопросом о смысле жизни. —
Во всем состоит этот смысл жизни? ... Я так
много, что если разучусь есть верою — правду, то
от этой веры я и могу получить смысл и
цель моего бытия. Правда жизни значит во всем
самом ином смысле должно служить этой пра-
вде; значит то, что мы называем правдой или
этим, прежде всего должно быть я сам, а то, что
мы называем правдой, значит это должно быть
дух во всем и во всем, что было и будет, потому что,
прежде, чем я должен создать свое счастье,
я должен создать счастье других по крайней мере
много тем, чтобы не давать зла людям; то,
— что я приобретаю этим себя, будет самым
благим тем, как оно будет благом дру-
гим, и это есть то, что мы называем словом.
Мое духовное я не должно служить или и-
ного во всем, чтобы этот единственный человек
в себе и во других человеках, любить ^{ак} тем, как
будто бы это было нечто другое. Я понимаю, что
это пострадавший Христос. Он пострадал ка-
то слово, которое дано миру, а это слово выразит

30. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

5 мая 1894 г. Село Богородское.

5 Мая 94.

Дорогой Лев Николаевич!

Из Вашего письма я понял, что говоря о воздействии на детей примером, Вы хотели только сказать, что пример должен идти впереди слова. Это несомненная истина, потому что только то, что уже совершилось во внутренней жизни человека и что сделалось его верой и жизнью, только это и может быть словом человека и притом словом *чистым, живым* и словом не личности, но самого Бога. Рядом с примером воздействие слова совершается сильнее. Но не есть ли это положение частное и не находите ли Вы, что есть еще общие определения истины, которые в совокупности можно выразить только чрез посредство слова, и не находите ли Вы, что одно из свойств познания духа есть *чистота мысли* и что это-то свойство, присущее по природе каждому человеку, нуждается все-таки в очищении посредством взаимного общения чрез слово, а тем более в упрочении, в особенности в детях, сознания того, что первую и важную необходимость для внутренней жизни человека представляет забота о *самоочищении* мысли, т. е. развитие в себе привычки всегдашнего, упорного и строгого обследования своего внутреннего мира, его движения, его побуждений и стремлений и его отношений к внешнему миру и своим поступкам. Мне кажется, что на этом основывается и истинная жизнь человека в своих частных проявлениях. Если это так, то как Вы смотрите на дело передачи общих религиозных истин посредством школьных бесед с детьми? Я думаю, что это бы даже необходимо осуществлять в такой среде, как наша сектантская, где хотя и бывают религиозные собрания, но не приуроченные к детскому возрасту. Ведь много есть людей, сознавших истину, но борющихся с своими слабостями, почему же им не уделить бы время на подобные беседы с детьми, путем нравственных и религиозных чтений, путем передачи событий из жизни людей, борющихся за истину, ведь это тоже может захватывать душу слушателя и иметь воспитательное значение. Ведь одним из недостатков в воспитании детей есть не только отсутствие хороших примеров, но и отсутствие заботы дать детям оружие для сознательного отыскивания пути истины среди окружающего мрака. Дети иногда столько

проводят времени среди одурманивающего их развращенного общества, что у них притупляется чуткость и ясность взгляда и они становятся холодными и к хорошим примерам. В данном случае хороший пример личности, поставленный человеком впереди, может быть для руководителя обязательным проверочным средством лично для себя и пособием для его дела в отношении сильнейшего влияния на детскую душу, которая чем более завалена мусором, тем более требует и работы над ней, но это будет совершаться неизбежно взаимно как на воспитателе, так и на ребенке — важно установить только между двумя душами ту нравственную связь, чрез которую переливается содержимое из одной души в другую.

Об подобном общении с детьми, единственная цель которого в передаче общих положений истины, я и хочу спросить Вас. Как Вы смотрите на это? Не находите ли Вы, что это будет одно из внешних учительств, мало дающих пользы для души? Мне кажется, что если бы люди рядом с стремлением своего личного самоусовершенствования, что необходимо должно быть основой каждого дела, направили бы свои силы и на дело исключительного в специальном смысле общения с детьми, то они могли бы внести свою долю пользы в человеческую жизнь. Мне кажется, что это будет выше, чем удаляться от «мира» и искать успокоения от его грехов, кое-что созерцая и кое-что поделявая, боясь замараться и пасть от соблазна. Право, я иногда думаю, что не беда иногда замараться и пасть, только бы не выпускать из глаз того света, которым живешь, а то пожалуй будешь думать про свою внешнюю чистоту, да и потеряешь тот маяк, на который должен держать путь, несмотря на встречающуюся грязь и препятствия, которыми нельзя не пройти, если движешься.

Меня смущает еще одно, это вопрос половых отношений. Как и когда говорить об них с детьми? Надо или нет об этом говорить с ними? Вопрос этот обоюдоострый и об нем следует подумать, и я желал бы знать Ваши мысли об этом.

Ради Бога, не откажитесь написать и поверьте, что этим Вы окажете нравственную поддержку и помощь.

Искренно любящий Вас
Ф. Желтов

Адрес: Село Богородское
Нижегород. Губ.
Федору Алексеевичу
Желтову

31. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

12 мая 1894 г. Село Богородское.

Милый Лев Николаевич!

Не дивитесь, что на меня нашла полоса писать Вам и что я, не дождавшись ответа на письмо предыдущее, посылаю Вам это настоящее. За последнее время у меня столько накопилось передуманного и перечувствованного, что я, несмотря на то что удерживался долгое время писать Вам, не мог отказать себе в потребности высказаться пред Вами, тем более что поводом к тому послужила отчасти читанная мною Ваша статья «Царство Божие». Об ней мне и хочется поговорить и откровенно изложить свои мысли.

Я верю, что царство Божие имеет свою внутреннюю ценность, гораздо высшую, чем все ценности внешнего мира. Чтобы поверить людям в эту ценность и отдавать за нее все, оставить ее при себе, надо разобрать свой *внутренний*, а не внешний мир, хотя верно, что внешний мир есть простое отображение внутреннего, а это тем более доказывает необходимость искать причины повреждения внешнего мира во внутреннем. Всякие учреждения зла внешнего мира суть только тени внутренних микроскопических движений человеческой души, а потому и зло, которое мы видим в человеческих законах и учреждениях, возникло не от сознательных действий отдельных лиц, а от внутренней микроскопичности человеческого духа, от того понижения человеческой личности, которое так сильно развито в самом обществе. Действия людей, противные закону Христа, происходят не потому, что над людьми повелевает нечто внешнее, но потому, что человек, поступающий так, не начинал еще жить жизнью и действовать высшею волею, и не потому, чтобы он того не хотел, а потому, что в нем не развился еще внутренний человек, его истинная сущность, его свободная личность. Нам кажется, что и это делается оттого, что внешняя жизнь с своими требованиями и законами задавила эту личность, закрыла ее свет, но это кажется только потому, что мы, живя миром внешним, ложно приписываем ему самостоятельную силу, забывая о том, что мир внешний *не существует*, существует только мир внутренний — те или иные движения его, и что все, что человек может извлечь для своего блага, постоянно открыто ему в его внутреннем мире и всегда готово служить ему в каких бы то ни

было условиях и положениях и к отражению того, что требует, возлагает и чем обязывает его внешний мир.

Все те учреждения, которые мы видим как зло, есть в сущности совокупные требования личностей, живущих теми или иными слабостями духа, и начало этих слабостей и есть та первая причина, которая полагает основание к организации того, что человечество имеет как известный закон общественной жизни, и обвинять в этом людей, регулирующих основы этого закона — нельзя: они отвечают только на запрос. То, что мы видим законченным, обобщенным, началось и произошло из того, что совершалось когда-то и совершается теперь как утрата ясности сознания в людях, составляющих общество, о том, что в жизни отдельной личности может совершиться весь полный истинный мировой закон, независимый от внешних условий. Как для Бога нет зла, так и *для Христианина нет и не существует зла*. Христианин живет не во внешнем мире, а освобождается от него. Над ним нет властвующих: разве над Христом властвовал Каиафа или Пилат? Разве для того, чтобы быть Христу, надо было, чтобы не было ни Каиафы ни Пилата? Разве они помешали и тому, чтобы были Христиане, последователи Христа? Разве когда-нибудь властвовали над Христианами Нероны и Калигулы, хотя и убивавшие их? Чем же достигалась такая полная, независимая от внешнего мира свобода верующих людей? Могла ли бы быть она полнее, если бы не было ни римских законов, ни римских гонений, ни жестоких инквизиторских пыток? Всему этому должно быть, сказал Христос.¹ Христианство же тем и отлично от других учений, что оно учит *не изменению и уничтожению независимого от верующего внешнего мира греха и соблазна (Матф. 8; 22), а отношению к этому миру*, и отношение к нему, согласное с духом сознанный внутренней правды и любви — есть *все*. Внешний мир должен сгорать и он сгорает чрез постоянное и неуклонное вливание в него огня духа любви и правды и прежде всего для личности, и никакое внешнее переустройство мира, никакое его внешнее изменение, происшедшее из перемены тех или иных учреждений, законов и т. п., не сделает того, что делает незаметная, невидимая внутренняя работа людей, работающих над просветлением своего сознания идвигающихся по освещенному пути, и тем-то и отличается свойство этого пути от других, что он всегда открыт и для движения по нем всегда есть надежные средства и для него нет таких орудий у внешнего мира, которыми можно бы было его заграждать: «иди ко Мне и пей»² — человек произвольно только теряет способность видеть его. Христианину можно сказать другому человеку как брату только одно, чтобы он проверил свой внутренний мир, узнал бы личность свою и свою радость и благо и получил свободу. В эту цель и должна быть направлена вся мысль человека, потому что она одна открывает всю ложь, которую ему надо видеть. «Царство Божие внутри вас» и «оно

подобно драгоценной жемчужине, за которую человек отдает все, что имеет и удерживает за собой»³. Так вот — раскройте-ка сильнее эту существенную ценность, покажите ее людям — разве ценность этого царства сама по себе недоступна пониманию людей и не может привлечь их к себе, как привлекает их внешний капитал с внешними прелестями и ценностями жизни? Разве положительная сторона Христианского учения не есть обличительница лжи и не может показать всех отрицательных сторон человеческой жизни? Разве формы отрицательных сторон жизни могут быть постоянными, одинаковыми внешними признаками, чтобы определение этого признака навсегда избавляло людей от зла, не может ли быть этих форм будущих, с новыми признаками, как есть они прошлые и настоящие? Все те недомыслия, какие существуют в людях, не могут быть доказаны без того, чтобы прежде не открыты были им их *внутренние* заблуждения и отклонения — их ложные понятия о себе, своей жизни и законе личности. Все заблуждение людей состоит не в том, что существует организованное насилие, организованное убийство, а в том, что человек допустил в своем сознании представление того, что благо его жизни есть благо внешнее и что оно может быть охранено и увеличено внешними действиями и учреждениями, связанными между собою цепью его же ложного понимания о благе жизни личности и о ее обязанностях и правах. Рассматривать видимую, внешнюю жизнь людей, вылившуюся в общественные учреждения и законы, как нечто отдельное, самостоятельное, независимое от подчиненных этой жизни личностей, нельзя: как капитал, богатство, роскошь и т. п. состоят из частичных стремлений толпы и кажутся ценны для людей только потому, что толпа, напирая по одному направлению к ложному центру, сгрудила в этом центре свои разрозненные обманные стремления, сделав их более заметными и более привлекательными, так и учреждения ложной человеческой жизни скованы из отдельных ударов личностей и поддерживают свое значение тем же напором толпы. Лапландец, идущий на собаках, в то время когда собаки устают и перестают двигаться, забрасывает пред их глазами на длинной палке привязанный кусок рыбы; собаки, видя приманку, бросаются и бегут, теряя последние силы, и везут лапландца. То же самое и с богатством и с учреждениями, охраняющими его. А дело просто — недостает только понятия: измени толпа центр, поставь иные цели, перестань напирать с низших ступеней и задних рядов кверху, и ни учреждений, ни ценности богатства — все рассыпется, как пирамидка гороху, когда выдернешь горошинки нижнего ряда. Все, что заметно нам в жизни людей как зло, есть в сущности простой дым от суживания внутреннего огня человеческого духа, который на свободе всегда горит ярко и светло, без копоты. Так в этой ли копоты и дыме вся суть?...

Итак: *внешнего зла в мире нет, есть только зло внутреннее* и потому силы Христианина должны быть направлены не на внешнее устранение внешних явлений зла, сформировавшихся в законы и учреждения, по которым живет общество, *а на изменение своих отношений к этим явлениям* и на приведение своего внутреннего состояния в такое положение, при котором внешняя жизнь должна всегда лежать ниже уровня внутреннего сознания человека и потому не составлять для него жизни. Уничтожение же незаконных требований совершается очень просто чрез уничтожение незаконных требований своей личности.

Вот, дорогой Лев Николаевич, краткое изложение тех мыслей, которые я давно хотел Вам высказать после прочтения Вашей статьи. Я убежден, что по вопросу о Царствии Божием это не последнее Ваше слово, за Вами осталось еще сильнейшее, которое, я верю, Вы скажете, ибо чувствую тот процесс работы, который совершается в Вашей душе. Изложение Ваших мыслей в статье Ц. Б. прекрасно, как истинный и верный ход Вашей духовной работы, но для многих людей, слабо работающих над просветлением сознания, все-таки встретится в ней и то, что послужит к худшему, превратному толкованию и к причинам ненависти не к сущности поступков и действий людей, а к самим людям, поступающим так или иначе. Я не хочу сказать, что из коренной сущности статьи можно сделать подобные выводы, но что для необходимой, строгой Христианской определенности суждения, следовало бы осязательнее и заметнее пронизать все рассуждение основой Христианского взгляда на дело и выпуклее выставить то, что представляет из себя *ценность* Царствия Божия. Необходимо удерживать читателя у того окна, из которого Вы смотрите на Божий мир — вот что нужно.

Простите за такие прямые и быть может нескромные слова; высказываю их пред Вами потому, что надеюсь на Вашу отзывчивость и чуткость и что Вы по-братски поможете, если я ошибаюсь и думаю ложно. Напишите мне все-таки на это письмо, что Вы думаете о всем сказанном. Буду ждать с нетерпением Вашего ответа, надеясь наперед, что Вы не лишите меня Вашего общения.

Любящий Вас
Ф. Желтов

12 Мая 1894 года.

Адрес: Село Богородское, Нижегород. Губ.
Федору Алексеевичу Желтову

---

¹См. Матф. 24:6.

²Иоан. 7:37.

³См. Матф. 13:45, 46.

32. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
15 мая 1894 г. Село Богородское*.

15 Мая 1894 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Послал я Вам около недели тому назад заказное письмо в Тулу — получили ли Вы его? Сомневаюсь, не зная теперешнего Вашего адреса, ибо слышал, что Вы выбыли из Москвы. Второе письмо я послал уже чрез П. И. Бирюкова, который, вероятно, перешлет его Вам. Пожалуйста напишите мне, если получите эти письма. Кроме того покорнейше прошу Вас, не укажете ли Вы мне, где бы приобрести Ваше последнее исследование Евангелия и сочин. «О жизни». Эти вещи меня лично интересуют, ибо я читал в отрывках, да и есть желание ознакомиться с ними. Буду ждать ответа.

Любящий Вас Ф. Желтов

Село Богородское Ниж. Губ.

---

*См. конверт, стр. 115.

33. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

23 мая 1894 г. Ясная Поляна.

Федор Алексеевич,

Письма ваши я получил и отвечал на одно из них¹. В другом вы спрашиваете меня о том, как относиться к детям по вопросу об общении полов. Я думаю, что, как я и писал вам, не существует особенного вопроса воспитания. Для того чтобы воспитывать хорошо, надо жить хорошо перед теми, которых воспитываешь. И потому и в вопросе о половом общении надо быть, насколько можешь, чистым и правдивым: если считаешь половое общение грехом и живешь целомудренно, можно и должно проповедывать целомудрие детям; если стремишься к целомудрию, но не достигаешь его, так и надо говорить детям. Если же живешь нецеломудренно и не можешь и не хочешь жить иначе, то невольно будешь скрывать это от детей и не будешь им говорить про это. Так это и делают.

Л. Толстой

Книги, о кот[орых] вы пишете, я думаю, можно достать через Посредник.

На обороте:

Нижегородской губ.

Село Богородское

Федору Алексеевичу Желтову

---

¹Письмо 29.

34. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову
Конец мая, после 23-го, 1894 г. Ясная Поляна.

Федор Алексеевич,

Получил ваше третье письмо и не скрою от вас, что содержание его мне не понравилось. Простите меня, но всё то нехристианское устройство нашей жизни, после 1800 лет исповедания Христа и после всех чувствительных рассуждений и проповеди о любви на тему 13 Кор[инфянам]¹, происходит от того, что вы делаете в вашем письме. Любовь без дел мертва. Мы так забыли это, так загромодили свою жизнь нелюбовными, зверскими, дьявольскими учреждениями, что любовь задушена в зародыше и ей проявляться негде и невозможно ни в чем, кроме как в подаче левой рукой гривенника, когда мы правой сдираем сотни и тысячи, или в сантиментальной любви к *своей* семье, *своей* жене, *своим* матерям, отцам, детям. И вот, как только проявится требование не то что разрушить, а только не содействовать этим учреждениям, исключаяющим возможность проявления любви, так тотчас же раздаются голоса, указывающие на то, что дело не в учреждениях, а в любви. Да какая же может быть любовь у палача, у солдата, у землевладельца, у купца, у продажного священника, врача, адвоката? Так что первое проявление любви в нашем обществе неизбежно столкнется с учреждениями — не то что станет разрушать их, а перестанет участвовать в них. И потом хорошо доказывать то, что сущность всего дела в любви, а не в учреждениях, тому, кто думает так, как революционеры, а не мне, который, до скуки повторяя всё одно и то же, борется с этими взглядами, утверждая всё одно и одно: ищите царства Божия и правды его, Царство Божие внутри вас, а остальное приложится вам².

А между тем, если уже делать сравнение, то из двух людей: атеиста и нехриста, который, жертвуя собой, борется с теми учреждениями, которые он считает гибельными для людей — своих братьев, и номинального христианина, который, как английские пасторы да и многие другие, читает проповеди на 13 Коринфянам, а обходит осторожно учреждения, которые ему выгодны и которыми он живет, несмотря на то, что они гибельны для его братьев, — из этих двух я все-таки предпочитаю первого, хотя и не согласен с ним. — Ученик Христов так же, как учитель, ищет царства Божия и правды его и в искании этом так же, как и учитель, столкнется, неизбежно сталкивается с учреждениями нехристианскими. Если же он не сталкива-

ется, то что-нибудь да не то. Меня гнали и вас будут гнать. Вот что я думаю о вашем письме. Помогай вам Бог быть в любви и истине.

Л. Толстой

¹Первое послание ап. Павла к Коринфянам, гл. 13.

²См.: От Матф. 6:33, От Луки 17:21.

И-11. Конверт заказного письма Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому от 15 мая 1894 г. (см. стр. 112)

35. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

23 июня 1894 г. Самарская губерния.

Столыпино
23 Июня 94 г.

Дорогой и добрый Лев Николаевич!

Мне мучительно больно думать, что последнее мое письмо Вам было неприятно. Писал я Вам не в смысле возражения, а то, что думалось, и быть может, пришлось выразить не так ясно, что хотелось бы сказать. С Вашими выводами я вполне согласен и убежден, что поступки Христианина должны быть неизбежными признаками его веры и любви, без которых они мертвы. Если Христианину придется столкнуться с учреждениями зла, то все, что он должен сделать, это чтобы не участвовать и не содействовать им. Этого я не упускал из виду, излагая свои мысли и в полученном Вами письме.

Но тут может быть два положения, одно: верующий Христианин, столкнувшийся с требованиями, противными своей совести, откажется сделать требуемое, и это будет свидетельствовать о истине; другое: человек, понявший зло требования учреждения, уничтожит *внешнее* положение учреждения, и это не будет свидетельством о истине, а зло. Знаю, что дух Вашего слова имеет первое основание, но то, что сделает первый, зависит не от прямого его признания внешнего зла мира, а от происшедшей уже его внутренней перестройки жизнепонимания, которое само по себе укажет ему направление пути во всех чаянных и нечаянных столкновениях с жизнью: «а вы не думайте, что говорить вам, ибо сам дух подскажет, что надо сказать и сделать»¹. Ведь корень суммированного зла заключается в личности человека, а не во внешнем учреждении, и потому все, что отражается в видимом учреждении, есть в сущности предметы внутреннего суженного и ложного жизнепонимания отдельных личностей, и вот это-то и хотелось мне высказать в прошлом письме и думаю, что это и необходимо осветить, чтобы было понятно, какое держится страшное зло в мире на мелочах отступления от истины, от воли Бога каждой отдельной личности и сколько теряется чрез это истинных радостей и благ жизни.

Поподробнее напишу Вам по приезде домой, ибо теперь я нахожусь по болезни в Самарской губернии (Криволучье, Столыпинские воды), куда и пишите до 5 июля, если вздумаете что сказать

на это краткое письмо и кажется не особенно ясное. Ответ я бы рад получить, ибо все, что писал я, имело целию воспользоваться Вашим словом для своего внутреннего прояснения. Ради Бога простите, что в прошлом письме я писал кажется неумеренно и резко. Целую Вас братски.

Ваш Ф. Желтов

---

¹См. Матф. 10:19, 20.

36. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

7 или 8 июля 1894 г. Ясная Поляна.

Спасибо, что ответили мне так кротко на мое некроткое письмо. Прошу вас простить меня, если в нем было что-либо неприятное вам. Отвечая вам, я отвечал многим людям, неправильно уклоняющимся от требований христианского учения. До вас это не относится.

Любящий вас Л. Т.

На открытке:

Нижегородской губ.

Село Богородское

Федору Алексеевичу Желтову

37. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
6 августа 1895 г. Село Богородское.

Милый Лев Николаевич!

Вчера я передал А. Н. Дунаеву письмо из Тифлиса, адресованное Вам чрез меня и которое Ал. Н-ч обещал послать Вам. Оно касается может быть известных уже Вам событий с духоборцами на Кавказе. Если Вам потребуются более обстоятельные сведения по этому делу, то лицо, которое Вам пишет, может их сообщить. Напишите ему, если желаете что узнать поподробнее.

Примите от меня мой искренний привет и пожелание всего лучшего. Передайте также приветствие мое и Марье Львовне.

У меня до Вас покорнейшая просьба, которую прошу Вас не откажитесь исполнить. Я имею в виду издать сборник, прибыль с которого поступит на учреждение бесплатной народной библиотеки-читальни в нашем селе. Не дадите ли для этого сборника какую-либо Вашу статейку или рассказец. Вы этим мне много бы помогли, так как помещенный в числе других литературных работ Ваш рассказ помог бы значительно распространению сборника. Поимейте пожалуйста это в виду и хотя бы не скоро не откажитесь снабдить меня просимым, и если найдете возможным при случае, поспособствуйте в получении статей и от других знакомых Вам писателей, что для меня лично будет большой помощью.

Не откажитесь, добрый Лев Николаевич, написать, можно ли мне на это надеяться.

Целую Вас братски.
Искренно преданный
и любящий Вас
Ф. Желтов

Адрес до 1 сент.:
Нижегородск. Ярмарка,
Шорный ряд
Федору Алекс. Желтову

38. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

19 августа 1895 г. Ясная Поляна.

Дорогой Федор Алексеевич,

Письмо о духоборах получил. Благодарю за сообщение. В сборник ничего дать не могу, да и вам не советую издавать. Все эти благотворительные балы, спектакли, сборники — нехорошо. Кто хочет помочь, так может помочь.

Как ваше здоровье и телесное и душевное? Дай Бог, главное, чтобы второе было хорошо; тогда первое теряет свою важность.

Передайте мой привет вашей матери, жене и всем тем, кто знает и помнит меня.

Любящий вас Л. Толстой

19 августа 1895.

На конверте:

Нижегородской губернии

Село Богородское

Федору Алексеевичу Желтову

Нижегородской губернии
село Богородское
Федору Алексеевичу
Толстому

И-12. Конверт письма Л. Н. Толстого к Ф. А. Желтову от 19 авг. 1895 г.

Дорогой Федор Иванович,
Милно и душевно помы-
сли. Благодарю за письмо.
Вы собрали много дачи
и шов да и сами не со-
брали. Которые два
подарившие даки, одна
такая, собранная - хорошая,
это все-таки много так,
есть, много.
Как ваши здоровье и как
дела? Делать? Делать
возможно, тогда будет
много хорошо. Тогда будет
терпеть, своего, впрочем,
переходит или пристрастия
к себе, к себе, к себе и
всем тем, кто знает
и знает, знает.
С любовью ваш Толстой

19 августа 1893

39. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
19 октября 1895 г. Село Богородское.

Милый Лев Николаевич!

Простите пожалуйста, что на августовское письмо Ваше я не ответил тогда же. Ваши знакомые и моя мать и жена очень тронуты Вашей памятью о них и просят меня передать Вам свой привет и любовь, кроме того они просят сказать Вам, что их лучшие воспоминания, какие всегда им будут дороги, это те, которые относятся к времени посещения ими Вас и Вашей семьи. Я же не менее тронут Вашим сердечным вопросом о моем здоровье. Да, я три года страдал сильным ревматизмом, не позволявшим мне первое время даже ходить. Только нынешнее лето я сравнительно чувствую себя лучше и, кажется, что прежние боли миновали. Правда, как Вы говорите, что не важны наши телесные недуги, только бы душевное состояние было крепко и хорошо. При таком сознании облегчается наша земная плотская жизнь, ее страдания и лишения, и что же в сущности представляет из себя забота о телесном здоровье, удалении от себя страданий и лишений как не то, чтобы достичь невозможного: ведь вся жизнь состоит из них и забота о плотском есть только забота о продлении того ряда ощущений, из которых, как из звеньев цепи, создан ряд плотских отправлений, и как бы ни были они длинны, если бы мы могли продлить их, мы не встретили бы в этом полноты жизни, удовлетворения ею, законченности, значит не в них наш итог жизни, и жизнь не может измеряться временем: можно прожить много, *но иметь* мало, и можно коротко жить и иметь то, что не дается и долгим течением плотской жизни. В физических же страданиях есть и своя хорошая сторона: они помогают освежению и сосредоточению духа, а в этом так часто, очень часто нуждаешься. Милый Лев Николаевич, как удержать себя в Царстве Небесном, в том хорошем состоянии духа, от которого происходит благоволение к людям и мир, когда часто в жизни, в тех неправых условиях, в которых живешь, делаешь не то, что надо делать, а делаешь противное духу и любви, и мучаешься и скользишь на этом пути?

Таких мучительных минут приходится переживать немало и боишься только одного — не замерла бы острота духа, показывающая отклонение от Божьего пути. Какие средства для поддержки нужны тут? Минутами ужасно становится, когда представишь себе духов-

ное угасание и последствия его — духовную смерть. Не так страшит плотское уничтожение личности, как то, что держит ее для каких-то высших требований, вложенных в плотское существо как его закон. Остаться с этим наедине и ужасная и радостная минута. Ужасная — если сознание не было с ним, и радостная, если этому началу служил и работал, и тогда можно только с радостью, с удовлетворением, с предвкушением полного соединения и покоя сказать: «Отче! я исполнил волю Твою и иду к тебе».

Я думаю, что вся деятельность людская в своей отрицательной и положительной форме зависит только от двух основных положений жизни: от боязни остаться самому с собой наедине, от убегания от внутреннего сосредоточения, заглушаемого мучительной и бесцельной суетой внешних мирских занятий, которыми люди спешат забросать ясность и чистоту своего сознания, и от постоянного и неуклонного труда над самим собой, над прочищением путей внутреннего сознания, и частые внутренние проверки и беседы с духом, источником жизни. Уклонения от середины в ту или иную сторону и создают хорошие или худые отношения человека к жизни. Чуткость к поворотам и к движению и даже падению есть признак жизни души. Пока же эта чуткость живет — и благо человеку. Но ужасно представить замирание этой чуткости, духовную смерть, уничтожение, полное духовное уничтожение; что-нибудь да совершается тогда с личностью и с его плотью там в глубине его духовного и плотского существа?! Может быть, это иным образом отражается и на его объединенном духом жизни плотском существе. Может быть и часть плотской смерти будет для него иным, и переживание его стоит многих годов, прожитых им? Может быть, да это пожалуй наверное, что духовное уничтожение не есть в сущности уничтожение в себе духовного, а только развитие противодействующих духу сил, слившихся в непрерывный ряд давлений духовного начала жизни, поддерживаемых человеком.

Беседа с внутренним человеком очень полезна, и он всегда ждет и готов что-нибудь открыть; внешний же мир отвлекает от этого. Это видно на детях, как они растут. И над ними часто думаешь — увлекает мир, соблазны давят, а как предохранить от них? Можно ли действовать ограничением свободы там, где видишь, что делает человек только по подражанию другим, потому только, что не сознает ясно зла. Как мучаешься и болишь, когда видишь это и когда чувствуешь, что на деле воздействия на детскую душу нет подсобной тяги со стороны и остается одиночество, да и сам еще не осилишь самого себя и ежеминутно борешься и берешь, может, иные средства для дела вместо нужных. Если сказать: не делать того-то, не ходить туда-то, потому что это дурно и не хорошо и не допустить сделать это внешним образом *чрез непозволение*, когда видишь прямое зло, то, может быть, это и близкое средство, но действительное ли оно и

следует ли его употреблять хотя как исключение? Спрашиваю я об этом по отношению к детям, которые все-таки могут поддаться этому, хотя может и с недовольством на сердце. Как Вы на это смотрите? Чувствуешь на себе нравственную ответственность за детей. Не сдерживаешься и поступаешь может нехорошо, если *требуешь*, но не употребляя физического насилия может делаешь пользу. Как же нужно относиться, когда видишь, что спрашивают тебя сделать то и это с заранее решенным взглядом под обаянием внешнего гипноза и спрашивая могут сделать и нет, смотря по тому, как скажешь, как *потребуешь*, и когда видишь, что не убеждение удержит от дела — оно не откроет зла в эту минуту, и именно *требование*: «*не делать*», хотя это и вызовет затаенное недовольство. Не будет ли это нравственным насилием и не обманчиво ли это средство? А может быть, от требования «не делать» есть и польза: не свыкается человек с тем делом, которое дурно, и ослабляет его соблазн, когда он делается не так доступен. Скажу откровенно, что ни за ни против по этому вопросу я не могу сказать окончательно, но какое-то смутное и неясное чувство борется в душе с жалостью забросить это средство, не упустить его, когда можешь употребить, и это неясное чувство робко заявляет что-то свое, но не определенно, и для меня было бы хорошо, если бы Вы высказались по этому вопросу, чего я усердно прошу.

О Вашем отказе дать рукопись для сборника прибавлю к настоящему письму откровенно, что оно меня огорчило. Согласиться же с Вашим взглядом на искусственную помощь не откажешься, он справедлив, но в деле, о котором я писал, есть исключение и поэтому, не распространяясь, думаю, что Вы поверите мне и посмотрите на это так же. Если будет час расположения, не откажите — ведь Вам одинаково, как ни пройдет в печать Ваша рукопись, тем или иным путем, чрез журнал, сборник, газету. Если Вы не откажете, я начну дело и обращусь к другим, если нет — оставлю его.

Покройте братской любовью недостатки мои и сего письма, пишу Вам как человеку, который не перетолкует на худо неясное и недосказанное.

Целую Вас братски и обнимаю
Вас от души.
Любящий Вас
Ф. Желтов

19 Окт. 1895.

Адрес: Село Богородское
Нижегор. Губ.
Федору Алексеевичу
Желтову

40. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
27 октября 1895 г. Село Богородское*.

Дорогой Лев Николаевич!

Недавно узнал, что Вы еще в Ясной, а я на днях направил Вам письмо в Москву, надеюсь, что оно все-таки дойдет к Вам, но счел не лишним сообщить об нем и настоящим письмом. Наверное, Вы не лишите меня ответа на то письмо. Буду писать Вам, надеюсь, скоро еще, а пока позвольте пожелать от меня Вам для Вашего духа мира и Царствия Божия и засвидетельствовать Вам свою искреннюю братскую любовь.

Целую Вас во имя
Христовой любви
Ф. Желтов

27 Окт. 95.

---

*См. письмо, стр. 127.

41. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

18 декабря 1895 г. Москва.

18 декабря 95. Москва.

Дорогой Федор Алексеевич,

Как только получил ваше письмо, так тотчас хотел вам отвечать, так как имею очень определенные мысли о том вопросе, который занимает вас; но отчасти нездоровье, отчасти суета жизни и занятия до сих пор задержали меня. О воспитании я думал очень много. И бывают вопросы, в которых приходишь к выводам сомнительным, и бывают вопросы, в которых выводы, к которым пришел, окончательные, и чувствуешь себя не в состоянии ни изменить их, ни прибавить к ним что-либо: таковы выводы, к которым я пришел, о воспитании. Они следующие: Воспитание представляется сложным и трудным делом только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было. Если же поймем, что воспитывать других мы можем только через себя, воспитывая себя, то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос жизни: как надо самому жить? Я не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включало бы и воспитания себя. Как одевать, как кормить, как класть спать, как учить детей? Точно так же, как себя. Если отец, мать одеваются, едят, спят умеренно и работают, и учатся, то и дети будут то же делать. Два правила я бы дал для воспитания: самому не только жить хорошо, но работать над собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать из своей жизни от детей. Лучше, чтобы дети знали про слабые стороны своих родителей, чем то, чтобы они чувствовали, что есть у их родителей скрытая от них жизнь и есть показная. Все трудности воспитания вытекают от того, что родители, не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть эти недостатки в детях. В этом вся трудность и вся борьба с детьми. Дети нравственно гораздо проницательнее взрослых, и они — часто не выказывая и даже не сознавая этого — видят не только недостатки родителей, но и худший из всех недостатков — лицемерие родителей, и теряют к ним уважение и интерес ко всем их поучениям. Лицемерие родителей при воспитании детей есть самое обычное явление, и дети чутки и замечают его сейчас же и отвращаются и развращаются. Правда есть первое, главное усло-

вие действенности духовного влияния, и потому она есть первое условие воспитания. А чтоб не страшно было показать детям всю правду своей жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или хоть менее дурной. И потому воспитание других включается в воспитание себя, и другого ничего не нужно.

Любящий вас Л. Толстой

Дорогой Лев Николаевич! (28)
Недавно писал, что вы мне дали
а я не пишу вам. Вам
мне во всем, надеюсь,
что оно будет вам добрым и
Вам, но сейчас не смел
сообщить об этом и не мог
писать письмо. Наверное
за последние месяцы отговор
на то писано. Буду писать
Вам, надеюсь, скоро еще, а пока
покамест покамест отгов
Вам для нашего будущего
и счастья ваших и ваших
отговорок. Вам своего не
ного братского слова.

ЖЕЛТОВЪ
с. Ярославское Пис. г. 28.

Умило Вася воина
Крестово и вода

27 окт. —

Оксенто.

42. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
29 декабря 1895 г. Село Богородское.

29 Декабря 1895 г.

Дорогой и милый Лев Николаевич!

Ваше письмо мне много принесло утешения. Оно ответило на самые насущные вопросы души, которые, по моему далекому несоответствию внешнего положения с внутренним сознанием, всегда с горьким чувством и болью отзывались на сердце. Я с горечью вспоминаю ту пору, когда дети в своем невинном возрасте, с своими детскими светлыми душами и с детской чистой простотой и свободой, бодрили дух надежды, заставляя думать, что я найду сил удержать это состояние над ними и охранить от влияний внешнего мира. Но по мере возраста область этого влияния расширяется над детьми и захватывает их в себя как чудовище, разливая в их сознании свой яд, окрашивающий в иные цвета их мысли и чувства. Чем яснее сознаешь это, тем больше болишь, и страдаешь, и мучаешься своим бессилием и беспомощностью, ища каких-нибудь путей для выхода. Приходится прийти к тому же заключению, о котором пишете Вы, это вникнуть в свое личное положение в жизни и насколько оно будет выражением правды, настолько же окажет помощи и в жизни детей, так как образ жизни родителей, их поступки и убеждения неизбежно отразятся и на детях, а если видишь, что этого мало падает на детскую душу, то значит, что нечего задаваться приисканием иных мер воспитания и ограждения детей, кроме тех, которые должны отнестись к своей собственной личности, к ее исправлению и усовершенствованию. Это бы, кажется, должно включить в себя весь вопрос о влиянии и воспитании детей, но не приходится ли еще считаться с внешними условиями, в которых живешь, с тем общим лицемерием жизни, которая создала особую атмосферу, проникающую до мозга костей во всякой области человеческой деятельности, везде — и в школе, и в обществе, и в литературе, и в развлечениях, и в театре, везде чувствуется дыхание этой зараженной атмосферы и ужасен именно ее особый отличительный признак, примесь которого найдется на каждом шагу, и страшно не то, что неизбежно приходится встречаться с ним, а страшно какое-то напряженное, назойливое проскальзывание этого признака, страшно то, что как будто бы уже совсем с этим человечество сжилось и не чувст-

вует зла и способствует его расширению. Надо представить себе по этому положению уровень общественного сознания, чтобы понять, как много, очень много нужно для его подъема, и тем более много ответственности на тех, чье сознание просветлело и кто орудия подъема употребляет во зло. По отношению к общественному сознанию имеет большую силу школа и литература, то и другое держит под постоянным и известным направлением и уровнем сознание людей и вывести их из этого заколдованного положения может только установление свободы, а это не может установиться без какого-нибудь особого фактора в их сознании и следовательно нужен какой-нибудь толчок, чтобы фактор этот явился. Вот это-то общественное положение, думаю я, имеет тоже немалое влияние на сознание детей и его рассматривать отдельно от вопроса о семейном воспитании никак нельзя, а если так, то как помогать возможной свободе детей в этом отношении, не помогать же этому на деле грешно.

В основе, конечно, должно быть тут то же, что Вы сказали в письме, но есть еще много важных побочных явлений, которые парализуют личное влияние и силу примера и обессиливают затронутые в душе ростки жизни, питая в детях на этот счет другие наклонности. В этом случае, между другими, встречается, страшно сказать, пред чем привык благоговеть и преклоняться, и литература, то есть ее особый рельефный отпечаток современного настроения общества. Влияние ее тем более губительно, что многое пошлое, низменное с букетом чувственного, преподносится в заманчивых и опоэтизированных образах. То, над чем ребенок не думал, то, чем жила его молодая душа, что она по своей чистоте чувствовала, расшатывается, растлевается, убивается целомудрие и религиозность мысли и вместо этого грязнит воображение, а приниженное уже сознание легко следует и на других путях всем мирским соблазнам, с которыми первое имеет свою тесную связь. Как Вы думаете об этом? Простите, что письмо это отрывочно и неровно — пишу, спеша послать его при случае. Кланяюсь Вам и целую Вас от души.

Любящий Вас Ф. Желтов

43. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

18 января 1896 г. Село Богородское.

18 Янв. 1896 г.

Милый Лев Николаевич!

Пишу Вам в минуту тяжелого душевного состояния, потому и хочется облегчить себя, поговорить с Вами. Я связан с многими противоречащими разумению условиями жизни, которая теперь, когда у меня подрастают дети, еще тяжелее ложится на сознание: чувствуешь нравственную ответственность за них. Думаешь, что зашел сам далеко по ложному пути, не успел выбраться и детям не в силах дать облегчение их положения. Кругом тьма, и в этой тьме люди мечутся по разным направлениям, живут в мучениях и страданиях и не сознают своего ужасного положения, считая за жизнь призрачность и обман своего отуманенного воображения. Бросить все и уйти, как думаешь иногда в минуты отчаяния, но лучше ли сделаешь если уйдешь, поможешь ли этим себе и другим? То же, что окружает тебя и в чем сам купаешься, все это до того омрачает рассудок, что иногда и сам поддаешься обману и ходишь за ним, пока не одумаешься. Вы, живя другой жизнью, не можете представить себе, как мы запутываемся в своих лихорадочно торговых денежных делах, как они подавляют нас целиком, загромаждая все наше сознание. Все, что окружает тебя — пропитано до мозга костей одними интересами личных выгод и созданием около себя условий жизни, тешащих самолюбие, гордость, плотскую похоть, чванство и все прихотливые требования праздности и роскоши. Каждое событие в жизни знаменуется теми же проявлениями самодовольства и грубых самоулаждений, раздражающих чувства других. Наше сектантство, если и имеет что хорошее, тонет в этой же сфере общих заблуждений и не в силах отделиться жизнью, нивелируясь под один уровень с окружающим. Наши дети тянутся за разбросанными приманками и побрякушками с мишурой, думая найти в них для себя удовольствие. Мы сами на практике сталкиваемся с вопросами, которые не в силах решить как нужно. Не далее как вчера здесь совершился брак сектантской девушки с православным и церковная власть наложила руку на ее свободную душу, подчинила себе ее опутанную обманами совесть.

Как ни неизбежно это явление, но оно грустно, и нашим детям приходится видеть эти примеры и косвенно участвовать в них: по знакомству зовут на вечер¹, хочется, глядя на других, пойти; как тут разубедить, чтобы не ходили? И если пойдут, мучаешься сознанием попускания на соблазн. Как же следует в этом случае поступать? И вот таких вопросов встречается много. Ты виновник рождения детей, причина этого — твоя личная невозможность выполнить закон Бога до конца на самом себе. Что же еще будет, если ты же будешь и причиною их падения и соблазна? Где же пути к детскому сердцу, чтобы сохранить их от этого? Окружающая среда нас подавляет, она совсем затушевывает твою слабую личность, ты поглощен ею, хотя бы внутри и не имел с нею ничего общего. Ряд обманов и раздражений без перерыва всю жизнь движется перед глазами и затягивает в себя, и надо много усилий, чтобы отрешиться от обаяний и чар этого «зверя из бездны», этого образа телесности, затемняющего истинный смысл. Это самая первая поворотка, за которой начинаются и другие уклонения от пути: *«пади и поклонись прежде мне»*² — и в нашей среде, думаю я, значение этой силы выражается сильнее, чем где-либо. Родившись в этом кругу, выросши в нем и не успев выбраться, теперь уже чувствуешь еще ответственность за детей. Требуется большая осторожность, боязнь неверного шага, чтобы не сбиться хоть с того просвета, который мелькает и маячит на пути, и не то что желаешь передать что-то детям, а хоть не повредить необдуманном шагом и требованием их душу, а затем думаешь, не лучше ли переменить им среду, чтобы облегчить им путь к жизни. Я не отдал детей никуда в «науку» — учная мудрость мира сего есть безумие пред Богом³, — но хорошо ли я это сделал? Может быть, им там лично было бы свободнее удержаться на истинном пути, может быть, не наука, а окружающая среда для внешнего и внутреннего воздействия имела бы более благотворное влияние на них? Я теперь думаю об этом, о младших детях и только именно в смысле облегчения их нравственно-духовного положения. Я не знаю хорошо, что там их будет окружать — Вы-то хорошо знаете эту среду, что же она принесет им?

Поверьте, что мне очень мучительно решать этот вопрос и, может быть, он неясен мне по моей личной слабости и, может быть, надо бы по отношению к себе решать не этот вопрос в первую очередь, да ведь что же сделаешь, если связан пока и идешь не туда, куда бы хотелось, а куда поведут тебя? Страдая этим еще больше и думаешь о том, чтобы хоть детям-то облегчить их положение, пока они не затянулись жизнью. Иногда слова Евангелия: «Кто не возненавидит отца, мать, детей ради Меня (и не бросит их?) — недостойн Меня»⁴ — смущают меня; не значит ли это: не нужно заботиться о них, а о Боге только, а последнее и включит первое, или же уйти из того положения, которое сознал за ложное, бросив все и разорвав

связь с семьей?.. Как Вы поняли эти слова? И еще спрошу: следует ли путем запрета не позволять делать детям то, что считается за худо, хотя бы запрет этот и был им неприятен? И как при этом сохранить связь с ними без нарушения любви и привязанности их к себе или же надо сохранять только последнее, принося в жертву их поступки, хотя бы и вредящие душе? Будьте так добры, дорогой Лев Николаевич, напишите мне и братски скажите то, что думаете.

Искренно любящий Вас
Ф. Желтов

Село Богородское
Нижег. Губ.
Федору Алексею
Желтову

---

¹А вечера эти проводятся у церковников, как и везде: с танцами, музыкой и проч. — *прим. Ф. А. Желтова.*

²См. Матф. 4:9, где дьявол говорит Иисусу: «все это дам Тебе, если падши поклонись мне».

³См. 1 Кор. 3:19.

⁴См. Матф. 10:37: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

44. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

7 апреля 1897 г. Село Богородское.

Дорогой Лев Николаевич!

Я очень бы желал слышать Ваши взгляды на суждение о личности Иисуса и о значении его слов о Христе, Сыне Божием и проч., что я излагал Вам в письме, пересланном чрез А. Н. Дунаева. Может ли все это вытекать из учения Христа и не будет ли это искусственной прививкой к Его учению того, что не могло выходить из него? Я думаю, что все то, что я говорил, есть именно та основа, на которой должна лежать вся нравственная сторона учения Христа. Нравственную сторону учения Его нельзя рассматривать отдельно: она должна вытекать из свойства общечеловеческого внутреннего закона, вошедшего в род людской помимо воли человека. Ведь Вы не можете же смотреть на это иначе? Объяснить так учение Христа, дать истинную точку взгляда на Него, значит дать подлинный ключ к пониманию смысла этого учения, который мог бы подходить хорошо к двери входа, а без того чтобы не отворить этой двери, нельзя легко войти и в обитель Христа. Мы так запутаны толкованиями церковщины, давно утратившей близость к Христу и потерявшей ключ от Его учения, что не можем сразу отрешиться от навеянных нам полуязыческих, полуиудейских представлений и перейти на практическое исповедание учения Христа. В деле объяснения этого учения необходимо взять начало с личности Иисуса, как выразителя *внутреннего* общечеловеческого Христа, познав которого нельзя уже останавливаться на Иисусе и его авторитете: «Это Он сказал, потому и истинно»; тогда Христос, Сын, уже будет то, что живет в личности человека, и уже в силу свойства своей общечеловечности, свойства близости к душе каждого человека может стать опорой и заменой в почитании вместо личности Иисуса как человека, выразителя этой истины. Ведь нельзя понимать слов Иисуса: «верующий в Меня не умрет во веки»¹ и т. п., что эти слова именно относятся к личности Его: Иисус в своем учении ясно провел мысль отречения от плотской личности во имя жизни духа *во всех тварах*, и та живая сила, которая есть разумение, и признается им за то, что существует и должно существовать, остальное же есть только внешние явления, не составляющие самой жизни. Я недавно читал о Лао-Цзе. У него есть прекрасное определение этой сущности, определяемое словом «*Тао*», так вот это то же, о чем и от имени чего говорит и

Христос, а потому в учении Его должно признать это «*Tao*» за точку отправления всех наших суждений.

В Вашей статье «О жизни» выражается то же самое, и это-то самое суждение, как я думаю, необходимо слить с нравственным учением Христа, от чего оно может быть полнее и доступнее для понимания Его и более живого и прочного усвоения.

Я Вас прошу написать мне во имя любви и братского общения, что Вы думаете об этом. Буду ожидать с большим нетерпением Вашего ответа, который мне очень необходим для подъема так часто слабеющего духа.

К Ал. Н-чу я отослал второе письмо Мазаева на мой ответ; он передаст, вероятно, Вам его². Письмо это интересно в том отношении, что в нем ярко выражено то отступление в понимании о Христе, о котором я говорю.

Любящий Вас
Ф. Желтов

7 Апреля 1897.

Адрес: Село Богородское
Нижегор. Губ.
Федору Алексею
Желтову.

---

¹См. Иоан. 11:26: «И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек...».

²Богатый молоканин П. А. Мазаев жил в Донской области; издавал сектантскую литературу.

Письмо Желтова написано после того, как в марте 1897 г. он побывал в Москве у Толстого. 8 марта Толстой рассказывал об этом визите и встрече со старообрядцем В. В. Паньковым — в письме В. Г. Черткову: «Очень интересный был разговор старика с Желтовым. Старик внушал Желтову, что нехорошо, не веря в божественность Христа, продолжать поддерживать это суеверие в собраниях. При этом выяснилось, что тот молодой молоканин, Дубовской, отделился с некоторыми друзьями от своего общества именно вследствие непризнания божественности Христа. Он считает, что не может участвовать в молениях, начинающихся словами: во имя Отца и Сына и Святого духа. Так что эти выделившиеся суть не что иное, как унитарьянцы. Это очень поразило и порадовало меня» (ПСС, Т. 88, С. 15).

45. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

10 апреля 1897 г. Москва.

Любезный Федор Алексеевич,

Мысли, высказанные вами в письме к Мазаеву и ко мне, о значении Сына Божия, не могут быть мне не близки и не могут не разделяться мною вполне, так как это те самые мысли, которые 20 лет тому назад послужили основанием моего возрождения и которые я, как умел, высказал подробно в большом переводе и соединении Евангелий и потом в кратком переводе, и в книге О жизни, и во всем том, что я писал впоследствии о религиозных вопросах. То, что вы выражаете, и очень хорошо, те же мысли, меня очень радует. Если вы выражаете, не читавши перевода и соединения Евангелий, то это доказывает только то, что эти мысли истинны и так естественны, что сами собой вытекают для искреннего человека из чтения Евангелия, если же, что вероятнее, вы читали перевод и соединение Евангелий и усвоили так себе эти мысли, что они сделались для вас своими без вопроса о том, откуда вы почерпнули их, как это часто бывает, то это еще радостнее и только еще больше подтверждает истинность такого понимания сущности жизни, так как такое понимание жизни есть не что иное, как тот самый свет Божий, живущий в нас, сознавший самого себя и отделивший себя от того животного существа, в которое он послан и с которым соединен в этом мире.

К этому сознанию должны прийти все люди, и в содействии этому сознанию состоит главная, единственная даже, задача нашей жизни. Содействовать же этому сознанию мы можем и словами и делом, главное, делом жизни, чтобы свет наш светил перед людьми¹.

В разжигании в нас самих этого света, в возвышении в себе сына Божия заключается единственное истинное благо нашей жизни и это же разжигание света в свете и светит другим людям. Так что то, что единое на потребу, искание царства Божия и правды Его, достигает обеих целей, и внутренней и внешней. Так и будем, братски помогая друг другу, делать это единое на потребу и словом и, главное, делом.

Изложение ваше в письме очень хорошо, видно, что вы вполне овладели предметом и что мысль ясна для вас во всех подробностях, и потому я думаю, что очень полезно распространять такие мысли².

Душевно радуюсь тому духовному единению, в котором вследствие этого вашего письма чувствую себя с вами.

Братски приветствую вас и всех друзей.

Любящий вас Л. Толстой

10 апреля

На конверте:

Село Богородское

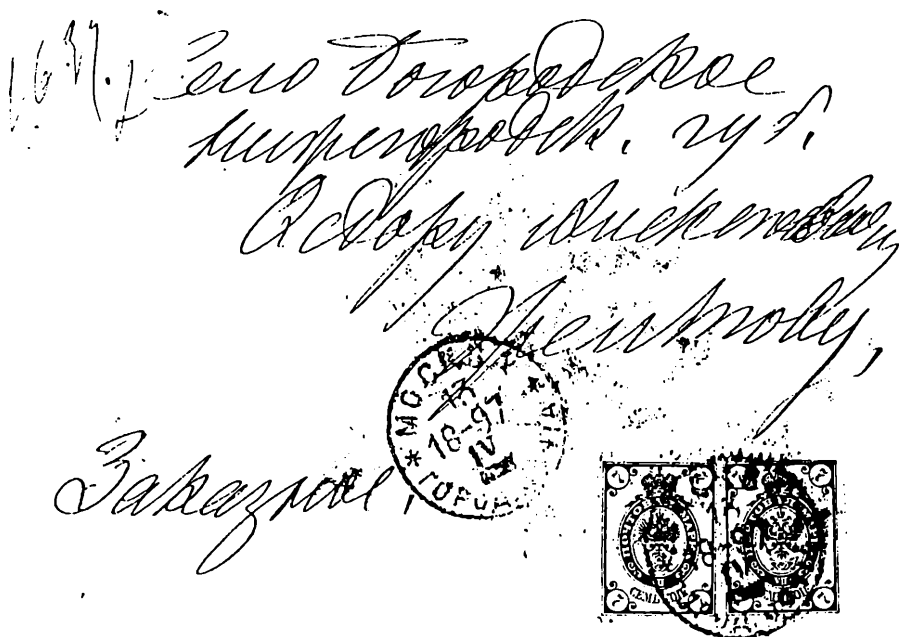
Нижегородск. губернии

Федору Алексеевичу Желтову

Заказное

¹См. Матф. 5:16.

²Начиная с 1895 г. Желтов принимал участие в издании журнала «Духовный христианин», где печатал свои религиозно-философские статьи. В 1908–1911 годах в Петербурге вышли его брошюры: «Следуй за мной», «Два пути (О букве и духе)», «Разумное служение (Из переписки с друзьями)», «Что есть истина?», «О зеленой палочке». Первые три сохранились в яснополянской библиотеке. См. титульный лист «Двух путей» на стр. 155.

[illegible]

И-16. Первая страница письма Л. Н. Толстого к Ф. А. Желтову
от 10 апреля 1897 г.

46. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому

21 апреля 1897 г. Село Богородское.

21 Апр. 1897.

Дорогой Лев Николаевич!

Ваше письмо меня несказанно обрадовало и оживило. Я и не думал, чтобы мысли, высказанные в моих письмах, были новы для Вас. Из того, что я читал прежде в вашей книге «О жизни» и «Кратк. изл. Евангелия», я уже не мог не знать общих оснований относительно понимания Евангельского учения. Мне почему-то показалось, что я выбрал новую точку зрения и новую сторону, с которой освещается предмет. Может быть, я не умел выразить того, что думал, но всего вероятнее это то, что мне полнее и яснее усвоилась в сознании та истина, которая скрыта в душе человека и разлита во всем мире. «Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда он приходит и куда уходит»¹. Хорошо, если будет человек чувствовать Христа как живую силу, связанную с его плотской личностью, а не как лицо, исторически стоящее в рядах людей и отличившееся от других своим особенным отношением к миру. В первом случае человек смотрит на все как на свой внутренний, живой, пребывающий в личности человека не по воле этого человека закон, во втором же, даже и при том понимании, что Христос не Бог, а человек, но человек, отдавшийся воле Бога и исповедавший Его закон, который Он высказал людям, будет смотреть на Него как на *внешний* авторитет. Его истинное понятие о Христе совпадет с тем, когда он перенесет понятие о Нем в свой внутренний мир и почувствует Его в себе как живую, независимую от его воли силу. Это не просто известное жизнепонимание, но это есть *основание* истинного понимания, *сила* этого понимания, источник его, как это и высказано в беседе с Самарянкой и Никодимом у Христа². Ведь чувство совести в душе человека не есть простое внешнее отражение и не то, что зависело бы от воли и распоряжения человека, это есть отражение того, что царствует в мире и что ведет мир к благу. Оно сказывается само. И к этому-то неосязаемому началу и необходимо придерживать в порядке свою чуткость, как сказано в притче о рабах и Господине. Насколько близок человек к этому началу, настолько он забывает и свою личность и крепок в деле истинного поступка. У него один учитель и один наставник, который всегда с ним, а в нем обитает и вся полнота жизни.

Целую Вас братски и от души благодарю за письмо. Ваши знакомые шлют Вам привет. Мы очень радостно провели дни Пасхи в общении и беседах, которые вызваны были Вашим письмом. Если что почувствуете сказать, сердечно буду рад Вашему письму.

Любящий Вас Ф. Желтов

Село Богородское Нижегород. Губ.
Ф. А. Желтову.

---

¹Иоан. 3:8.

²См. Иоан. гл. 4, гл. 3.

47. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
27 декабря 1900 г. Село Богородское.

Дорогой Лев Николаевич.

Сегодня был у меня крестьянин Антипин, которому Вы оказали сочувствие в его деле по подаче обжалования на решение суда¹. Он просил меня написать Вам о своих признательных к Вам чувствах за оказанную Вами братскую помощь. Исполняя это, я прошу принять и от меня глубокую сердечную благодарность, так как я надеялся, что Вы направите этого человека куда должно и окажете тем нужную для него помощь.

Антипин мне передал, что Вы хотели передать о его деле Вашему знакомому, кажется Кузминскому, во время проезда его чрез Москву из Киева. Если это так, то, пожалуйста, потрудитесь ради спокойствия этого человека сделать все, что Вы найдете нужным, а о том, что Вы не отложите этого дела и сделаете как говорили, я уверил Антипина и он вероятно приедет опять в Москву, как будет надобность.

Может быть что нужно по его делу будет сообщить, то пишите на меня.

Сердечно Вас любящий
Ф. Желтов

27 Декабря 1900.
Село Богородское
Нижегор. Губ.

---

¹Старообрядец А. А. Антипин (1864–1918) — крестьянин села Ворсма Горбатовского уезда Нижегородской губернии, был осужден к ссылке в Закавказье за резкое выражение о таинстве евхаристии. Толстой обратился за помощью к А. Ф. Кони, и Московская судебная палата заменила ссылку трехмесячным тюремным заключением. В конце декабря 1900 г. Антипин благодарил Толстого (см. ПСС, Т. 72, С. 535). В сентябре 1918 г. крестьянин был расстрелян по обвинению в контрреволюции.

48. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
27 декабря 1900 г. Село Богородское.

Дорогой Лев Николаевич.

У меня накопились некоторые вопросы, с которыми я давно собирался обратиться к Вам как для подтверждения вызванных мыслей, так и разрешения их.

Я решил сейчас же написать при посылаемом письме хотя бы только о следующем:

Признаете ли Вы необходимой заключительную общую молитву в таких собраниях как например у сектантов, собирающихся в праздничное время для чтения Писания, обсуждения, беседы о религии и необходим ли в таких собраниях установленный порядок в целях лучшего и полного объединения мыслей на внутренней сущности собрания, а также на уяснении истинного значения собрания и отношения человека к Богу?

Как в этом избежать тех слабых сторон, которые могут послужить соблазном для слабых духом в смысле привязанности к ним как к обряду, правилу и форме?

У Христа о молитве сказано ясно. Из его примера видно, что молитва его была всегда уединенная. Но нам приходится считаться с введенными хотя и без худой цели обычаями наших собраний, которые заканчиваются молитвенным обращением к Богу всего собрания, а это, как правило, не может ли быть зацепкой для жизни духа?

Я думаю, что молитва есть только подобие молотьбы хлеба или перемалывания зерна в нужную для хлеба муку и как такая она может быть личным делом каждого в отдельности человека, а для общественного дела нужен от него только результат этого дела, т. е. молотьбы, перемалывания, которые он должен делать на *своем* гумне и на *своих* жерновах.

То же, думаю, должно относиться и к собранию, которое должно быть строго религиозно и назидательно, но без всякого повода к зацепке духа и к порождению правил, а если так, то как отнестись к тому, что удержано обычаем, и что выбрать на место этого, чтобы оно выражало только подтверждение верования и уяснение того дела, которое нужно делать как богослужение *вне* собрания и не в словах

благодарения и прошения, а в самом деле поклонения Богу духом и истиною, в том деле, которое выражается волей Отца.

В этом есть нужда, и я прошу Вас, дорогой Лев Николаевич, написать, как Вы думаете об этом.

Прошу принять мой и от моего семейства сердечный привет и любовь и передать всей Вашей семье пожелание добра.

Глубокопреданный
Ф. Желтов

27 Дек. 1900.

Адрес:

Село Богородское

Нижег. Губ.

Фед. Ал. Желтову

49. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

30 декабря 1900 г. Москва.

Получил ваше письмо, Федор Алексеевич. Об Антипине сделаю, что могу. А у меня теперь гостит ваш знакомый Христофор Иванович. Он просит, чтобы вы навестили его хозяйку и успокоили ее на его счет¹.

На вопрос ваш вы сами отвечали.

Молитва не может быть иной, как уединенная. Если же собрания нужны для общения, то я бы советовал читать, беседовать, а кроме того в праздничные дни собирать нищих, без различия исповедания, и кормить их и самим служить им.

Лев Толстой

30 дек.

На конверте:

Нижегородск. губерния

Село Богородское

Федору Алексеевичу Желтову

---

¹Х. И. Шалашов (1860-е гг.—1923) — крестьянин Нижегородской губ., сектант-молоканин. В декабре 1900 г. пешком ходил в Москву для свидания с Толстым и прожил в Хамовническом доме несколько дней. Жена его — Домна Васильевна Шалашова (ум. 1922 г.).

50. Ф. А. Желтов — Л. Н. Толстому
17 сентября 1909 г. Село Богородское.

Во имя мира и любви.

Глубокоуважаемый в единстве Духа во Христе (Ев. Иоан. 17; 21)

Лев Николаевич!

Искренно радуюсь Вашему бодрому состоянию духа, о чем доходят до нас вести из газет. Отраднo чувствовать, что единство Духа Отца жизни все более и более сближает людей и недалеко то время, когда гимн неба: *«Слава в вышних Богу: и на земле мир, в человеках благоволение»*¹ радостно будет звучать во всех человеческих сердцах.

Эта духовная радость уже и в настоящее время пробуждает многие человеческие сердца к новой радостной духовной жизни и много людей уже отдают свои труды на развитие в людях тех духовных семян жизни, от которых должны расцвести «плоды духа», чтобы дать человечеству истинный хлеб жизни, дающий людям не плотскую временную, а духовную вечную жизнь. Сознавая, что Ваши усилия направлены именно на эту сторону жизни, нам — (говорю не только от себя, но и от имени нескольких так же чувствующих и сознающих) — особенно радостно поделиться с Вами этим отрадным чувством.

Всматриваясь в жизнь глубже, видишь, что несмотря на ее худые стороны, несмотря на всю плотскую суету жизни, в этой жизни пробивается под действием вечных законов и что-то новое, всеобъемлющее, всепокоряющее, и идет Тот вечный «грядущий» к истине, Кто станет в конце всего воплощенным в жизнь.

Веря в это, получаешь духовное откровение, которое показывает, как проста скрытая в человечестве истина и как близка она к каждому из людей. «И не на небе она, чтобы сводить ее оттуда, и не под землю, чтобы ее извлекать; она в устах и сердце каждого человека» (Римл. 10; 6–8). И каждый час и минуту подтверждается это в самой жизни.

Недавно, когда мне пришлось быть среди тысяч съехавшихся на Нижегородскую ярмарку людей, среди торговой суеты и обилия тьмы, готовой поглотить человеческие души, мне очень понятны стали слова Христа: «Как было во дни Ноя: ели, пили, женились...

так будет и в дни пришествия Сына Человеческого»² и: «Как молния озаряет тьму, так будет и явление Его».

Это я и видел своими глазами. Среди торгового мрака, съехавшиеся за своими личными делами люди не были удовлетворены этим, но искали случая сблизиться духовно, воспользоваться этим временем не только для прибыли земной, но и для прибыли духовной, небесной. И окружающий мрак выделял свет, люди сходились и служили духу жизни развитием истинных духовных понятий и в обмене мыслей, как немощные в купели целебной воды, получали исцеление и укрепление, радость и твердость веры и духа.

В близком единении с жаждущими духовного блага мне приходилось наблюдать, как среди разнородных верований и внешних определений, убеждений, а тем более разных наций людей начинает царствовать сближающий их истинный дух жизни, и как близко начинают сближаться человеческие мысли при подъеме их на вершину горы, где обитает закон духа. Вот пред вами люди, называющие себя: адвентистом, штундистом, баптистом, молоканом, духовным Евангелистом, свободным, православным, старообрядцем, субботником, евреем, масульманином и т. п. — и все эти люди в общем духовном собеседовании, как это чувствовалось, были более чем когда-либо сближены между собою, а наблюдая это, чувствуешь и радуешься, что находится же путь для сближения, что действует же тот сближающий всех людей в одно дух истины, которому поручил своих учеников Христос.

Меня более всего поразил молодой магометанин, который начал излагать нарождающиеся в магометанстве новые духовные понятия, которые ясно определяют начало их пути к Христу.

«Все веры, говорил он, это отдельные светочи, необходимые для людей среди той тьмы, в которой они находятся, Христианство же в своем истинном значении есть источник света, и люди прозревают при нем так же, как после ночного сна при восходе солнца. Действие Христианства такое же как действие солнечных лучей на землю: оно не бурно, а скромно, тихо и мирно; действует на все лаской и нежностью и несмотря на это, какая из них изливается огромная животворящая сила: все, что дышит, живет и развивается, черпает себе силу только от них».

«Коран говорит: «Прикрывай крылом своей ласковости людей, сопровождающих тебя, если же они тому не будут покорны, то скажи: я часть от того, что делаете вы».

«Магомет говорил: «отец мой грешил, я же того не творю». Еще он же говорил после постигших от его проповеди кровопролитий: «Я пришел к вам не с мечом сначала, но с словами вещания, и если бы вы послушались их, то не создали бы того, от чего теперь страдаете».

Таков истинный закон Корана; что он извращен, то это же отразилось и на других верованиях.

Все же верования, выраженные от духа по откровению, идут к тому духовному совершенствованию, которое выражает в своих высоких стремлениях Христианство.

С глубоким отрадным чувством я встретил эти мысли и не мог удержаться, чтобы не поделиться ими с Вами, дорогой и уважаемый Лев Николаевич.

«Если ветви начинают мякнуть, то знайте, что близко лето; так же если это все начнет сбываться, то верьте, что близко при дверях стоите у Царствия Божия»³.

Чувствуешь, что перемене жизни час уже наступает, человечество переходит к новому состоянию жизни, заносит ногу на следующую ступень своего духовного развития, и задача истинно и разумно верующих одна, это содействовать в человечестве развитию духа, способствовать тому всеми силами ума и сердца, а если этого делать не можешь, то делай только то, чтобы *не мешать*.

Этим путем совершается духовное рождение Христа, Его воплощение, Его второе пришествие в мир.

В дополнение к беседе с магометанином интересно его знакомство с древней и новой арабской литературой, из которых он передавал некоторые выдержки, близкие и к Вашим взглядам. Между прочим он рекомендовал ознакомиться с учением магометанской секты: «*Суфийя*», а также с писаниями араба «*Имам Газзали*» (духовная Суфийя), «*Ибне*» (философия), — это испанский мавр.

Затем арабского непризнанного философа, вегетарианца *Ахмега Абуль-уля-эль Магарри*. Затем его же сочинение «*Эльлезюмият*». По-арабски произносится имя сочинителя точнее: «*Эбуль-Гуляз-ль-мааррия*».

Если Вы имеете возможность добыть эти сочинения, то ознакомьтесь и дайте ознакомиться и другим. Если же их в переводе на русский язык нет, то попросите ученых знатоков восточных языков и литературы перевести их на русский язык на общую духовную пользу.

Если желаете что написать тому магометанину, который мне все это сообщил, то адрес и имя его следующие: *Оренбург, Ахмету Сюняеву*.

От души желаю Вам здравствовать телесно и духовно на пользу всего человечества и для приобретения еще большей радости в плодах победы и торжества духа.

Искренно преданный
Ф. Желтов

17 Сент. 1909 г.

Село Богородское, Нижегород. Губ.

Адрес: Село Богородское

Нижегородской губернии

Федору Алексеевичу

Желтову

¹Лук. 2:14.

²См. Матф. 24:37-39.

³См. Марк. 13:28, 29; Лук. 21:29-31.

И-17. Конверт письма Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому
от 17 сентября 1909 г.

51. Л. Н. Толстой — Ф. А. Желтову

12 октября 1909 г. Ясная Поляна.

12 окт. 1909. Ясная Поляна.

Дорогой Федор Алексеевич,

Я получил своевременно ваше письмо и, собираясь каждый день ответить, оттянул до нынешнего дня.

Пожалуйста, извините меня. То, что пишете о суфизме, мне известно. Истинное понимание жизни и сознание отношения человека к Началу Всего и вытекающий из этого отношения закон жизни и деятельности человеческой, состоящий в любви, т. е. в соединении своей жизни с проявлением этого Начала во всех существах и преимущественно в подобном себе человеке, такое понимание жизни и вытекающий из него закон общи всем религиям в их истинном смысле. И также обще всем религиям извращение и затемнение их непонимающими их истинного значения последователями и вытекающее из этих извращений восстановление их в истинном их смысле. Таковы в магометанстве суфизм и другие учения и особенно чистое и высокое учение ученика Баба — Беха-Уллы¹. Таковы учения браминов, буддистов, таосистов, конфуцианцев, таковы отчасти учения и древних и новых мудрецов от Сократа до Канта и др.

Я, по крайней мере, я лично могу истинно верить только в такую религию, т. е. объяснение смысла жизни и вытекающего из него руководства поступков, основы которых я нахожу и в своем сердце и сознании и во всех учениях величайших мудрецов и святых людей мира.

Брошюры ваши² получил, и они мне очень понравились, особенно О Разумном служении.

В обеих брошюрах ценна мысль и указание на то, что вера без дел мертва и что царство Божие, которое внутри нас, силою (усилием) берется.

Рад был письму вашему.

Любящий вас брат Лев Толстой

Посылаю вам вновь вышедшую книгу «На каждый день» за июнь. Будут на все месяцы. Когда отпечатаются, пришлю вам.

Желаю, чтобы книга эта вам понравилась.

Л. Т.

На конверте:

Нижегородская губ.

С. Богородское

Ф. А. Желтову

-
- ¹С учением бабистов (от Баб, наст. имя Сейид Али Мохаммед, 1819–1850) Толстой был знаком давно, и еще в 1894 г. писал, что «в книгах самого Баба это учение затеряно в восточном напыщенном (для нас) многословии и в натяжках для сближения с Кораном» (ПСС, Т. 67, С. 224). Основатель бехаизма — Беха-Улла (Мирза Хусейн Али, 1817–1892). Редактора журнала «Review of Religions» муфтия Мухаммеда Салига Толстой спрашивал: «Знакомы ли вы с учениями Беха Уллы...?» (ПСС, Т. 75, С. 16). В архиве сохранился рукописный перевод сочинения Беха-Уллы «Лох. Восхождение», присланный Толстому в 1909 г. В «Круге чтения» на 14 июня помещено изречение бабидов: «До тех пор, пока ты сам грешен, не говори ни слова о грехах других».
- ²«Разумное служение» и «Два пути», изданные в 1909 г. в Петербурге (серия «Книги духовных христиан»).

Он встречался с Толстым

Как известно, наш богородский край имеет богатое историческое прошлое, с которым мы встречаемся и в старых названиях улиц, и в воспоминаниях старожилов об известных земляках. К сожалению, мы не всегда бережно относимся к историческому наследию. Меняется облик старой части города, исчезают старинные здания, но приятно, что за последние годы в центре Богородска положено начало строительству не жилых коробок, а зданий, которые своим внешним видом вписываются в историческое прошлое.

Вместе с этим еще мало мы знаем о жизни известных наших земляков. К их числу относился и Федор Алексеевич ЖЕЛТОВ.

Я ПРОСМАТРИВАЛ имеющийся в городском музее материал об этом талантливом человеке. Известно, что он родом из крестьян, по убеждению - сектант-молочанин, владелец кожевенного завода (после революции завод им. Венецкого, в настоящее время ТОО «Бокоз»).

Это был человек высокой культуры, большой книголюб, имевший богатую библиотеку, которой пользовались бесплатно богородчане.

К сожалению, Федор Алексеевич в конце 30-х годов попал в волну политических репрессий.

Вот, в основном все, что было известно.

ИЗУЧАЯ в областном архиве документы о прошлом кожевенного производства, с помощью работников архива я узнал немало нового о жизни Ф.А.Желтова.

Родился он в 1859 году (12 февраля по старому стилю) в молочанской семье. Учился в начальной школе, а в дальнейшем - домашнее самообразование, много

читает. Отец имел небольшое шорное производство. После его смерти в 1876 году хозяйство ведет мать, которая за счет кожевенного завода расширяет дело. Федор в ту пору заведует конторой.

В 1878 году он женится на дочери местного крестьянина-заводчика Е.И.Кужинной. Надо думать, что брак был счастливым, так как наряду с увеличением материального состояния растет семейство Федора Алексеевича: четыре сына - Алексей, Александр, Анатолий и Иван и две дочери - Надежда и Лидия. Таков был состав семьи к концу XIX века.

Наряду с основным делом, которое он уже ведет самостоятельно, Ф.А.Желтов зани-

мается в общине секты молокан, которая в 70-80-х годах выдерживает натиск проповедников западных лютеранских течений - баптистов и евангелистов.

Об этом он пишет в своих воспоминаниях о сектантах в с. Богородском.

БУДУЧИ по натуре очень общительным и любознательным человеком, он находился в дружеских отношениях с астрономом-самоучкой К.И.Каплиным-Тезиковым, с местной интеллигенцией.

С 1894 года Желтов постоянно общается с будущими государственными и политическими деятелями нашей страны В.Д.Бонч-Бруевичем и Е.Д.Стасовой (как говорится в документах, «... имел сношения по доставлению некоторых материалов для легальных и нелегальных изданий»).

В этот период конца 80-х - начала 90-х годов прошлого столетия Федор Алексеевич известен как местный писатель. В каталоге «Нижегородская архивная комиссия»

(Окончание на 4-й стр.).

Он встречался с Толстым

Как известно, наш богородский край имеет богатое историческое прошлое, с которым мы встречаемся и в старых названиях улиц, и в воспоминаниях старожилов об известных земляках. К сожалению, мы не всегда бережно относимся к историческому наследию. Меняется облик старой части города, исчезают старинные здания, но приятно, что за последние годы в центре Богородска положено начало строительству не жилых коробок, а зданий, которые своим внешним видом вписываются в историческое прошлое.

Вместе с этим еще мало мы знаем о жизни известных наших земляков. К их числу относился и Федор Алексеевич ЖЕЛТОВ.

Я просматривал имеющийся в городском музее материал об этом талантливом человеке. Известно, что он родом из крестьян, по убеждению — сектант-молоканин, владелец кожевенного завода (после революции завод им. Венецкого, в настоящее время ТОО «Бокоз»).

Это был человек высокой культуры, большой книголюб, имевший богатую библиотеку, которой пользовались бесплатно богородчане.

К сожалению, Федор Алексеевич в конце 30-х годов попал в волну политических репрессий.

Вот, в основном все, что было известно.

Изучая в областном архиве документы о прошлом кожевенного производства, с помощью работников архива, я узнал немало нового о жизни Ф. А. Желтова.

Родился он в 1859 году (12 февраля по старому стилю) в молканской семье. Учился в начальной школе, а в дальнейшем — домашнее самообразование, много читает. Отец имел небольшое шорное производство. После его смерти в 1876 году хозяйство ведет мать, которая за счет кожевенного завода расширяет дело. Федор в ту пору заведует конторой.

В 1878 году он женится на дочери местного крестьянина-заводчика Е. И. Кукиной. Надо думать, что брак был счастливым, так как наряду с увеличением материального состояния растет семейство Федора Алексеевича: четыре сына — Алексей, Александр, Анатолий и Иван и две дочери — Надежда и Лидия. Таков был состав семьи к концу XIX века.

Наряду с основным делом, которое он уже ведет самостоятельно, Ф. А. Желтов занимается в общине секты молокан, которая в 70-80-х годах выдерживает натиск проповедников западных лютеранских течений-баптистов и евангелистов.

Об этом он пишет в своих воспоминаниях о сектантах в с. Богородском.

Будучи по натуре очень общительным и любознательным человеком, он находился в дружеских отношениях с астрономом-самоучкой К. И. Каплиным-Тезиковым, с местной интеллигенцией.

С 1894 года Желтов постоянно общается с будущими государственными и политическими деятелями нашей страны В. Д. Бонч-Бруевичем и Е. Д. Стасовой (как говорится в документах, «...имел сношения по доставлению некоторых материалов для легальных и нелегальных изданий»).

В этот период конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия Федор Алексеевич известен как местный писатель. В каталоге «Нижегородская архивная комиссия» среди большого перечня произведений я нашел названия двух рассказов Желтова: «Кость и золото». Древнее сказание. (Москва, 1891 г.) и «Перед людьми». Рассказ крестьянина. (М. 1892 г.).

Вот как писал о нем В. Д. Бонч-Бруевич в 1928 году:

Ф. А. Желтов мне известен с 1894 года. Я познакомился с ним, тогда еще молодым писателем из крестьян, и с тех пор продолжаю поддерживать с ним переписку как с интересным самородком-этнографом, который написал очень хорошие очерки из жизни крестьян и рабочих, причем все эти очерки целиком и полностью были запрещены царской цензурой, а автора их хотели преследовать за противоправительственные выступления в этих рассказах. Меня даже допрашивали по поводу этого, так как я тогда редактировал одно издательство народных книг и хотел эти рассказы там напечатать.

Особое место в жизни Желтова занимают встречи и переписка с великим русским писателем Л. Н. Толстым.

Поводом написать письмо Льву Николаевичу была опубликованная Толстым в 1887 году «Исповедь и в чем моя вера». После чего состоялась их встреча в Москве и дальнейшая переписка.

13 февраля 1890 года Федор Алексеевич со своей женой, сестрой и зятем посетили Льва Николаевича в Ясной Поляне. В дальнейшем встречи продолжались — уже в Москве. Переписывались не так часто. Иногда по поручению Льва Николаевича на письма Желтова отвечала дочь Толстого Мария Львовна. Последнее письмо датировано 1909 годом.

К сожалению, ранние письма Л. Н. Толстого были утрачены во время пожара, 9 писем писателя были отправлены в редакционную комиссию в 1929 году, когда шла подготовка к изданию полного собрания сочинений в честь 100-летия со дня рождения Льва Николаевича.

Между тем рос и развивался кожевенный завод. К 1917 году там трудились 50 наемных рабочих. По-видимому, все вопросы производства решал один из сыновей Федор Алексеевича — Иван Федорович. Годовая производительность завода составляла 84 000 штук мелкого сырья — овчины и козлины. По тем временам это предприятие считалось одним из крупных. И поэтому в 1918 году было национализировано Советской властью. Все крупные владельцы, в том числе и Ф. А. Желтов, были лишены избирательных прав.

Стараясь доказать свою лояльность к новой власти, а также восстановиться в правах гражданина, Федор Алексеевич активно работает в различных государственных и общественных организациях.

Так, с июня 1918 года он состоял членом Нижегородской ученой архивной комиссии, которая осуществляла контроль за исполнением служащими учреждений декретов Совнаркома по уничтожению архивных документов.

В 1919–22 гг. Ф. А. Желтов — один из организаторов земледельческой артели «Трудовое содружество». При его непосредственном участии были организованы кооперативные земледельческие артели «Пахарь» и «Трудовик».

А вот справка бывшего начальника участка постройки железной дороги Кудьма–Павлово Б. Троицкого:

Я получил от Ф. А. Желтова составленные при его участии:

1. Готовый материал по изысканию направления железнодорожной линии Кудьма–Павлово.
2. Профиль пути.
3. Статистические материалы, необходимые при проектировании названной железнодорожной линии.

Недавно Н. В. Мигунов, старожил города, который знал Желтова, рассказал мне случай. Будучи молодым человеком, Никандр Васильевич на улице встретился с товарищем, и они закурили. Мимо проходил Желтов, который сказал:

— Я бы не советовал вам курить, это очень вредно.

По этому поводу есть копия письма Наркома здравоохранения Н. А. Семашко, адресованного Федору Алексеевичу:

Письмо Ваше получил. Совершенно согласен с Вами во взгляде на курение. Использую, если буду еще писать на ту же тему.

3.05.23 г. Н. Семашко.

10 мая 1932 года Федор Алексеевич был восстановлен в правах. Имея уже солидный возраст, он сотрудничает с городским краеведческим музеем, становится членом русско-германского общества

«Культура и техника» и активно отстаивает права общины молокан. Ведет переписку с сектами баптистов Германии, США, Эстонии, Латвии.

Все это сыграло роковую роль в его судьбе.

15 октября 1937 года Желтова обвинили в контрреволюционной пропаганде и связях с сектантскими организациями других стран. 22 декабря 1937 года он был приговорен к высшей мере наказания. Несмотря на ходатайство со стороны В. Д. Бонч-Бруевича и Е. Д. Стасовой, 14 января 1938 года был расстрелян.

Реабилитирован Президиумом Горьковского облсуда 12 августа 1959 года.

Федор Алексеевич оставил нам богатое наследство в виде описательного материала по заселению богородского края, по развитию на его территории различных ремесел. К сожалению, эти документы утеряны, но нельзя считать поиск их делом безнадежным.

И второе. Музей не имеет фотографии Ф. А. Желтова и его детей. В то же время в музее имеются старые групповые фотографии богородчан. Учитывая общительный характер Федора Алексеевича, можно предположить, что на каких-то из них и он запечатлен. Но нужна помощь тех, кто его знал.

Хотелось бы, если в Богородске проживают родственники Ф. А. Желтова, чтобы они откликнулись на эту статью, пришли в городской музей.

В. БАШКИРОВ

сотрудник городского музея

(из «Богородской газеты» от 19 июня 1997 г.)

КНИГИ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТИАНЪ,

сыновъ свободы, помнящихъ: Отцу не буквой и обрядами, но
духомъ, истиной и дѣлами жизни.

Ф. А. Желтовъ.

С. Богородское, Нижегородск. губ.

Д В А П У Т И.

(О буквѣ и духѣ).

„Буква убиваетъ, а духъ живо-
творитъ“.. (2 Коринф 3, 8).

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. В. Леонтьева. Васковъ переулокъ, 4.
1909.

И-19. Титульный лист брошюры Ф. А. Желтова «Два пути (О букве и духе)» (С.-Петербург, Книги Духовных христиан, 1909) — См. стр. 136.

«Мы люди простые, крестьяне и хотя грамотные, но малообразованные; нам многое еще нужно знать, много уяснить, но тем не менее мы понимаем, что те великие истины, к которым сознательно и бессознательно искони стремится человечество, которые оно выражало и выражает на разные лады и которые оно отыскивает прямыми и окольными путями, заключаются лишь в неизменном вечном нравственном законе, кратко вмещающем всю полноту их в немногих словах: в любви к ближнему, к врагу, к Богу и следовательно в познании Бога, в разумении добра и истины... Люди, о которых я говорю, это сектанты — «духовные христиане», а попросту «молокане».

— из письма Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому, 18 апреля 1887 г.

Ф. А. Желтов

«Повесть вашу получил. По духу и содержанию она очень хороша... В общем радуюсь общению с вами. Дело не в том, чтобы писать, а в том, чтобы жить христианскою жизнью; вот величайшее художественное произведение, доступное человеку».

— из письма Л. Н. Толстого к Ф. А. Желтову, 20 июля 1887 г.

Основным содержанием публикуемых нами писем является обсуждение религиозных вопросов; наряду с этим затрагивается и широкий круг жгучих социальных проблем. Религиозные верования Ф. А. Желтова, которые были во многом схожи со взглядами Л. Н. Толстого, а также основы молоканского вероучения подробно обсуждаются в письме № 15 (от 15 октября 1889 г.). Содержание этого письма, как и некоторых других писем Желтова, которые по своему объему порой приближаются к своеобраз-

ным развернутым критическим статьям или трактатам, позволяет представить себе их автора как чрезвычайно разумного человека и одновременно — как весьма колоритную фигуру. Этот русский крестьянин-сектант является, с одной стороны, непоколебимым в своих убеждениях мыслителем, а с другой стороны, оказывается чужд собственной среде в силу пронизательности своего острого аналитического ума, начитанности и логики суждений. ... В письмах Ф. А. Желтова к Л. Н. Толстому присутствует множество значительных сквозных тем. Среди них вопросы, касающиеся образования, в особенности — детского, истинного значения литературы, брака, молитвы (должна ли она быть общей или уединенной — «только уединенной», отвечает Толстой), личности Иисуса Христа, голода, пьянства, полезных книг для народного чтения.

ISBN 0-88927-043-0

Edited with an Introduction by Andrew Donskov

Published by the Slavic Research Group at the University of Ottawa
and the L. N. Tolstoy Museum, Moscow

SRG
ГМЛНТ